Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в ноябре 1946 г.

Lomonosov Journalism Journal

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**
Издательство Московского университета

№ 2 (49) • 2024 • МАРТ—АПРЕЛЬ
Выходит один раз в два месяца

Содержание

Социология журналистики

Казун А. Д. Перспективные направления исследований потребления новостей в контексте медиасреды с большим выбором..... 3

Зарубежная журналистика

Радина Н. К., Банников К. В. Медийные социальные представления о пандемии во французских СМИ 48

История журналистики

Алексеев К. А. Издание ВЦСПС «Физическая культура» как альтернативный проект главной центральной газеты по физкультуре и спорту в СССР 68

Бакулин О. А. «Книга записи снимков (1917 – январь 1921)» фоторепортера Я. В. Штейнберга: некоторые проблемы анализа источника 95

Ляпина А. В. Провинциальный журнал «Псовая и ружейная охота» (1894–1907): опыт разработки модели «народного» издания 113

Журналистское образование

Ромакина М. А. Фотожурналистское образование в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг. 139

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

Sociology of Journalism

Anastasia D. Kazun. Promising Areas for News Consumption Research in High-Choice Media Environment 3

Foreign Journalism

Nadezhda K. Radina, Konstantin V. Bannikov. Media Social Representations of the Pandemic in French Mass Media 48

History of Journalism

Konstantin A. Alekseev. The Publication of the All-Russian Central Council of Trade Unions Fizicheskaya Kul'tura as an Alternative Project of the Main Central Physical Education and Sports Newspaper in the USSR 68

Oleg A. Bakulin. Photographer Ya. V. Shteynberg's "Book of Photographs' Registration" (1917 – January 1921): Some Problems of the Source Analysis 95

Alina V. Lyapina. Provincial Magazine "Psovaya I Ruzhejnaya Ohota" (1894–1907): an Experience of Developing a Model of a Democratic Periodical 113

Education in Journalism

Maria A. Romakina. Photojournalism Education in the USSR in the 1920s – early 1930s 139

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2024

СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Казун Анастасия Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, доцент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия. e-mail: adkazun@hse.ru, ORCID 0000-0002-9633-2776

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ НОВОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАСРЕДЫ С БОЛЬШИМ ВЫБОРОМ[1]

Переход к медиасреде с большим выбором трансформировал процесс взаимодействия аудитории с информационным контентом. В статье представлен вариант разметки поля современных исследований потребления новостей и выявления исследовательских трендов, которые заслуживают дальнейшего изучения. Выделены следующие перспективные направления изучения выбранной предметной области: (1) выбор в условиях избыточного числа альтернатив, (2) новые медиарепертуары и стили потребления новостей, (3) непреднамеренное потребление новостей, (4) проблема ложной, неполной и недостоверной информации, (5) фрагментация медиапространства, (6) кризис доверия к новостям. Для каждого из указанных направлений предложен концептуальный аппарат на русском и английском языках, а также обозначены аспекты, на рассмотрении которых можно сфокусироваться, и примеры исследовательских вопросов. Кроме того, в статье подчеркиваются две более общие задачи. Во-первых, необходимость реконцептуализации терминов, которые первоначально были предложены для традиционных медиа и утратили четкость и однозначность в рамках медиасреды с большим выбором. Во-вторых, значимость отказа от нормативизма и оценочности при рассмотрении новых трендов медиапотребления. Данная статья может быть полезна для формирования общего понимания современного состояния исследований потребления новостей, а также при планировании собственного исследования – выборе темы, постановке проблемы и поиске релевантной литературы.

***Ключевые слова**: информационная перегрузка, избегание новостей, думскроллинг, фейковые новости, конспирология, новости-находят-меня, доверие к новостям.*

Как цитировать: *Казун А. Д.* Перспективные направления исследований потребления новостей в контексте медиасреды с большим выбором // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2024. № 2. С. 3–47. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.347

Anastasia D. Kazun, PhD in Sociology, Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, Associate Professor at the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. e-mail: adkazun@hse.ru, ORCID 0000-0002-9633-2776

PROMISING AREAS FOR NEWS CONSUMPTION RESEARCH IN HIGH-CHOICE MEDIA ENVIRONMENT

The high-choice media environment has transformed the process of news consumption. This article attempts to map out the field of contemporary news consumption research and identify trends that deserve further study. The following promising areas of research have been identified: (1) choice from an excess number of options, (2) new media repertoires and styles of news consumption, (3) unintentional news consumption, (4) the problem of false, incomplete and unreliable information, (5) media fragmentation, (6) crisis of trust in news. For each of these areas, a conceptual framework is proposed in Russian and English, as well as aspects that can be focused on and examples of research questions are identified. In addition, the article pointed out two more general problems. First, the need to reconceptualize many of the terms that were originally proposed for traditional media and have lost clarity and unambiguity within the high-choice media environment. Secondly, the importance of abandoning normativism and evaluativeness when considering new trends in media consumption. This article may be useful for forming a general understanding of the current state of research on news consumption, as well as when planning your own research – choosing a topic, stating a problem and searching for relevant literature.

***Key words**: information overload, news avoidance, doomscrolling, fake news, conspiracy theories, news-finds-me, trust in news.*

To cite this article: Kazun A. D. (2024) Perspektivnye napravleniya issledovaniy potrebleniya novostey v kontekste mediasredy s bol'shim vyborom [Promising Areas for News Consumption Research in High-Choice Media Environment]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 3–47. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.347

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.347

Введение

Еще совсем недавно потребление новостей было локализовано в пространстве и времени: нельзя было посмотреть телеканал в метро или какую-либо программу за рамками эфирной сетки. Потребление контента происходило преимущественно в домашних условиях (Schrøder, 2015) утром или вечером и ограничивалось пропускной способностью традиционных СМИ (Hilgartner, Bosk, 1988). Технологическое развитие радикально трансформировало информационный поток, в котором мы находимся (Вартанова,

2023). Так, распространение смартфонов повлияло на медиарепертуары пользователей (Molyneux, 2018). Появление «бесконечных» лент позволило неограниченно наращивать потребление новостей, пролистывая большое количество заголовков (*scrollability*) (Searles, Feezell, 2023) и не получая сигнала о том, что поиск пора прекратить (Williams, 2018). Новые источники информации, такие как телеграм-каналы (Lou, Tandoc, Hong, Pong et al., 2021), способствовали распространению многократных проверок обновлений медиасообщений в промежутках (*interstices*) между другими повседневными активностями (Dimmick, Feaster, Hoplamazian et al., 2011). Список таких тенденций можно продолжать долго.

В настоящее время исследователи говорят о медиасреде с большим выбором (*high-choice media environment*) (Karlsen, Beyer, Steen-Johnsen, 2020), поскольку предложение контента разного содержания, на разных платформах и в разнообразной форме (Колесниченко, 2023) чрезвычайно велико, а погружение в новостную ленту доступно практически в любом пространственном и темпоральном контексте (Boczkowski, Mitchelstein, Matassi, 2018; Hermida, 2020). При этом такое разнообразие доступных вариантов часто не является для потребителя благом. Первоначально на издержки выбора из чрезмерного числа альтернатив обратили внимание экономисты (Chernev, Böckenholt, Goodman, 2015; Куракин, Латыпов, 2023), отметившие, что избыточное количество вариантов приводит к тому, что люди затрудняются с принятием решений, реже совершают покупки (Iyengar, 2011; Scheibehenne, Greifeneder, Todd, 2010), испытывают меньшее удовлетворение от своего выбора (Botti, Lyengar, 2004; Iyengar, Lepper, 2000) и менее уверены в нем (Haynes, 2009). Особенно остро эти тенденции проявляются, если у потребителей ограничено время на принятие соответствующих решений (Haynes, 2009; Inbar, Botti, Hanko, 2011). Многие из этих выводов, сделанных для потребительских рынков, кажутся справедливыми и для сферы медиапотребления.

В исследованиях активно обсуждаются риски перехода к медиасреде с большим выбором (Van Aelst, Strömbäck, Aalberg, Esser et al., 2017). Формы подачи информации и способы взаимодействия с ней стали более разнообразными и не всегда соответствуют сформулированным ранее нормативным моделям. Впрочем, мы ставим своей целью не исчерпывающий анализ последствий трансформации медиасферы, а выделение перспективных, нуждающихся в дальнейшем изучении направлений и новых тенденций в потреблении

новостей. Предполагается, что подобная разметка поля исследований потребления информационного контента, с одной стороны, поможет сгладить проблему оторванности отечественного научного дискурса от глобальных медиаисследований (Вырковский, Смирнов, 2018), а с другой – поспособствует развитию этого тематического направления.

Данная статья преимущественно опирается на публикации в ведущих научных изданиях (согласно рейтингам *SJR* и РИНЦ) и работы наиболее заметных авторов, занимающихся рассматриваемыми темами. Поскольку фокус исследования предполагает обращение к наиболее свежим работам, ориентироваться только на цитируемость текстов, как это делается в некоторых обзорах, было бы некорректно. Также следует отметить, что мы стремились подобрать источники таким образом, чтобы ознакомление с ними могло помочь автору, который только начинает заниматься соответствующей темой, оперативно прояснить для себя ее ключевые аспекты. В этой связи в статье процитировано значительное число систематических обзоров литературы, обобщающих результаты исследований различных вопросов, связанных с медиапотреблением.

Необходимость реконцептуализации

Прежде всего усложнение структуры медиасреды ставит пред исследователями задачи, связанные с реконцептуализацией базовых терминов. В эпоху традиционных медиа понятие «новости» было относительно однозначным – продукт профессиональной журналистской деятельности (Schudson, 2011), соответствующий определенным жанровым и этическим стандартам (Bogdani , 2022) и посвященный значимым, необычным и масштабным (текущим) событиям (Harcup, O'Neill, 2017; Shoemaker, Cohen, 2005). Высокое разнообразие источников и способов подачи информации размыло его границы (Schneiders, 2023; Ткачева, Вартанов, Дунас, Гуреева, 2016). В частности, появляются новые формы коммуникации. Например, в современном мире мемы не только являются результатом спонтанного народного творчества, но и могут способствуют передаче информации о событиях повестки дня (Шомова, 2019; 2021) и политической мобилизации (Порецкова, Савин, 2021). Кроме того, информация нередко распространяется не профессиональными акторами (журналистами), а частными лица-

ми. Однако воспринимают ли люди такой контент как новостной? Следует ли относить к новостям такие форматы, как подкасты, посты публичных лиц в социальных сетях, аналитические общественно-политические ролики на видеоплатформах и т. д.? Неоднозначность трактовки понятий превращает результаты опросов общественного мнения в слабо интерпретируемые артефакты. Например, когда человек отвечает, что он редко смотрит новости, что именно он понимает под «новостями»? И насколько такое понимание разделяется другими людьми?

Необходимость реконцептуализации базовых терминов в области медиапотребления можно продемонстрировать также на примере доверия новостям. Исследователи преимущественно продолжают опираться на вопросы, направленные на выявление генерализированного доверия. Например: «Доверяете ли Вы следующим средствам массовой информации?»[2] или «Есть ли источники информации, которым вы доверяете больше, чем остальным? И если да, то каким именно?»[3]. Под источниками информации в данном случае понимается канал коммуникации (телевидение, пресса, социальные сети и т. д.). Тогда как феномен доверия является комплексным (Fawzi, Steindl, Obermaier, Prochazka et al., 2021) и, следовательно, не может быть измерен одним прямым вопросом (Knudsen, Dahlberg, Iversen, Johannesson et al., 2022). Доверие может быть к конкретным организациям, процедурам отбора и проверки информации, технологическим системам (например, Интернету), социальным системам (например, государству), отдельным персоналиям (например, репортерам) и т. д. (Jakobsson, Stiernstedt, 2023; Prochazka, Schweiger, 2019). Эти компоненты можно объединить в три категории: 1) доверие к новостной информации, 2) доверие к тем, кто распространяет новости, 3) доверие к медиакорпорациям (Williams, 2012). На каждом из этих уровней люди могут оценивать выбор тем, фактов, точность освещения и журналистских оценок (Kohring, Matthes, 2007). Высокое разнообразие доступных людям информационных ресурсов (Bentivegna, Artieri, 2020) ставит под вопрос использование исследовательских инструментов, которые были разработаны для другой медиасреды (Brosius, Hameleers, van der Meer, 2022; Daniller, Allen, Tallevi, Mutz, 2017), ведь, говоря о доверии к новостям, люди могут понимать данный феномен совершенно по-разному.

В этой связи представляется перспективным проведение качественных исследований, направленных на уточнение смыслов,

которые люди вкладывают в те или иные базовые понятия. Полезным может оказаться метод когнитивных интервью, направленный на прояснение того, как респонденты интерпретируют вопросы анкеты (например, через уточняющие вопросы или просьбу во время ответа размышлять вслух) (Климов, 2021). Подобное «тестирование» представляется особенно значимым в силу того, что многочисленные эксперименты демонстрируют влияние формулировки вопроса на ответы респондентов (Lockerbie, Borrelli, 1990; Tarantino, Jednak, 1972; Мягков, 2001; Мягков, Журавлева, 2010). Тогда как в количественных исследованиях следует рассмотреть возможность использования для измерений не единичных вопросов, а шкал, которые позволяют получить более комплексные оценки. Принимая это во внимание, далее мы остановимся на новых трендах в потреблении информации, которые представляются перспективными для изучения (см. табл. 1).

1. Выбор в условиях избытка

Первое направление исследований, которое представляется заслуживающим внимания в условиях медиасреды с большим выбором, – это принятие решений в условиях избыточного количества доступных альтернатив. Подобная ситуация избытка меняет практики людей в отношении потребления информации. Так, из большого числа альтернатив люди редко выбирают информационные ресурсы и серьезные новости (*hard news*), а также тратят меньше времени на оценку каждого предложенного варианта, сканируя их, а не сравнивая (Panek, 2016).

Изобилие и постоянная доступность новостей и развлекательного контента могут способствовать возникновению информационной перегрузки (*informational overload*) (Benkler, 2007; Chumakova, Gorshkova, Popova, Shibanova, 2018) – ситуации, когда человек получает больший объем информации, чем способен обработать за единицу времени (Eppler, Mengis, 2004), что, в свою очередь, приводит к параличу аналитики (*analysis paralysis*) – затруднению с принятием решений, связанному со слишком большим объемом доступной информации (Tandoc Jr., Kim, 2022). Таким образом, избыточное число альтернатив дезориентирует людей. Одновременно с этим для снижения когнитивной нагрузки при выборе источников информации аудитория начинает опираться на интуицию и эвристики (Metzger, Flanagin, 2013), отказываясь от попыток оценить субъективную полезность тех или иных

ресурсов. Следовательно, выбор в условиях избытка можно рассматривать как с точки зрения последствий для поддержания информированности людей (информационная перегрузка, паралич аналитики), так и с позиции адаптации пользователей к сложившейся ситуации (например, использование эвристик или следование своим привычкам в отношении потребления новостей).

2. Новые медиарепертуары и стили потребления новостей

Медиасреда с большим выбором также способствовала возникновению новых медиарепертуаров. Умеренный регулярный мониторинг новостей, который воспринимался как нормативно желательный, замещается другими стилями потребления информации. Некоторые тренды можно считать присущими техническому развитию медиасреды в целом. В частности, распространение перекусывания новостями (*news snaking*) (Barnes, Mulcahy, Riedel, 2023; Ohme, Mothes, 2023), понимаемого как поверхностное ознакомление с соответствующим контентом в ходе частно повторяющихся коротких проверок, обусловлено растущей популярностью новостных приложений и телеграм-каналов как источников информации.

Вместе с тем некоторые «отклоняющиеся» практики потребления новостей, хотя и становятся со временем более распространенными, ярче всего проявляются в конкретных контекстах. В частности, широко обсуждаемые в современных исследованиях избегание новостей (*news avoidance*) (Skovsgaard, Andersen, 2020; Toff, Palmer, Nielsen, 2023) и думскроллинг[4] (Price, Legrand, Brier, Van Stolk-Cooke, 2022) являются продуктом медиасреды с большим выбором и следствием кризисной ситуации. В условиях кризиса усиливается негативный уклон новостей. При огромном предложении информационного контента это вызывает увеличение эмоциональных издержек потребления информации (Богомягкова, Попова, 2021; Mannell, Meese, 2022; Villi, Aharoni, Tenenboim-Weinblatt, Boczkowski et al., 2022), что может способствовать (частичному) отказу от них для поддержания индивидуального благополучия. Ситуации кризиса также свойственна неопределенность, которая порождает потребность в ориентации (*need for orientation*) (Weaver, 1980) и, следовательно, спрос на информацию (Boomgaarden, de Vreese, 2007; Westlund, Ghersetti, 2015). Таким образом, кризисная ситуация в контексте медиасреды с большим выбором может способствовать одновременному распростране-

нию противоположных тенденций – избыточному вниманию к новостям для снижения чувства неопределенности, с одной стороны, и избеганию такой информации как форме самосохранительного поведения – с другой. Не случайно оба этих сюжета вызвали наибольший интерес исследователей в контексте пандемии *COVID-19* (Buneviciene, Bunevicius, Bagdonas, Bunevicius, 2021; de Bruin, de Haan, Vliegenthart, Kruikemeier et al., 2021; Link, 2021; Ytre-Arne, Moe, 2021; Zhou, Roberto, Lu, 2023; Максименко, Дейнека, Мортикова, 2022).

Таким образом, представляется целесообразным рассмотрение новых медиарепертуаров, связанных как с техническим развитием, так и с ситуативным контекстом. Долгое время считалось, что оптимальным является умеренный и регулярный мониторинг новостей, обеспечивающий достаточную информированность, но не требующий чрезмерных ресурсов (временных, когнитивных, эмоциональных). Однако недавние исследования демонстрируют, что «отклоняющиеся» стили потребления информации становятся все более распространенными (Newman, Fletcher, Robertson, Eddy et al., 2022; Радаев (ред.), 2023). Тем не менее как отказ от новостей, так и избыточное внимание к ним обычно описываются оценочно, с акцентом на негативных эффектах соответствующих практик. Избегание новостей связывают с рисками утраты информированности (Eveland, Scheufele, 2000; Hayes, Lawless, 2018; Ksiazek, Malthouse, Webster, 2010), а избыточное медиапотребление – с угрозами ментальному и физическому здоровью (Boukes, Vliegenthart, 2017; Holman, Garfin, Silver, 2014; McLaughlin, Gotlieb, Mills, 2022; Silver, Holman, Andersen, Poulin, 2013). В этой связи представляется особенно важным, отказавшись от нормативных оценок, рассмотреть такие явления, как перекусывание новостями, избегание новостей и думскроллинг.

3. Непреднамеренное потребление новостей

Активное использование социальных сетей, браузеров и приложений привело к возникновению еще одной тенденции, характерной для медиасреды с большим выбором, – случайного потребления новостей (*incidental news exposure*) (Goyanes, Demeter, 2022; Mitchelstein, Boczkowski, Tenenboim-Weinblatt, Hayashi et al., 2020) и эффекта «новости-находят-меня» (*news-finds-me*) (Казун, 2023а; Gil de Zúñiga, Weeks, Ardèvol-Abreu, 2017; Toff, Nielsen, 2018; Gil de

Zúñiga, Cheng, 2021). Контакт с новостями может не инициироваться пользователями, а возникать как побочный продукт реализации других действий (например, проверки электронной почты, общения в социальных сетях) (Kümpel, 2022; Schäfer, 2023). В целом получение информации без ее преднамеренного поиска происходило и в случае традиционных медиа (Shehata, 2013; Zukin, Snyder, 1984) и описывалось в терминах пассивного обучения. Однако именно развитие онлайн-коммуникации сделало случайное потребление новостей по-настоящему массовым. По некоторым оценкам в современном мире люди чаще сталкиваются с политическим контентом на неновостных сайтах, чем на новостных (Wojcieszak, Menchen-Trevino, Clemm von Hohenberg, de Leeuw et al., 2024).

Вместе с тем значение случайного потребления новостей для осведомленности населения остается дискуссионным. С одной стороны, непреднамеренное столкновение с таким контентом может способствовать информированию людей, которые не заинтересованы в новостях и не имеют мотивации для их намеренного поиска (Feezell, 2018). С другой стороны, ряд исследований показывают, что случайное потребление новостей не повышает знаний людей или даже приводит к их снижению (Anderson, Howell, Xenos, Scheufele et al., 2021; Borah, Su, Xiao, Lai Lee, 2022; Feezell, Ortiz, 2021). Причиной этого может стать отказ от активного поиска информации из-за уверенности, что случайно полученных сведений достаточно (Cacciatore, Yeo, Scheufele, Xenos et al., 2018; Lee, 2020; Park, Kaye, 2020). Кроме того, можно ожидать, что, сталкиваясь с новостями случайно, люди, не заинтересованные в такой информации, не будут инвестировать временные и когнитивные ресурсы в ее критическое осмысление, что, в свою очередь, повышает риски оказаться дезинформированными. Активная публичная дискуссия, в том числе в социальных сетях, также может вызывать у людей ложное ощущение знания (Anspach, Jennings, Arceneaux, 2019; Schäfer, Schemer, 2024), позволяя поверить в свою осведомленность, однако не обязательно повышая ее в реальности. Так, например, освещение экономического кризиса 2008 г. привело к росту самооценки финансовой грамотности у россиян, тогда как тесты не показывали увеличения знаний (Кузина, 2012).

4. Проблема ложной, неполной или недостоверной информации

Еще один широко обсуждаемый тренд в современном мире – проблема ложной, неполной или недостоверной информации. Термин «фейковые новости» стал словом года после президентских выборов в США в 2016 г. (Казун, 2020), а распространение теорий заговора привлекло внимание исследователей в контексте пандемии *COVID-19* (Ripp, Röer, 2022; van Mulukom, Pummerer, Alper, Bai et al., 2022; Климова, Чмель, Савин, 2020). Хотя сама проблема вводящей в заблуждение информации не нова (Kapantai, Christopoulou, Berberidis, Peristeras, 2021), трансформация медиасреды способствовала ее актуализации (Arqoub, Elega, Özad, Dwikat et al., 2022; Tsfati, Boomgaarden, Strömbäck, Vliegenthart et al., 2020). Прежде всего в современном мире производство и распространение новостей стали менее институционализированными (Макеенко, Вырковский, 2021; Вартанов, 2023): любительские медиа и непрофессиональные журналисты в настоящее время вносят заметный вклад в публичную коммуникацию (Krebs, Bachmann, Siegert, Schwab et al., 2021). Отсутствие институционального контроля и непрофессионализм авторов контента могут способствовать циркуляции недостоверной информации. Кроме того, необходимость конкурировать за аудиторию, обострившаяся в рамках медиасреды с большим выбором, приводит к тому, что ряд ресурсов начинают предлагать контент, который в наибольшей степени соответствует взглядам и интересам зрителей (Hamilton, 2006). В результате неточные новости, которые тем не менее подтверждают идентичность, могут распространяться более эффективно (*propaganda feedback loop*) (Benkler, Faris, Roberts, 2018). Наконец, особенности коммуникации в социальных сетях могут способствовать активному распространению именно фейковых новостей (Vosoughi, Roy, Aral, 2018).

Потенциально негативные эффекты распространения недостоверной информации служат значимым аргументом для проведения исследований в данной области. В частности, отмечается, что ложная информация и теории заговора оказывают влияние на многие сферы жизни: приводят к неблагоприятному для здоровья поведению (Allington, Duffy, Wessely, Dhavan et al., 2021; Dunn, Surian, Leask, Dey, 2017; Oliver, Wood, 2014), снижению политического участия (Jolley, Douglas, 2014) и доверия к науке (Lewandowsky, Gignac, Oberauer, 2013). Проблему может усугубить относительная устойчивость ложных убеждений (*continued influence effect*) (Chan, Jones, Hall

Jamieson, Albarracín, 2017; Walter, Tukachinsky, 2020; Нестик, Михеев, 2022). Недостоверные сведения, которые получили широкое распространение, могут сохраняться в представлениях людей, несмотря на опровержения, и продолжать влиять на решения.

Изучение проблемы недостоверной информации, как и многих других вопросов, связанных с потреблением новостей в современном мире, затрудняет недостаточно четкая концептуализация соответствующих терминов (Broda, Strömbäck, 2024). В частности, очень разнородны определения фейковых новостей (Egelhofer, Lecheler, 2019; Tandoc Jr., Lim, Ling, 2018). В различных контекстах фейки трактуются как специфический жанр медиаконтента, информация, которая не соответствует индивидуальным взглядам (Shirikov, 2024; Казун, 2023б) или доминирующему в обществе нарративу (Bryanov, Kliegl, Koltsova, Miltsov, 2023), средство делигитимации журналистики (Tong, 2018) или результат юридического определения. Также нередко недостаточно четко проводится граница между такими понятиями, как фейковые новости (Tandoc Jr., Lim, Ling, 2018), конспирология (Казун, 2022), нативная реклама (Dai, Luqiu, 2020; Iversen, Knudsen, 2019), пропаганда (Jowett, O′Donnell, 2011), слухи (Berinsky, 2023), мисинформация и дезинформация (Hameleers, Brosius, Marquart, Goldberg, 2022).

5. Фрагментация медиапространства

Развитие средств массовой информации в первой половине XX в. создало единую информационную среду, которая конструировала понимание реальности, формируя разделяемые обществом общие представления (Katz, 1996) – мир, в котором «человечество одновременно могло думать об одних и тех же идеях» (Липпман, 2004). Однако с распространением потребления новостей в Интернете исследователи начали обращать внимание на растущую фрагментацию информационного пространства (Heiberger, Majó-Vázquez, Castro Herrero, Nielsen et al., 2022; Magin, Geiß, Stark, Jürgens, 2022; Webster, Ksiazek, 2012). Большой ассортимент доступных децентрализированных новостных ресурсов (Chaffee, Metzger, 2001) позволяет выбирать источники информации в соответствии со своими интересами (Mutz, 2001; Prior, 2007). Тогда как селективное влияние (*selective exposure*), под которым понимается склонность людей предпочитать информацию, подкрепляющую их взгляды или не противоречащую им (Stroud, 2008), способствует фрагментации аудитории. При

этом работа рекомендательных алгоритмов дополнительно усиливает политическую поляризацию (Cho, Ahmed, Hilbert, Liu et al., 2020), а социальные сети способствуют возникновению эхо-камер (*echo chambers*) и пузырей фильтрации (*filter bubbles*) (Flaxman, Goel, Rao, 2016).

Отбор и фильтрация информационных потоков может осуществляться различными участниками (Eg, Demirkol Tønnesen, Tennfjord, 2023; Thorson, Wells, 2016): самими пользователями (*personal curation*) (Merten, 2021), алгоритмами (*algorithmic curation*) (Jürgens, Stark, 2022), социальным окружением (*social curation*) (Kaiser, Keller, Kleinen-von Königslöw, 2021). При этом даже если пользователь заинтересован в получении альтернативных точек зрения и потребляет идеологически разнообразные новости, это не означает, что он выходит из «пузыря». В действительности чуждый контент просто становится способом удостовериться в своей правоте, победить в споре или поиронизировать над идеями, с которыми человек не согласен (Казун, 2023б). Фрагментация информационного потока способствует тому, что общества становятся более поляризованными как с точки зрения политических взглядов (идеологическая поляризация), так и в части эмоциональной реакции на представителей альтернативных точек зрения (аффективная поляризация) (Frimer, Skitka, Motyl, 2017; Kubin, von Sikorski, 2021). Все это выступает питательной средой для распространения языка ненависти (*hate speech*) (Стукал, Ахременко, Петров, 2022; Кажберова, Чхартишвили, Губанов, Козицин и др., 2023).

6. Кризис доверия

Большое количество взаимопротиворечащих фактов и интерпретаций может угрожать способности аудитории принимать решения о том, чему верить. Исследователи выделяют множество тенденций, подрывающих легитимность журналистики в современном мире: троллинг и цифровая ненависть (*digital hate*) (Markov, Đorđević, 2023; Panievsky, 2022a; Waisbord, 2022), таблоидизация (*tabloidization*) (Ladd, 2011), критика медиа со стороны политиков, особенно популистов (Egelhofer, Lecheler, 2019; Panievsky, 2022b). Способствовать снижению готовности полагаться на новости также может активная публичная дискуссия о фейковых новостях, так как уверенность в распространенности дез-

информации снижает доверие в том числе и к корректным сведениям (Duyn, Collier, 2019; Hameleers, Brosius, Marquart, Goldberg et al., 2022).

Все это приводит к уменьшению общего доверия к новостям во многих странах мира. В частности, опросы 2023 г. показывали, что в США «доверяли большинству новостей большую часть времени» только 32% респондентов, в Великобритании и Испании – по 33%, в рассмотренных исследователями странах Восточной Европы – от 25% в Венгрии до 42% в Польше[5]. При этом важно не только то, что значительная часть населения не доверяет информационным ресурсам. Значение имеют связанные с этим содержательные трансформации восприятия новостей. Например, распространяется релятивизм фактов – тенденция, когда личные мнения начинают считаться более важными, чем фактические доказательства (Van Aelst et al., 2017). Кроме того, можно говорить о прагматическом доверии (*pragmatic trust*) – ситуации, когда люди решают полагаться на те или иные источники, сознавая их ограничения и сомневаясь в надежности, просто потому что они нуждаются в информации, пусть даже не полностью достоверной (Schwarzenegger, 2020).

Заключение

В статье выделены ключевые тренды в области потребления новостей, которые заслуживают внимания исследователей (см. табл. 1). Следует отметить, что некоторые из них существовали и до перехода к медиасреде с большим выбором. Проблема недостоверных новостей, случайное потребление информации (Shehata, 2013; Zukin, Snyder, 1984), избыточное внимание к сообщениям СМИ во время кризисных ситуаций (Althaus, 2002) – все это наблюдалось и на более ранних этапах развития медиасферы, однако получило большую значимость и приобрело новые формы в современном мире. Как отдельная задача сформулирована также необходимость реконцептуализации базовых понятий в исследованиях медиапотребления.

Таблица 1

Актуальные направления исследований

Направления исследования	**Теоретико-концептуальный аппарат (англ.)**	**Теоретико-концептуальный аппарат (рус.)**
Выбор в условиях избытка	Choice or information overload, news fatigue, analysis paralysis, economics of attention	Информационная перегрузка, перегрузка выбором, паралич аналитики, экономия внимания
Новые медиарепертуары и стили потребления новостей	News avoidance, doomscrolling, problematic news consumption, Fear of Missing Out, news snacking, binge-watching	Избегание новостей, думскроллинг, проблемное потребление новостей, ФоМО, разрыв в знаниях, перекусывание новостями, медиазависимость
Ненамеренное потребление новостей	Incidental news exposure, accidental news exposure, news-finds-me	Случайное потребление новостей, новости-находят-меня
Проблема ложной, неполной и недостоверной информации	Fake news, misinformation, disinformation, conspiracy, belief echoes, propaganda, native advertising, rumors, continued influence effect	Фейковые новости, дезинформация, конспирология, пропаганда, нативная реклама, слухи
Фрагментация медиапространства	Selective exposure, echo chambers, filter bubbles, hostile media effect, hate speech, polarization, confirmation bias, curation (personal, algorithmic, social)	Селективное воздействие, эхокамеры, пузыри фильтрации, эффект враждебных СМИ, язык ненависти/вражды, поляризация, предвзятость подтверждения, алгоритмическое курирование
Кризис доверия	Trust in news, media credibility, media cynicism, media skepticism, selection and verification of information, pragmatic trust	Доверие новостям, медиацинизм, медиаскептицизм, верификация информации, прагматическое доверие

Каждый из выделенных сюжетов многомерен и может быть изучен с применением различных методов – как качественных (интервью, фокус-группы), так и количественных (опрос, эксперимент), а также с использованием нереактивных данных (например, анализа комментариев, репостов и лайков в новостных сообществах). Сфокусироваться при этом можно на различных аспектах интересующего вопроса (см. табл. 2).

Таблица 2

Возможные аспекты исследования

Аспект исследования	**Фокус внимания**	**Примеры исследовательских вопросов**
Почему это происходит?	Причины, мотивы или факторы, способствовавшие возникновению и распространению тех или иных тенденций	Как индивидуальные характеристики пользователей влияют на уровень доверия новостям? Как люди, избегающие новостей, обосновывают свой отказ от информационного контента?
Как это происходит?	Масштабы феномена, практики потребления информации, их место в повседневной рутине, социальные отношения в контексте потребления информационного контента, эмоциональный опыт просмотра новостей и т. д.	Что люди, избегающие новостей, предпринимают, чтобы реже сталкиваться с таким контентом? Насколько часто пользователи сети Интернет сталкиваются с новостями случайно?
Какие последствия это имеет?	Влияние на политические знания, физическое или ментальное здоровье; связь с самооценкой уровня осведомленности о тех или иных вопросах	Как случайное потребление новостей влияет на политические знания пользователей? Как интенсификация дискуссии по какому-либо вопросу отразилась на представлениях людей о свой компетентности в данной области?

Кроме того, продуктивным представляется комбинировать сюжеты, выделенные в таблице 1. Например, можно изучать влияние случайного потребления новостей в социальных сетях на доверие к такому контенту (Park, Lee, 2023) или связь уверенности в том,

что новости-находят-меня, с избеганием информации (Goyanes, Ardèvol-Abreu, Gil de Zúñiga, 2021). Такой подход часто позволяет взглянуть на привычные теории и процессы под иным углом.

Разумеется, список перспективных направлений для исследования медиапотребления в современном мире не исчерпывается описанными выше сюжетами. Так, например, изучение потребления информационного контента различными поколениями (Дунас, Вартанов, Кульчицкая, Салихова и др., 2020), в гендерном разрезе (*gender gap*) (Benesch, 2012; Toff, Palmer, 2019) либо в отношении отдельных тем – например, коммуникация по вопросам здоровья (Nan, Thier, Wang, 2023) – все еще обладает актуальностью, как и многие другие задачи. В данном тексте скорее предпринята попытка выявления новых трендов взаимодействия с информационным контентом, которые получили распространение в последние годы. Многие из этих вопросов практически не рассматривались на российских данных.

Наконец, представляется чрезвычайно важным отказаться от нормативизма при изучении новых трендов потребления новостей. В настоящее время многие тексты в данной области являются оценочными. Кризис доверия новостям, распространение фейков, фрагментация публичного пространства, избегание новостей или их избыточное потребление – все эти явления рассматриваются как отклонения от нормативного идеала, угрожающие функционированию общества. Наиболее часто формулировки проблемы исследований подчеркивают, что данные тенденции несут угрозу для демократии (Haugsgjerd, Karlsen R., Steen-Johnsen, 2023; Quiring, Ziegele, Schemer, Jackob, 2021; Schwarzenegger, 2020; Tandoc Jr., Kim, 2022; Van Aelst, Str mb ck, Aalberg, Esser, 2017). При этом взгляд на происходящие изменения медиасферы как на деструктивные процессы, которые нужно «исправить», кажется несколько поверхностным и не всегда продуктивным для реализации эмпирического этапа исследования. Например, установка, что избыточное потребление новостей однозначно негативно влияет на человека, очень ограничивает интервьюера как при установлении контакта (информант может почувствовать осуждение), так и в части формулирования вопросов (не обязательно информант оценивает свой опыт как травмирующий, это всегда нуждается в уточнении). Кроме того, вероятно, некоторые из наблюдаемых тенденций представляют собой новую реальность, а не дисфункцию, которая нуждается в «ис-

правлении» для возвращения к исходному (характерному для мира традиционных медиа) состоянию. Следовательно, нейтральный взгляд на изменения медиапотребления и готовность фиксировать позитивные эффекты даже негативных на первый взгляд явлений может быть более продуктивным подходом. Например, осуждаемый в большинстве исследований запойный просмотр сериалов (*binge-watching*) не только нормализируется самими зрителями (De Keere, Thunnissen, Kuipers, 2021), но и оказывается функциональным в определенных контекстах (Perks, 2019). Таким образом, критическое осмысление реальности не должно превращаться в моральную панику.

Примечания

[1] Исследование поддержано Российским научным фондом (РНФ), грант № 23-78-01206, https://rscf.ru/project/23-78-01206/

[2] Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii (дата обращения: 29.04.2024).

[3] Режим доступа: https://fom.ru/SMI-i-internet/14902 (дата обращения: 29.04.2024).

[4] Важно отметить, что, изучая содержательно близкие феномены, авторы также оперируют терминами «проблемное потребление новостей» (*problematic news consumption*) (McLaughlin, Gotlieb, Mills, 2022; Stead, Bibby, 2017; Tokunaga, 2015), «новостная наркомания» (*news junkies*) (Broersma, Swart, 2022; Mourão, Thorson, Chen, Tham, 2018), «зависимость» (*addiction*) (Tang, Hung, Au-Yeun, Yuen, 2020) и «запой» (*binge-watching*) (Wojcieszak, Clemm von Hohenberg, Casas, Menchen-Trevino et al., 2022). Впрочем, последний термин чаще используется в отношении потребления неновостного контента – например, сериалов (Flayelle, Maurage, Di Lorenzo, Vögele et al., 2020) – и является нормативно нагруженной альтернативой термину «медиамарафон» (*media marathon*) (Perks, 2019). Все эти термины предполагают интерпретацию избыточного потребления контента как аффективной реакции или недостатка саморегуляции. При этом подобная трактовка небесспорна, поскольку сами думскроллеры приводят множество обоснований для интенсивного просмотра новостей (Казун, 2024).

[5] Режим доступа: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-06/Digital_News_Report_2023.pdf (дата обращения: 29.04.2024).

Библиография

Богомягкова Е. С., Попова Е. Е. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 46–56. DOI: 10.31857/S013216250012269-8

Вартанов С. А. Медиакоммуникационная индустрия: к теоретическому обоснованию категории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 6. С. 3–36. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.336

Вартанова Е. Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации // Меди@льманах. 2023. № 3. С. 8–17.

Вырковский А. В., Смирнов С. С. Отечественный научный медиадискурс: структура, особенности, ключевые концепты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2018. № 5. С. 27–47. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2018.2747

Дунас Д. В., Вартанов С. А., Кульчицкая Д. Ю., Салихова Е. А., Толоконникова А. В. Мотивационные факторы медиапотребления «цифровой молодежи» в России: результаты пилотного исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 2. С. 3–27.

Кажберова В. В., Чхартишвили А.Г., Губанов Д. А., Козицин И. В., Белявский Е. В., Федянин Д. Н., Черкасов С. Н., Мешков Д. О. Агрессия в общении медиапользователей: анализ особенностей поведения и взаимного влияния // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 3. С. 26–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2023.2656

Казун А. Д. «Обложиться информацией, чтобы хоть что-то понимать»: индивидуальные и социальные основания думскроллинга // Мир России: Социология, этнология. 2024. Т. 33. № 2. С. 77–94. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94

Казун А. Д. «Они все равно меня находят»: медиапотребление людей, избегающих новостей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023(а). № 3. С. 3–25. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2023.325

Казун А. Д. Есть ли выход из пузыря? Мотивы потребления идеологически чуждой информации думскроллерами // Полис. Политические исследования. 2023(б). № 4. С. 168–181.

Казун А. Д. Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 2. С. 91–117. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-2-91-117

Казун А. Д. Так ли страшен фейк? Ложные новости и их роль в современном мире // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 162—175. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.791

Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения // Научные доклады факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Вып. 1 (1) / под ред. *В. В. Радаева*. Режим доступа: https:// id.hse.ru/books/818258101.html (дата обращения: 14.06.2023). DOI: 10.17323/ 978-5-7598-2756-6

Климов И. А. Интер-энциклопедия: Когнитивное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. № 4. С. 114–127. DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.6

Климова А. М., Чмель К. Ш., Савин Н. Ю. Верю-не-верю: общественное мнение и слухи о происхождении нового коронавируса // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 266–283. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1752

Колесниченко А. В. Мультимедийные жанры в современных российских СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 2. С. 3–22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2023.322

Кузина О. Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) // Деньги и кредит. 2012. № 1. С. 68–72.

Куракин Д. Ю., Латыпов И. А. Экосистемы выбора: о некоторых ограничениях теории рационального выбора и стратегии их преодоления // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 3. С. 11–32.

Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Макеенко М. И. Вырковский А. В. Возможности влияния неинституционализированных производителей развлекательного и познавательного контента на аудиторию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 5. С. 74–99.

Максименко А. А., Дейнека О. С., Мортикова И. А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 129–136.

Мягков А. Ю. Влияние известных политических имен в формулировке вопроса на результаты социологического исследования // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 94–104.

Мягков А. Ю., Журавлева С. Л. О достоверности ответов респондентов в телефонном интервью (экспериментальное тестирование ряда приемов) // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 81–93.

Нестик Т. А., Михеев Е. А. Психологические факторы эффективности опровержения дезинформации в социальных сетях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 2. С. 65–94. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_003

Порецкова А. А., Савин Н. Ю. Мемы как инструмент консолидации протестного движения (на примере коротких видео социальной сети TikTok) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 76–96.

Стукал Д. К., Ахременко А. С., Петров А. П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестн. РУДН. Сер.: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498.

Ткачева Н. В., Вартанов С.А., Дунас Д.В., Гуреева А. Н. К вопросу о теоретическом понимании новостей в цифровую эпоху: трансформация структуры, сил влияния, «жизненного цикла» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2016. № 3. С. 3–16.

Шомова С. А. Выборы президента РФ – 2018 в зеркале мемов: Новые реалии политической коммуникативистики // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 157–173.

Шомова С. А. Мем-летописец: Репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественно-

го мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 399–424. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1977

Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. (2021) Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency. *Psychological Medicine* 51 (10): 1763–1769. DOI: 10.1017/S003329172000224X.

Althaus S. L. (2002) American News Consumption during Times of National Crisis. *PS: Political Science and Politics* 35 (3): 517–521.

Anderson J. T. L., Howell E., Xenos M. A., Scheufele D. A., Brossard D. (2021) Learning without seeking?: Incidental exposure to science news on social media & knowledge of gene editing. *Journal of Science Communication* 20 (4), A01. DOI: 10.22323/2.20040201

Anspach N. M., Jennings J. T., Arceneaux K. (2019) A little bit of knowledge: Facebook's News Feed and self-perceptions of knowledge. *Research & Politics* 6 (1). DOI: 10.1177/2053168018816189

Arqoub A., Elega O.A., Özad B. E., Dwikat H., Oloyede F. A. (2022) Mapping the Scholarship of Fake News Research: A Systematic Review. *Journalism Practice* 16 (1): 56–86. DOI: 10.1080/17512786.2020.1805791

Barnes R., Mulcahy R., Riedel A. (2023) Push notifications and news snacking: The impact of mobile news alert framing on reader engagement. *New Media & Society*. DOI: 10.1177/14614448231196580

Benesch C. (2012) An Empirical Analysis of the Gender Gap in News Consumption. *Journal of Media Economics* 25 (3): 147–167. DOI: 10.1080/08997764.2012.700976

Benkler Y. (2007) *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. Yale University Press.

Benkler Y., Faris R., Roberts H. (2018) *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*. Oxford University Press.

Bentivegna S., Artieri G. B. (2020) Rethinking Public Agenda in a Time of High-Choice Media Environment. *Media and Communication* 8 (4): 6–15. DOI: 10.17645/mac.v8i4.3166

Berinsky A. J. (2023) *Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It*. Princeton University Press.

Boczkowski P. J., Mitchelstein E., Matassi M. (2018) "News comes across when I'm in a moment of leisure": Understanding the practices of incidental news consumption on social media. *New Media & Society* 20 (10): 3523–3539. DOI: 10.1177/1461444817750396

Bogdanić A. (2022) Theorizing News: Toward a Constitutive Model of Journalistic Discourse. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 99 (2): 487–514. DOI: 10.1177/1077699020966755

Boomgaarden H. G., de Vreese C. H. (2007) Dramatic real-world events and public opinion dynamics: Media coverage and its impact on public reactions to an assassination. *International Journal of Public Opinion Research* 19: 354–366. DOI: 10.1093/ijpor/edm012

Borah P., Su Y., Xiao X., Lai Lee D. K. (2022) Incidental news exposure and COVID-19 misperceptions: A moderated-mediation model. *Computers in Human Behavior* 129: 107173. DOI: 10.1016/j.chb.2021.107173

Botti S., Lyengar S. S. (2004) The psychological pleasure and pain of choosing: When people prefer choosing at the cost of subsequent outcome satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology* 87 (3): 312–326. DOI: 10.1037/0022-3514.87.3.312

Boukes M., Vliegenthart R. (2017) News consumption and its unpleasant side effect: Studying the effect of hard and soft news exposure on mental well-being over time. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications* 29: 137–147. DOI: 10.1027/1864-1105/a000224

Broda E., Strömbäck J. (2024) Misinformation, disinformation, and fake news: lessons from an interdisciplinary, systematic literature review». Annals of the International Communication Association. DOI: 10.1080/23808985.2024.2323736

Broersma M., Swart J. (2022) Do Novel Routines Stick After the Pandemic? The Formation of News Habits During COVID-19. *Journalism Studies* 23 (5–6): 551–568. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1932561

Brosius A., Hameleers M., van der Meer T. G. L. A. (2022) Can we trust measures of trust? A comparison of results from open and closed questions. *Quality & Quantity* 56 (5): 2907–2924. DOI: 10.1007/s11135-021-01250-3

Bryanov K., Kliegl R., Koltsova O., Miltsov A., Pashakhin S., Porshnev A., Sinyavskaya Y., Terpilovskii M., Vziatysheva V. (2023) What Drives Perceptions of Foreign News Coverage Credibility? A Cross-National Experiment Including Kazakhstan, Russia, and Ukraine. *Political Communication* 40 (2): 115–146. DOI: 10.1080/10584609.2023.2172492

Buneviciene I., Bunevicius R., Bagdonas S., Bunevicius A. (2021) COVID-19 media fatigue: Predictors of decreasing interest and avoidance of COVID-19-related news. *Public Health* 196: 124–128. DOI: 10.1016/j.puhe.2021.05.024

Cacciatore M. A., Yeo S. K., Scheufele D. A., Xenos M. A., Brossard D., Corley E. A. (2018) Is Facebook Making Us Dumber? Exploring Social Media Use as a Predictor of Political Knowledge. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 95 (2): 404–424. DOI: 10.1177/1077699018770447

Chaffee S. H., Metzger M. J. (2001) The End of Mass Communication? *Mass Communication and Society* 4 (4): 365–379. DOI: 10.1207/S15327825MCS0404_3

Chan M. S., Jones C. R., Hall Jamieson K., Albarracín D. (2017) Debunking: A Meta-Analysis of the Psychological Efficacy of Messages Countering Misinformation. *Psychological Science* 28 (11): 1531–1546. DOI: 10.1177/0956797617714579

Chernev A., Böckenholt U., Goodman J. (2015). Choice overload: A conceptual review and meta-analysis. *Journal of Consumer Psychology* 25 (2): 333–358. DOI: 10.1016/j.jcps.2014.08.002

Cho J., Ahmed S., Hilbert M., Liu B., Luu J. (2020) Do Search Algorithms Endanger Democracy? An Experimental Investigation of Algorithm Effects on Political Polarization. *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 64 (2): 150–172. DOI: 10.1080/08838151.2020.1757365

Chumakova V. P., Gorshkova D., Popova V., Shibanova A. (2018) Information Overload of Journalists in Contemporary Russia: Causes, Ways of Adaptation and Consequences (a Pilot Study). *Communications. Media. Design* 3 (4): 115–139.

Dai Y., Luqiu L. (2020) Camouflaged propaganda: A survey experiment on political native advertising. *Research & Politics* 7 (3). DOI: 10.1177/2053168020935250

Daniller A., Allen D., Tallevi A., Mutz D. C. (2017) Measuring Trust in the Press in a Changing Media Environment. *Communication Methods and Measures* 11 (1): 76–85. DOI: 10.1080/19312458.2016.1271113

De Keere K., Thunnissen E., Kuipers G. (2021) Defusing moral panic: Legitimizing binge-watching as manageable, high-quality, middle-class hedonism. *Media, Culture & Society* 43 (4): 629–647. DOI: 10.1177/0163443720972315

de Bruin K., de Haan Y., Vliegenthart R., Kruikemeier S., Boukes M. (2021) News Avoidance during the Covid-19 Crisis: Understanding Information Overload. *Digital Journalism* 9 (9): 1394–1410. DOI: 10.1080/21670811.2021.1957967

Dimmick J., Feaster J. C., Hoplamazian G. J. (2011) News in the interstices: The niches of mobile media in space and time. *New Media & Society* 13 (1): 23–39. DOI: 10.1177/1461444810363452

Dunn A. G., Surian D., Leask J., Dey A., Mandl K. D., Coiera E. (2017) Mapping information exposure on social media to explain differences in HPV vaccine coverage in the United States. *Vaccine* 35 (23): 3033–3040. DOI: 10.1016/j.vaccine.2017.04.060

Duyn E. V., Collier J. (2019) Priming and Fake News: The Effects of Elite Discourse on Evaluations of News Media. *Mass Communication and Society* 22 (1): 29–48. DOI: 10.1080/15205436.2018.1511807

Eg R., Demirkol Tønnesen Ö., Tennfjord M. K. (2023) A scoping review of personalized user experiences on social media: The interplay between algorithms and human factors. *Computers in Human Behavior Reports* 9. DOI: 10.1016/j.chbr.2022.100253

Egelhofer J. L., Lecheler S. (2019) Fake news as a two-dimensional phenomenon: A framework and research agenda. *Annals of the International Communication Association* 43 (2): 97–116. DOI: 10.1080/23808985.2019.1602782

Eppler M. J., Mengis J. (2004) The Concept of Information Overload: A Review of Literature from Organization Science, Accounting, Marketing, MIS, and Related Disciplines. *The Information Society* 20 (5): 325–344. DOI: 10.1080/01972240490507974

Eveland W. P., Scheufele D. A. (2000) Connecting News Media Use with Gaps in Knowledge and Participation. *Political Communication* 17 (3): 215–237. DOI: 10.1080/105846000414250

Fawzi N., Steindl N., Obermaier M., Prochazka F., Arlt D., Blöbaum B., Dohle M., Engelke K. M., Hanitzsch T., Jackob N., Jakobs I., Klawier T., Post S., Reinemann C., Schweiger W., Ziegele M. (2021) Concepts, causes and consequences of trust in news media – a literature review and framework. *Annals of the International Communication Association* 45 (2): 154–174. DOI: 10.1080/23808985.2021.1960181

Feezell J. T. (2018) Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era. *Political Research Quarterly* 71 (2): 482–494. DOI: 10.1177/1065912917744895

Feezell J. T., Ortiz B. (2021) 'I saw it on Facebook': An experimental analysis of political learning through social media. *Information, Communication & Society* 24 (9): 1283–1302. DOI: 10.1080/1369118X.2019.1697340

Flaxman S., Goel S., Rao J. M. (2016) Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. *Public Opinion Quarterly* 80: 298–320. DOI: 10.1093/poq/nfw006

Flayelle M., Maurage P., Di Lorenzo K. R., Vögele C., Gainsbury S. M., Billieux J. (2020) Binge-Watching: What Do we Know So Far? A First Systematic Review of the Evidence. *Current Addiction Reports* 7 (1): 44–60. DOI: 10.1007/s40429-020-00299-8

Frimer J. A., Skitka L. J., Motyl M. (2017) Liberals and conservatives are similarly motivated to avoid exposure to one another's opinions. *Journal of Experimental Social Psychology* 72: 1–12. DOI: 10.1016/j.jesp.2017.04.003

Gil de Zúñiga H., Cheng Z. (2021) Origin and evolution of the News Finds Me perception: Review of theory and effects. *Profesional de La Información* 30 (3): Article 3. DOI: 10.3145/epi.2021.may.21

Gil de Zúñiga H., Weeks B., Ardèvol-Abreu A. (2017) Effects of the News-Finds-Me Perception in Communication: Social Media Use Implications for News Seeking and Learning About Politics. *Journal of Computer-Mediated Communication* 22 (3): 105–123. DOI: 10.1111/jcc4.12185

Goyanes M., Ardèvol-Abreu A., Gil de Zúñiga H. (2021) Antecedents of News Avoidance: Competing Effects of Political Interest, News Overload, Trust in News Media, and "News Finds Me" Perception. *Digital Journalism*. DOI: 10.1080/21670811.2021.1990097

Goyanes M., Demeter M. (2022) Beyond positive or negative: Understanding the phenomenology, typologies and impact of incidental news exposure on citizens' daily lives. *New Media & Society* 24 (3): 760–777. DOI: 10.1177/1461444820967679

Hameleers M., Brosius A., Marquart F., Goldberg A. C., van Elsas E., de Vreese C. H. (2022). Mistake or Manipulation? Conceptualizing Perceived Mis- and Disinformation among News Consumers in 10 European Countries. *Communication Research* 49 (7): 919–941. DOI: 10.1177/0093650221997719

Hamilton J. T. (2006) *All the News That's Fit to Sell: How the Market Transforms Information into News*. Princeton University Press.

Harcup T., O'Neill D. (2017) What is News? *Journalism Studies* 18 (12): 1470–1488. DOI: 10.1080/1461670X.2016.1150193

Haugsgjerd A., Karlsen R., Steen-Johnsen K. (2023) Uninformed or Misinformed in the Digital News Environment? How Social Media News Use Affects Two Dimensions of Political Knowledge. *Political Communication*. DOI: 10.1080/10584609.2023.2222070

Hayes D., Lawless J. L. (2018) The Decline of Local News and Its Effects: New Evidence from Longitudinal Data. *The Journal of Politics* 80 (1): 332–336. DOI: 10.1086/694105

Haynes G. A. (2009) Testing the boundaries of the choice overload phenomenon: The effect of number of options and time pressure on decision difficulty and satisfaction. *Psychology & Marketing* 26 (3): 204–212. DOI: 10.1002/mar.20269

Heiberger R., Majó-Vázquez S., Castro Herrero L., Nielsen R. K., Esser F. (2022) Do Not Blame the Media! The Role of Politicians and Parties in Fragmenting Online Political Debate. *The International Journal of Press/Politics* 27 (4): 910–941. DOI: 10.1177/19401612211015122

Hermida A. (2020) Post-Publication Gatekeeping: The Interplay of Publics, Platforms, Paraphernalia, and Practices in the Circulation of News. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 97 (2): 469–491. DOI: 10.1177/107769902 0911882

Hilgartner S., Bosk C. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology* 94 (1): 53–78.

Holman E. A., Garfin D. R., Silver R. C. (2014) Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 111 (1): 93–98. DOI: 10.1073/pnas.1316265110

Inbar Y., Botti S., Hanko K. (2011) Decision speed and choice regret: When haste feels like waste. *Journal of Experimental Social Psychology* 47 (3): 533–540. DOI: 10.1016/j.jesp.2011.01.011

Iversen M. H., Knudsen E. (2019) When politicians go native: The consequences of political native advertising for citizens' trust in news. *Journalism* 20 (7): 961–978. DOI: 10.1177/1464884916688289

Iyengar S. (2011) *The Art of Choosing* (Reprint edition). Twelve.

Iyengar S. S., Lepper M. R. (2000) When choice is demotivating: Can one desire too much of a good thing? *Journal of Personality and Social Psychology* 79: 995–1006. DOI: 10.1037/0022-3514.79.6.995

Jakobsson P., Stiernstedt F. (2023) Trust and the Media: Arguments for the (Irr)elevance of a Concept. *Journalism Studies* 24 (4): 479–495. DOI: 10.1080/1461670X.2023.2169191

Jolley D., Douglas K. M. (2014) The social consequences of conspiracism: Exposure to conspiracy theories decreases intentions to engage in politics and to

reduce one's carbon footprint. *British Journal of Psychology* 105 (1): 35–56. DOI: 10.1111/bjop.12018

Jowett G. S., O'Donnell V. J. (2011). *Propaganda & Persuasion*. SAGE Publications, Inc.

Jürgens P., Stark B. (2022) Mapping Exposure Diversity: The Divergent Effects of Algorithmic Curation on News Consumption. *Journal of Communication* 72 (3): 322–344. DOI: 10.1093/joc/jqac009

Kaiser J., Keller T. R., Kleinen-von Königslöw K. (2021) Incidental News Exposure on Facebook as a Social Experience: The Influence of Recommender and Media Cues on News Selection. *Communication Research* 48 (1): 77–99. DOI: 10.1177/0093650218803529

Kapantai E., Christopoulou A., Berberidis C., Peristeras V. (2021) A Systematic Literature Review on Disinformation: Toward a Unified Taxonomical Framework. *New Media & Society* 23 (5): 1301–1326. DOI: 10.1177/ 146144 4820959296

Karlsen R., Beyer A., Steen-Johnsen K. (2020) Do High-Choice Media Environments Facilitate News Avoidance? A Longitudinal Study 1997–2016. *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 64 (5): 794–814. DOI: 10.1080/ 08838151.2020.1835428

Katz E. (1996) And Deliver Us from Segmentation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 546: 22–33.

Knudsen E., Dahlberg S., Iversen M. H., Johannesson M. P., Nygaard S. (2022) How the public understands news media trust: An open-ended approach. *Journalism* 23 (11): 2347–2363. DOI: 10.1177/14648849211005892

Kohring M., Matthes J. (2007) Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale. *Communication Research* 34 (2): 231–252. DOI: 10.1177/0093650206298071

Krebs I., Bachmann P., Siegert G., Schwab R., Willi R. (2021) Non-journalistic competitors of news media brands on Google and YouTube: From solid competition to a liquid media market. *Journal of Media Business Studies* 18 (1): 27–44. DOI: 10.1080/16522354.2020.1832746

Ksiazek T. B., Malthouse E. C., Webster J. G. (2010) News-seekers and Avoiders: Exploring Patterns of Total News Consumption Across Media and the Relationship to Civic Participation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 54 (4): 551–568. DOI: 10.1080/08838151.2010.519808

Kubin E., von Sikorski C. (2021) The role of (social) media in political polarization: A systematic review. *Annals of the International Communication Association* 45 (3): 188–206. DOI: 10.1080/23808985.2021.1976070

K mpel A. S. (2022) Social Media Information Environments and Their Implications for the Uses and Effects of News: The PINGS Framework. *Communication Theory* 32 (2): 223–242. DOI: 10.1093/ct/qtab012

Ladd J. M. (2011) *Why Americans Hate the Media and How It Matters*. Princeton University Press.

Lee S. (2020) Probing the Mechanisms Through Which Social Media Erodes Political Knowledge: The Role of the News-Finds-Me Perception. *Mass*

Communication and Society 23 (6): 810–832. DOI: 10.1080/15205436.2020.1821381

Lewandowsky S., Gignac G. E., Oberauer K. (2013) The Role of Conspiracist Ideation and Worldviews in Predicting Rejection of Science. *PLOS ONE* 8 (10): e75637. DOI: 10.1371/journal.pone.0075637

Link E. (2021) Information avoidance during health crises: Predictors of avoiding information about the COVID-19 pandemic among german news consumers. *Information Processing and Management* 58 (6). DOI: 10.1016/j.ipm.2021.102714

Lockerbie B., Borrelli S. A. (1990) Question Wording and Public Support for Contra Aid, 1983–1986. *Public Opinion Quarterly* 54 (2): 195–208. DOI: 10.1086/269197

Lou C., Tandoc Jr. E. C., Hong L. X., Pong X. Y. (Brenda), Lye W. X. (Rachelle), Sng N. G. (Trisha). (2021) When Motivations Meet Affordances: News Consumption on *Telegram*. *Journalism Studies* 22 (7): 934–952. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1906299

Magin M., Geiß S., Stark B., Jürgens P. (2022) Common Core in Danger? Personalized Information and the Fragmentation of the Public Agenda. *The International Journal of Press/Politics* 27 (4): 887–909. DOI: 10.1177/19401612211026595

Mannell K., Meese J. (2022) From Doom-Scrolling to News Avoidance: Limiting News as a Wellbeing Strategy During COVID Lockdown. *Journalism Studies* 23 (3): 302–319. DOI: 10.1080/1461670X.2021.2021105

Markov Č., Đorđević A. (2023) Becoming a Target: Journalists' Perspectives on Anti-Press Discourse and Experiences with Hate Speech. *Journalism Practice*. DOI: 10.1080/17512786.2023.2215738

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J. (2022) Caught in a Dangerous World: Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Ill-Being. *Health Communication*. DOI: 10.1080/10410236.2022.2106086

Merten L. (2021) Block, Hide or Follow—Personal News Curation Practices on Social Media. *Digital Journalism* 9 (8): 1018–1039. DOI: 10.1080/21670811.2020.1829978

Metzger M. J., Flanagin A. J. (2013) Credibility and trust of information in online environments: The use of cognitive heuristics. *Journal of Pragmatics* 59: 210–220. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.07.012

Mitchelstein E., Boczkowski P. J., Tenenboim-Weinblatt K., Hayashi K., Villi M., Kligler-Vilenchik N. (2020) Incidentality on a continuum: A comparative conceptualization of incidental news consumption. *Journalism* 21 (8): 1136–1153. DOI: 10.1177/1464884920915355

Molyneux L. (2018) Mobile News Consumption. *Digital Journalism* 6 (5): 634–650. DOI: 10.1080/21670811.2017.1334567

Mourão R. R., Thorson E., Chen W., Tham S. M. (2018) Media Repertoires and News Trust During the Early Trump Administration. *Journalism Studies* 19 (13): 1945–1956. DOI: 10.1080/1461670X.2018.1500492

Mutz D. C. (2001) Facilitating Communication across Lines of Political Difference: The Role of Mass Media. *American Political Science Review* 95 (1): 97–114. DOI: 10.1017/S0003055401000223

Nan X., Thier K., Wang Y. (2023) Health misinformation: What it is, why people believe it, how to counter it. *Annals of the International Communication Association*. DOI: 10.1080/23808985.2023.2225489

Newman N., Fletcher R., Robertson C. T., Eddy K., Nielsen R. K. (2022) *Reuters Institute Digital News Report 2022*.

Ohme J., Mothes C. (2023) News snacking and political learning: Changing opportunity structures of digital platform news use and political knowledge. *Journal of Information Technology & Politics*. DOI: 10.1080/19331681.2023.2193579

Oliver J. E., Wood T. (2014) Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine* 174 (5): 817–818. DOI: 10.1001/jamainternmed.2014.190

Panek E. (2016) High-Choice Revisited: An Experimental Analysis of the Dynamics of News Selection Behavior in High-Choice Media Environments. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 93 (4): 836–856. DOI: 10.1177/1077699016630251

Panievsky A. (2022a) Strategic Rituals of Loyalty: When Israeli Journalists Face Digital Hate. *Digital Journalism*. DOI: 10.1080/21670811.2022.2118144

Panievsky A. (2022b) The Strategic Bias: How Journalists Respond to Antimedia Populism. *The International Journal of Press/Politics* 27 (4): 808–826. DOI: 10.1177/19401612211022656

Park C. S., Kaye B. K. (2020) What's This? Incidental Exposure to News on Social Media, News-Finds-Me Perception, News Efficacy, and News Consumption. *Mass Communication and Society* 23 (2): 157–180. DOI: 10.1080/15205436.2019.1702216

Park S., Lee J. Y. (2023) Incidental News Exposure on Facebook and Its Relation to Trust in News. *Social Media + Society* 9 (1). DOI: 10.1177/20563051231158823

Perks L. G. (2019) Media Marathoning and Health Coping. *Communication Studies* 70 (1): 19–35. DOI: 10.1080/10510974.2018.1519837

Price M., Legrand A. C., Brier Z. M. F., Van Stolk-Cooke K., Peck K., Dodds P. S., Danforth C. M., Adams Z. W. (2022) Doomscrolling during COVID-19: The negative association between daily social and traditional media consumption and mental health symptoms during the COVID-19 pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy* 14 (8): 1338–1346. DOI: 10.1037/tra0001202

Prior M. (2007) *Post-Broadcast Democracy: How Media Choice Increases Inequality in Political Involvement and Polarizes Elections*. Cambridge University Press.

Prochazka F., Schweiger W. (2019) How to Measure Generalized Trust in News Media? An Adaptation and Test of Scales. *Communication Methods and Measures* 13 (1): 26–42. DOI: 10.1080/19312458.2018.1506021

Quiring O., Ziegele M., Schemer C., Jackob N., Jakobs I., Schultz T. (2021) Constructive Skepticism, Dysfunctional Cynicism? Skepticism and Cynicism Differently Determine Generalized Media Trust. *International Journal of Communication* 15.

Ripp T., Röer J. P. (2022) Systematic review on the association of COVID-19-related conspiracy belief with infection-preventive behavior and vaccination willingness. *BMC Psychology* 10 (1). DOI: 10.1186/s40359-022-00771-2

Schäfer S. (2023) Incidental news exposure in a digital media environment: A scoping review of recent research. *Annals of the International Communication Association* 47 (2): 242–260. DOI: 10.1080/23808985.2023.2169953

Schäfer S., Schemer C. (2024) Informed participation? An investigation of the relationship between exposure to different news channels and participation mediated through actual and perceived knowledge. *Frontiers in Psychology* 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1251379

Scheibehenne B., Greifeneder R., Todd P. M. (2010) Can there ever be too many options? A meta-analytic review of choice overload. *Journal of Consumer Research* 37: 409–425. DOI: 10.1086/651235

Schneiders P. (2023) News from the User's Perspective: With Naivety to Validity. *Digital Journalism*. DOI: 10.1080/21670811.2023.2182804

Schrøder K. C. (2015) News Media Old and New: Fluctuating audiences, news repertoires and locations of consumption. *Journalism Studies* 16 (1): 60–78. DOI: 10.1080/1461670X.2014.890332

Schudson M. (2011) *The Sociology of News*. W. W. Norton & Company.

Schwarzenegger C. (2020) Personal epistemologies of the media: Selective criticality, pragmatic trust, and competence–confidence in navigating media repertoires in the digital age. *New Media & Society* 22 (2): 361–377. DOI: 10.1177/1461444819856919

Searles K., Feezell J. T. (2023) Scrollability: A New Digital News Affordance. *Political Communication* 40 (5): 670–675. DOI: 10.1080/10584609.2023.2208083

Shehata A. (2013) Active or Passive Learning From Television? Political Information Opportunities and Knowledge Gaps During Election Campaigns. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties* 23 (2): 200–222. DOI: 10.1080/17457289.2013.771362

Shirikov A. (2024) Fake News for All: How Citizens Discern Disinformation in Autocracies. *Political Communication* 41 (1): 45–65. DOI: 10.1080/10584609.2023.2257618

Shoemaker P. J., Cohen A. A. (2005) *News Around the World: Content, Practitioners, and the Public*. New York: Routledge.

Silver R. C., Holman E. A., Andersen J. P., Poulin M., McIntosh D. N., Gil-Rivas V. (2013) Mental- and Physical-Health Effects of Acute Exposure to Media Images of the September 11, 2001, Attacks and the Iraq War. *Psychological Science* 24 (9): 1623–1634. DOI: 10.1177/0956797612460406

Skovsgaard M., Andersen K. (2020) Conceptualizing News Avoidance: Towards a Shared Understanding of Different Causes and Potential Solutions. *Journalism Studies* 21 (4): 459–476. DOI: 10.1080/1461670X.2019.1686410

Stead H., Bibby P. A. (2017) Personality, fear of missing out and problematic internet use and their relationship to subjective well-being. *Computers in Human Behavior* 76: 534–540. DOI: 10.1016/j.chb.2017.08.016

Stroud N. (2008) Media Use and Political Predispositions: Revisiting the Concept of Selective Exposure. *Political Behavior* 30 (3): 341–366. DOI: 10.1007/s11109-007-9050-9

Tandoc E. C., Jr., Kim H. K. (2022) Avoiding real news, believing in fake news? Investigating pathways from information overload to misbelief. *Journalism*. DOI: 10.1177/14648849221090744

Tandoc E. C. Jr., Lim Z. W., Ling R. (2018) Defining "Fake News": A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism* 6 (2): 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143

Tang G., Hung E. P. W., Au-Yeung H.-K. C., Yuen S. (2020) Politically Motivated Internet Addiction: Relationships among Online Information Exposure, Internet Addiction, FOMO, Psychological Well-being, and Radicalism in Massive Political Turbulence. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 17 (2): Article 2. DOI: 10.3390/ijerph17020633

Tarantino S. J., Jednak R. E. (1972) A Re-Examination of Factors Influencing the Evaluation of Assertions. *The Public Opinion Quarterly* 36 (1): 109–113.

Thorson K., Wells C. (2016) Curated Flows: A Framework for Mapping Media Exposure in the Digital Age. *Communication Theory* 26 (3): 309–328. DOI: 10.1111/comt.12087

Toff B., Nielsen R. K. (2018) "I Just Google It": Folk Theories of Distributed Discovery. *Journal of Communication* 68 (3): 636–657. DOI: 10.1093/joc/jqy009

Toff B., Palmer R. A. (2019) Explaining the Gender Gap in News Avoidance: "News-Is-for-Men" Perceptions and the Burdens of Caretaking. *Journalism Studies* 20 (11): 1563–1579. DOI: 10.1080/1461670X.2018.1528882

Toff B., Palmer R., Nielsen R.K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. Columbia University Press.

Tokunaga R. S. (2015) Perspectives on Internet Addiction, Problematic Internet Use, and Deficient Self-Regulation: Contributions of Communication Research. *Annals of the International Communication Association* 39 (1): 131–161. DOI: 10.1080/23808985.2015.11679174

Tong J. (2018) Journalistic Legitimacy Revisited. *Digital Journalism* 6 (2): 256–273. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360785

Tsfati Y., Boomgaarden H. G., Strömbäck J., Vliegenthart R., Damstra A., Lindgren E. (2020) Causes and consequences of mainstream media dissemination of fake news: Literature review and synthesis. *Annals of the*

International Communication Association 44 (2): 157–173. DOI: 10.1080/23808985.2020.1759443

Van Aelst P., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F., de Vreese C., Matthes J., Hopmann D., Salgado S., Hubé N., Stępińska A., Papathanassopoulos S., Berganza R., Legnante G., Reinemann C., Sheafer T., Stanyer J. (2017) Political communication in a high-choice media environment: A challenge for democracy? *Annals of the International Communication Association* 41 (1): 3–27. DOI: 10.1080/23808985.2017.1288551

van Mulukom V., Pummerer L. J., Alper S., Bai H., Čavojová V., Farias J., Kay C. S., Lazarevic L. B., Lobato E. J. C., Marinthe G., Pavela Banai I., Šrol J., Žeželj I. (2022) Antecedents and consequences of COVID-19 conspiracy beliefs: A systematic review. *Social Science and Medicine* 301. DOI: 10.1016/j.socscimed.2022.114912

Villi M., Aharoni T., Tenenboim-Weinblatt K., Boczkowski P. J., Hayashi K., Mitchelstein E., Tanaka A., Kligler-Vilenchik N. (2022) Taking a Break from News: A Five-nation Study of News Avoidance in the Digital Era. *Digital Journalism* 10 (1): 148–164. DOI: 10.1080/21670811.2021.1904266

Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018) The spread of true and false news online. *Science* 359 (6380): 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559

Waisbord S. (2022) Trolling Journalists and the Risks of Digital Publicity. *Journalism Practice* 16 (5): 984–1000. DOI: 10.1080/17512786.2020.1827450

Walter N., Tukachinsky R. (2020) A Meta-Analytic Examination of the Continued Influence of Misinformation in the Face of Correction: How Powerful Is It, Why Does It Happen, and How to Stop It? *Communication Research* 47 (2): 155–177. DOI: 10.1177/0093650219854600

Weaver D. H. (1980) Audience Need for Orientation and Media Effects. *Communication Research* 7 (3): 361–373. DOI: 10.1177/009365028000700305

Webster J. G., Ksiazek T. B. (2012) The Dynamics of Audience Fragmentation: Public Attention in an Age of Digital Media. *Journal of Communication* 62 (1): 39–56. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2011.01616.x

Westlund O., Ghersetti M. (2015) Modelling News Media Use. *Journalism Studies* 16 (2): 133–151. DOI: 10.1080/1461670X.2013.868139

Williams A. E. (2012) Trust or Bust?: Questioning the Relationship Between Media Trust and News Attention. *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 56 (1): 116–131. DOI: 10.1080/08838151.2011.651186

Williams J. (2018) *Stand Out of Our Light: Freedom and Resistance in the Attention Economy*. Cambridge University Press.

Wojcieszak M., Clemm von Hohenberg B., Casas A., Menchen-Trevino E., de Leeuw S., Gonçalves A., Boon M. (2022) Null effects of news exposure: A test of the (un)desirable effects of a 'news vacation' and 'news binging'. *Humanities and Social Sciences Communications* 9 (1): Article 1. DOI: 10.1057/s41599-022-01423-x

Wojcieszak M., Menchen-Trevino E., Clemm von Hohenberg B., de Leeuw S., Gonçalves J., Davidson S., Gonçalves A. (2024) Non-News Websites Expose People to More Political Content Than News Websites: Evidence from

Browsing Data in Three Countries. *Political Communication* 41 (1): 129–151. DOI: 10.1080/10584609.2023.2238641

Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies* 22 (13): 1739–1755. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1952475

Zhou X., Roberto A. J., Lu A. H. (2023) Understanding Online Health Risk Information Seeking and Avoiding during the COVID-19 Pandemic. *Health Communication* 38 (3): 532–542. DOI: 10.1080/10410236.2021.1958981

Zukin C., Snyder R. (1984) Passive Learning: When the Media Environment Is the Message. *Public Opinion Quarterly* 48 (3): 629–638. DOI: 10.1086/268864

Notes

Doverie SMI v Rossii [Trust in Media in Russia]. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii (accessed: 29.04.2024).

Novostnaya informatsiya i televidenie [News Information and Television]. Available at: https://fom.ru/SMI-i-internet/14902 (accessed: 29.04.2024).

Reuters Institute Digital News Report 2023. Available at: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-06/Digital_News_Report_2023.pdf

References

Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. (2021) Health-protective Behaviour, Social Media Usage, and Conspiracy Belief During the COVID-19 Public Health Emergency. *Psychological Medicine* 51 (10): 1763–1769. DOI: 10.1017/S003329172000224X

Althaus S. L. (2002) American News Consumption during Times of National Crisis. *PS: Political Science and Politics* 35 (3): 517–521.

Anderson J. T. L., Howell E., Xenos M. A., Scheufele D. A., Brossard D. (2021) Learning Without Seeking?: Incidental Exposure to Science News on Social Media & Knowledge of Gene Editing. *Journal of Science Communication* 20 (4), A01. DOI: 10.22323/2.20040201

Anspach N. M., Jennings J. T., Arceneaux K. (2019) A Little Bit of Knowledge: Facebook's News Feed and Self-Perceptions of Knowledge. *Research & Politics* 6 (1). DOI: 10.1177/2053168018816189

Arqoub A., Elega O.A., Özad B. E., Dwikat H., Oloyede F. A. (2022) Mapping the Scholarship of Fake News Research: A Systematic Review. *Journalism Practice* 16 (1): 56–86. DOI: 10.1080/17512786.2020.1805791.

Barnes R., Mulcahy R., Riedel A. (2023) Push Notifications and News Snacking: The Impact of Mobile News Alert Framing on Reader Engagement. *New Media & Society*. DOI: 10.1177/14614448231196580

Benesch C. (2012) An Empirical Analysis of the Gender Gap in News Consumption. *Journal of Media Economics* 25 (3): 147–167. DOI: 10.1080/08997764.2012.700976

Benkler Y. (2007) *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. Yale University Press.

Benkler Y., Faris R., Roberts H. (2018) *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*. Oxford University Press.

Bentivegna S., Artieri G. B. (2020) Rethinking Public Agenda in a Time of High-Choice Media Environment. *Media and Communication* 8 (4): 6–15. DOI: 10.17645/mac.v8i4.3166

Berinsky A. J. (2023) *Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It*. Princeton University Press.

Boczkowski P. J., Mitchelstein E., Matassi M. (2018) "News Comes Across When I'm in a Moment of Leisure": Understanding the Practices of Incidental News Consumption on Social Media. *New Media & Society* 20 (10): 3523–3539. DOI: 10.1177/1461444817750396

Bogdanić A. (2022) Theorizing News: Toward a Constitutive Model of Journalistic Discourse. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 99 (2): 487–514. DOI: 10.1177/1077699020966755

Bogomiagkova E. S., Popova E. E. (2021) «Ustalost' sostradat'» v praktikah mediapotrebleniya (na primere otnosheniya k problematizacii rasprostraneniya COVID-19) ["Compassion Fatigue" in Practices of Media Consumption (A Case Study of the Attitude to the COVID-19 Problematization of Dissemination)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 6: 46–56. DOI: 10.31857/S013216250012269-8 (In Russian)

Boomgaarden H. G., de Vreese C. H. (2007) Dramatic Real-World Events and Public Opinion Dynamics: Media Coverage and Its Impact on Public Reactions to an Assassination. *International Journal of Public Opinion Research* 19: 354–366. DOI: 10.1093/ijpor/edm012

Borah P., Su Y., Xiao X., Lai Lee D. K. (2022) Incidental News Exposure and COVID-19 Misperceptions: A Moderated-Mediation Model. *Computers in Human Behavior* 129: 107173. DOI: 10.1016/j.chb.2021.107173

Botti S., Lyengar S. S. (2004) The Psychological Pleasure and Pain of Choosing: When People Prefer Choosing at the Cost of Subsequent Outcome Satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology* 87 (3): 312–326. DOI: 10.1037/0022-3514.87.3.312

Boukes M., Vliegenthart R. (2017) News Consumption and Its Unpleasant Side Effect: Studying the Effect of Hard and Soft News Exposure on Mental Well-being Over Time. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications* 29: 137–147. DOI: 10.1027/1864-1105/a000224

Broda E., Strömbäck J. (2024) "Misinformation, Disinformation, and Fake News: Lessons from an Interdisciplinary, Systematic Literature Review." Annals of the International Communication Association. DOI: 10.1080/23808985.2024.2323736.

Broersma M., Swart J. (2022) Do Novel Routines Stick After the Pandemic? The Formation of News Habits During COVID-19. *Journalism Studies* 23 (5–6): 551–568. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1932561

Brosius A., Hameleers M., van der Meer T. G. L. A. (2022) Can We Trust Measures of Trust? A Comparison of Results from Open and Closed Questions. *Quality & Quantity* 56 (5): 2907–2924. DOI: 10.1007/s11135-021-01250-3

Bryanov K., Kliegl R., Koltsova O., Miltsov A., Pashakhin S., Porshnev A., Sinyavskaya Y., Terpilovskii M., Vziatysheva V. (2023) What Drives Perceptions of Foreign News Coverage Credibility? A Cross-National Experiment Including Kazakhstan, Russia, and Ukraine. *Political Communication* 40 (2): 115–146. DOI: 10.1080/10584609.2023.2172492

Buneviciene I., Bunevicius R., Bagdonas S., Bunevicius A. (2021) COVID-19 Media Fatigue: Predictors of Decreasing Interest and Avoidance of COVID-19-Related News. *Public Health* 196: 124–128. DOI: 10.1016/j.puhe.2021.05.024

Cacciatore M. A., Yeo S. K., Scheufele D. A., Xenos M. A., Brossard D., Corley E. A. (2018) Is Facebook Making Us Dumber? Exploring Social Media Use as a Predictor of Political Knowledge. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 95 (2): 404–424. DOI: 10.1177/1077699018770447

Chaffee S. H., Metzger M. J. (2001) The End of Mass Communication? *Mass Communication and Society* 4 (4): 365–379. DOI: 10.1207/S15327825MCS0404_3

Chan M. S., Jones C. R., Hall Jamieson K., Albarracín D. (2017) Debunking: A Meta-Analysis of the Psychological Efficacy of Messages Countering Misinformation. *Psychological Science* 28 (11): 1531–1546. DOI: 10.1177/0956797617714579

Chernev A., Böckenholt U., Goodman J. (2015). Choice Overload: A Conceptual Review and Meta-Analysis. *Journal of Consumer Psychology* 25 (2): 333–358. DOI: 10.1016/j.jcps.2014.08.002

Cho J., Ahmed S., Hilbert M., Liu B., Luu J. (2020) Do Search Algorithms Endanger Democracy? An Experimental Investigation of Algorithm Effects on Political Polarization. *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 64 (2): 150–172. DOI: 10.1080/08838151.2020.1757365

Chumakova V. P., Gorshkova D., Popova V., Shibanova A. (2018) Information Overload of Journalists in Contemporary Russia: Causes, Ways of Adaptation and Consequences (a Pilot Study). *Communications. Media. Design* 3 (4): 115–139.

Dai Y., Luqiu L. (2020) Camouflaged Propaganda: A Survey Experiment on Political Native Advertising. *Research & Politics* 7 (3). DOI: 10.1177/2053168020935250

Daniller A., Allen D., Tallevi A., Mutz D. C. (2017) Measuring Trust in the Press in a Changing Media Environment. *Communication Methods and Measures* 11 (1): 76–85. DOI: 10.1080/19312458.2016.1271113

De Keere K., Thunnissen E., Kuipers G. (2021) Defusing Moral Panic: Legitimizing Binge-Watching as Manageable, High-Quality, Middle-Class Hedonism. *Media, Culture & Society* 43 (4): 629–647. DOI: 10.1177/0163443720972315

de Bruin K., de Haan Y., Vliegenthart R., Kruikemeier S., Boukes M. (2021) News Avoidance During the Covid-19 Crisis: Understanding Information Overload. *Digital Journalism* 9 (9): 1394–1410. DOI: 10.1080/21670811.2021.1957967

Dimmick J., Feaster J. C., Hoplamazian G. J. (2011) News in the Interstices: The Niches of Mobile Media in Space and Time. *New Media & Society* 13 (1): 23–39. DOI: 10.1177/1461444810363452

Dunas D. V., Vartanov S. A., Kulchickaya D. Y., Salihova E. A., Tolokonnikova A. V. (2020) Motivacionnye faktory mediapotrebleniya «cifrovoj molodezhi» v rossii: rezul'taty pilotnogo issledovaniya [Motivation Factors in Media Consumption of "Digital Youth" in Russia: Results of a Pilot Study]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 3–27. (In Russian)

Dunn A. G., Surian D., Leask J., Dey A., Mandl K. D., Coiera E. (2017) Mapping Information Exposure on Social Media to Explain Differences in HPV Vaccine Coverage in the United States. *Vaccine* 35 (23): 3033–3040. DOI: 10.1016/j.vaccine.2017.04.060

Duyn E. V., Collier J. (2019) Priming and Fake News: The Effects of Elite Discourse on Evaluations of News Media. *Mass Communication and Society* 22 (1): 29–48. DOI: 10.1080/15205436.2018.1511807

Eg R., Demirkol Tønnesen Ö., Tennfjord M. K. (2023) A Scoping Review of Personalized User Experiences on Social Media: The Interplay Between Algorithms and Human Factors. *Computers in Human Behavior Reports* 9. DOI: 10.1016/j.chbr.2022.100253

Egelhofer J. L., Lecheler S. (2019) Fake News as a Two-Dimensional Phenomenon: A Framework and Research Agenda. *Annals of the International Communication Association* 43 (2): 97–116. DOI: 10.1080/23808985.2019.1602782

Eppler M. J., Mengis J. (2004) The Concept of Information Overload: A Review of Literature from Organization Science, Accounting, Marketing, MIS, and Related Disciplines. *The Information Society* 20 (5): 325–344. DOI: 10.1080/01972240490507974

Eveland W. P., Scheufele D. A. (2000) Connecting News Media Use with Gaps in Knowledge and Participation. *Political Communication* 17 (3): 215–237. DOI: 10.1080/105846000414250

Fawzi N., Steindl N., Obermaier M., Prochazka F., Arlt D., Blöbaum B., Dohle M., Engelke K. M., Hanitzsch T., Jackob N., Jakobs I., Klawier T., Post S., Reinemann C., Schweiger W., Ziegele M. (2021) Concepts, Causes, and Consequences of Trust in News Media: A Literature Review and Framework. *Annals of the International Communication Association* 45 (2): 154–174. DOI: 10.1080/23808985.2021.1960181

Feezell J. T. (2018) Agenda Setting Through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era. *Political Research Quarterly* 71 (2): 482–494. DOI: 10.1177/1065912917744895

Feezell J. T., Ortiz B. (2021) "I Saw It on Facebook": An Experimental Analysis of Political Learning Through Social Media. *Information,*

Communication & Society 24 (9): 1283–1302. DOI: 10.1080/1369118X.2019.1697340

Flaxman S., Goel S., Rao J. M. (2016) Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. *Public Opinion Quarterly* 80: 298–320. DOI: 10.1093/poq/nfw006

Flayelle M., Maurage P., Di Lorenzo K. R., Vgele C., Gainsbury S. M., Billieux J. (2020) Binge-Watching: What Do We Know So Far? A First Systematic Review of the Evidence. *Current Addiction Reports* 7 (1): 44–60. DOI: 10.1007/s40429-020-00299-8

Frimer J. A., Skitka L. J., Motyl M. (2017) Liberals and Conservatives Are Similarly Motivated to Avoid Exposure to One Another's Opinions. *Journal of Experimental Social Psychology* 72: 1–12. DOI: 10.1016/j.jesp.2017.04.003

Gil de Zúñiga H., Cheng Z. (2021) Origin and Evolution of the News Finds Me Perception: Review of Theory and Effects. *Profesional de La Información* 30 (3): Article 3. DOI: 10.3145/epi.2021.may.21

Gil de Zúñiga H., Weeks B., Ardèvol-Abreu A. (2017) Effects of the News-Finds-Me Perception in Communication: Social Media Use Implications for News Seeking and Learning About Politics. *Journal of Computer-Mediated Communication* 22 (3): 105–123. DOI: 10.1111/jcc4.12185

Goyanes M., Ardèvol-Abreu A., Gil de Zúñiga H. (2021) Antecedents of News Avoidance: Competing Effects of Political Interest, News Overload, Trust in News Media, and "News Finds Me" Perception. *Digital Journalism*. DOI: 10.1080/21670811.2021.1990097

Goyanes M., Demeter M. (2022) Beyond Positive or Negative: Understanding the Phenomenology, Typologies, and Impact of Incidental News Exposure on Citizens' Daily Lives. *New Media & Society* 24 (3): 760–777. DOI: 10.1177/1461444820967679

Hameleers M., Brosius A., Marquart F., Goldberg A. C., van Elsas E., de Vreese C. H. (2022). Mistake or Manipulation? Conceptualizing Perceived Mis- and Disinformation among News Consumers in 10 European Countries. *Communication Research* 49 (7): 919–941. DOI: 10.1177/0093650221997719

Hamilton J. T. (2006) *All the News That's Fit to Sell: How the Market Transforms Information into News*. Princeton University Press.

Harcup T., O'Neill D. (2017) What is News? *Journalism Studies* 18 (12): 1470–1488. DOI: 10.1080/1461670X.2016.1150193

Haugsgjerd A., Karlsen R., Steen-Johnsen K. (2023) Uninformed or Misinformed in the Digital News Environment? How Social Media News Use Affects Two Dimensions of Political Knowledge. *Political Communication*. DOI: 10.1080/10584609.2023.2222070

Hayes D., Lawless J. L. (2018) The Decline of Local News and Its Effects: New Evidence from Longitudinal Data. *The Journal of Politics* 80 (1): 332–336. DOI: 10.1086/694105

Haynes G. A. (2009) Testing the Boundaries of the Choice Overload Phenomenon: The Effect of Number of Options and Time Pressure on Decision

Difficulty and Satisfaction. *Psychology & Marketing* 26 (3): 204–212. DOI: 10.1002/mar.20269

Heiberger R., Majó-Vázquez S., Castro Herrero L., Nielsen R. K., Esser F. (2022). Do Not Blame the Media! The Role of Politicians and Parties in Fragmenting Online Political Debate. *The International Journal of Press/Politics* 27 (4): 910–941. DOI: 10.1177/19401612211015122

Hermida A. (2020) Post-Publication Gatekeeping: The Interplay of Publics, Platforms, Paraphernalia, and Practices in the Circulation of News. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 97 (2): 469–491. DOI: 10.1177/1077699020911882

Hilgartner S., Bosk C. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology* 94 (1): 53–78.

Holman E. A., Garfin D. R., Silver R. C. (2014) Media's Role in Broadcasting Acute Stress Following the Boston Marathon Bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 111 (1): 93–98. DOI: 10.1073/pnas.1316265110

Inbar Y., Botti S., Hanko K. (2011) Decision Speed and Choice Regret: When Haste Feels Like Waste. *Journal of Experimental Social Psychology* 47 (3): 533–540. DOI: 10.1016/j.jesp.2011.01.011

Iversen M. H., Knudsen E. (2019) When Politicians Go Native: The Consequences of Political Native Advertising for Citizens' Trust in News. *Journalism* 20 (7): 961–978. DOI: 10.1177/1464884916688289

Iyengar S. (2011) *The Art of Choosing* (Reprint edition). Twelve.

Iyengar S. S., Lepper M. R. (2000) When choice is demotivating: Can one desire too much of a good thing? *Journal of Personality and Social Psychology* 79: 995–1006. DOI: 10.1037/0022-3514.79.6.995

Jakobsson P., Stiernstedt F. (2023) Trust and the Media: Arguments for the (Irr)elevance of a Concept. *Journalism Studies* 24 (4): 479–495. DOI: 10.1080/1461670X.2023.2169191

Jolley D., Douglas K. M. (2014) The Social Consequences of Conspiracism: Exposure to Conspiracy Theories Decreases Intentions to Engage in Politics and to Reduce One's Carbon Footprint. *British Journal of Psychology* 105 (1): 35–56. DOI: 10.1111/bjop.12018

Jowett G. S., O'Donnell V. J. (2011). *Propaganda & Persuasion*. SAGE Publications, Inc.

Jürgens P., Stark B. (2022) Mapping Exposure Diversity: The Divergent Effects of Algorithmic Curation on News Consumption. *Journal of Communication* 72 (3): 322–344. DOI: 10.1093/joc/jqac009

Kaiser J., Keller T. R., Kleinen-von Königslöw K. (2021) Incidental News Exposure on Facebook as a Social Experience: The Influence of Recommender and Media Cues on News Selection. *Communication Research* 48 (1): 77–99. DOI: 10.1177/0093650218803529

Kapantai E., Christopoulou A., Berberidis C., Peristeras V. (2021) A Systematic Literature Review on Disinformation: Toward a Unified Taxonomical

Framework. *New Media & Society* 23 (5): 1301–1326. DOI: 10.1177/ 14614 44820959296

Karlsen R., Beyer A., Steen-Johnsen K. (2020) Do High-Choice Media Environments Facilitate News Avoidance? A Longitudinal Study 1997–2016. *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 64 (5): 794–814. DOI: 10.1080/0883 8151.2020.1835428

Katz E. (1996) And Deliver Us from Segmentation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 546: 22–33.

Kazhberova V. V., Chkhartishvili A. G., Gubanov D. A., Kozicin I. V., Belyavskiĭ E. V., Fedyanin D. N., Cherkasov S. N., Meshkov D. O. (2023) Agressiya v obshchenii mediapol'zovateleĭ: analiz osobennosteĭ povedeniya i vzaimnogo vliyaniya [Aggression in Media Users' Communication: An Analysis of Behavioral Features and Mutual Influence]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 26–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2023.2656 (In Russian)

Kazun A. D. (2020) Tak li strashen fejk? Lozhnye novosti i ih rol' v sovremennom mire [Are Fakes Really Dangerous? Fake News and Their Role in the Modern World]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* 4: 162—175. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.791 (In Russian)

Kazun A. D. (2022) Konspirologicheskoe myshlenie: ponyatie, izmerenie i faktory [Conspiracy Thinking: Concept, Measurement and Factors]. *Ekonomicheskaya sociologiya* 23 (2): 91–117. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-2-91-117 (In Russian)

Kazun A. D. (2023a). «Oni vse ravno menya nahodyat»: mediapotreblenie lyudej, izbegayushchih novostej ["It Finds Me Anyway": Media Consumption of News Avoiders]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 3–25. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2023.325 (In Russian)

Kazun A. D. (2023b) Est' li vyhod iz puzyrya? Motivy potrebleniya ideologicheski chuzhdoj informacii dumskrollerami [Is There a Way Out of the Bubble? Motives for the Consumption of Ideologically Diverse News by Doomscrollers]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* 4: 168–181. (In Russian)

Kazun A. D. (2024) «Oblozhit'sya informaciej, chtoby hot' chto-to ponimat'»: individual'nye i social'nye osnovaniya dumskrollinga ["Surround Myself with Information to Understand at Least Something": Individual and Social Reasons for Doomscrolling]. *Mir Rossii: Sociologiya, etnologiya* 33 (2): 77–94. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94 (In Russian)

Klimov I. A. (2021) Inter-enciklopediya: Kognitivnoe interv'yu [INTER-Encyclopedia: Cognitive Interview]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* 4: 114–127. DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.6 (In Russian)

Klimova A. M., Chmel K., Savin N. Y. (2020) Veryu-ne-veryu: obshchestvennoe mnenie i sluhi o proiskhozhdenii novogo koronavirusa [Believe it or Not: Public Opinion and Rumors About COVID-19]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* 6: 266–283. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1752 (In Russian)

Knudsen E., Dahlberg S., Iversen M. H., Johannesson M. P., Nygaard S. (2022) How the Public Understands News Media Trust: An Open-Ended Approach. *Journalism* 23 (11): 2347–2363. DOI: 10.1177/14648849211005892

Kohring M., Matthes J. (2007) Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale. *Communication Research* 34 (2): 231–252. DOI: 10.1177/0093650206298071

Kolesnichenko A. V. (2023) Mul'timediĭnye zhanry v sovremennyh rossiĭskih SMI [Multimedia Genres in Modern Russian Media]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 3–22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2023.322 (In Russian)

Krebs I., Bachmann P., Siegert G., Schwab R., Willi R. (2021) Non-Journalistic Competitors of News Media Brands on Google and YouTube: From Solid Competition to a Liquid Media Market. *Journal of Media Business Studies* 18 (1): 27–44. DOI: 10.1080/16522354.2020.1832746

Ksiazek T. B., Malthouse E. C., Webster J. G. (2010) News-Seekers and Avoiders: Exploring Patterns of Total News Consumption Across Media and the Relationship to Civic Participation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 54 (4): 551–568. DOI: 10.1080/08838151.2010.519808

Kubin E., von Sikorski C. (2021) The Role of (Social) Media in Political Polarization: A Systematic Review. *Annals of the International Communication Association* 45 (3): 188–206. DOI: 10.1080/23808985.2021.1976070

Kümpel A. S. (2022) Social Media Information Environments and Their Implications for the Uses and Effects of News: The PINGS Framework. *Communication Theory* 32 (2): 223–242. DOI: 10.1093/ct/qtab012

Kurakin D. Y., Latypov I. A. (2023) Ekosistemy vybora: o nekotoryh ogranicheniyah teorii racional'nogo vybora i strategii ih preodoleniya [Ecosystems of Choice: On Some Limitations of Rational Choice Theory and a Strategy for Overcoming Them]. *Ekonomicheskaya sociologiya* 24 (3): 11–32. (In Russian)

Kuzina O. E. (2012) Finansovaya gramotnost' rossiyan (dinamika i perspektivy) [Financial Literacy of Russians (Dynamics and Prospects)]. *Den'gi i kredit* 1: 68–72. (In Russian)

Ladd J. M. (2011) *Why Americans Hate the Media and How It Matters*. Princeton University Press.

Lee S. (2020) Probing the Mechanisms Through Which Social Media Erodes Political Knowledge: The Role of the News-Finds-Me Perception. *Mass Communication and Society* 23 (6): 810–832. DOI: 10.1080/15205436.2020.1821381

Lewandowsky S., Gignac G. E., Oberauer K. (2013) The Role of Conspiracist Ideation and Worldviews in Predicting Rejection of Science. *PLOS ONE* 8 (10): e75637. DOI: 10.1371/journal.pone.0075637

Link E. (2021) Information Avoidance During Health Crises: Predictors of Avoiding Information About the COVID-19 Pandemic Among German News Consumers. *Information Processing and Management* 58 (6). DOI: 10.1016/j.ipm.2021.102714

Lippmann W. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. M.: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie". (In Russian)

Lockerbie B., Borrelli S. A. (1990) Question Wording and Public Support for Contra Aid, 1983–1986. *Public Opinion Quarterly* 54 (2): 195–208. DOI: 10.1086/269197

Lou C., Tandoc Jr. E. C., Hong L. X., Pong X. Y. (Brenda), Lye W. X. (Rachelle), Sng N. G. (Trisha). (2021) When Motivations Meet Affordances: News Consumption on Telegram. *Journalism Studies* 22 (7): 934–952. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1906299

Magin M., Geiß S., Stark B., Jürgens P. (2022) Common Core in Danger? Personalized Information and the Fragmentation of the Public Agenda. *The International Journal of Press/Politics* 27 (4): 887–909. DOI: 10.1177/19401612211026595

Makeenko M. I. Vyrkovskiy A. V. (2021) Vozmozhnosti vliyaniya neinstitucionalizirovannyh proizvoditelej razvlekatel'nogo i poznavatel'nogo kontenta na auditoriyu [Potential for Non-Institutionalized Creators of Entertainment and Educational Content to Influence the Audience]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 74–99. (In Russian)

Maksimenko A. A., Dejneka O. S., Mortikova I. A. (2022) Infodemicheskij dumskrolling i psihologicheskoe blagopoluchie rossiyan [Infodemic Doomscrolling and the Psychological Well-being of Russians]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* 12: 129-136. (In Russian)

Mannell K., Meese J. (2022) From Doom-Scrolling to News Avoidance: Limiting News as a Wellbeing Strategy During COVID Lockdown. *Journalism Studies* 23 (3): 302–319. DOI: 10.1080/1461670X.2021.2021105

Markov Č., Đorđević A. (2023) Becoming a Target: Journalists' Perspectives on Anti-Press Discourse and Experiences with Hate Speech. *Journalism Practice*. DOI: 10.1080/17512786.2023.2215738

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J. (2022) Caught in a Dangerous World: Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Ill-Being. *Health Communication*. DOI: 10.1080/10410236.2022.2106086

Merten L. (2021) Block, Hide or Follow—Personal News Curation Practices on Social Media. *Digital Journalism* 9 (8): 1018–1039. DOI: 10.1080/21670811.2020.1829978

Metzger M. J., Flanagin A. J. (2013) Credibility and Trust of Information in Online Environments: The Use of Cognitive Heuristics. *Journal of Pragmatics* 59: 210–220. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.07.012

Mitchelstein E., Boczkowski P. J., Tenenboim-Weinblatt K., Hayashi K., Villi M., Kligler-Vilenchik N. (2020) Incidentality on a Continuum: A Comparative Conceptualization of Incidental News Consumption. *Journalism* 21 (8): 1136–1153. DOI: 10.1177/1464884920915355

Molyneux L. (2018) Mobile News Consumption. *Digital Journalism* 6 (5): 634–650. DOI: 10.1080/21670811.2017.1334567

Mourão R. R., Thorson E., Chen W., Tham S. M. (2018) Media Repertoires and News Trust During the Early Trump Administration. *Journalism Studies* 19 (13): 1945–1956. DOI: 10.1080/1461670X.2018.1500492

Mutz D. C. (2001) Facilitating Communication Across Lines of Political Difference: The Role of Mass Media. *American Political Science Review* 95 (1): 97–114. DOI: 10.1017/S0003055401000223

Myagkov A. Y., Zhuravleva S. L. (2010) O dostovernosti otvetov respondentov v telefonnom interv'yu (eksperimental'noe testirovanie ryada priemov) [On Reliability of the Respondents' Answers in Telephone Interviews (Experimental Testing of a Range of Techniques)]. *Sociologicheskie issledovaniya* 10: 81–93. (In Russian)

Myagkov A.Y. (2001) Vliyanie izvestnyh politicheskih imen v formulirovke voprosa na rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya [The Influence of Famous Political Names in the Formulation of Questions on the Results of Sociological Research]. *Sociologicheskie issledovaniya* 3: 94–104. (In Russian)

Nan X., Thier K., Wang Y. (2023) Health Misinformation: What It Is, Why People Believe It, How to Counter It. *Annals of the International Communication Association*. DOI: 10.1080/23808985.2023.2225489

Nestik T. A., Miheev E. A. (2022) Psihologicheskie faktory effektivnosti oproverzheniya dezinformacii v social'nyh setyah [Psychological Factors of the Effectiveness of Refuting Disinformation in Social Networks]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda* 7 (2): 65–94. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_003 (In Russian)

Newman N., Fletcher R., Robertson C. T., Eddy K., Nielsen R. K. (2022) *Reuters Institute Digital News Report 2022.*

Ohme J., Mothes C. (2023) News Snacking and Political Learning: Changing Opportunity Structures of Digital Platform News Use and Political Knowledge. *Journal of Information Technology & Politics*. DOI: 10.1080/19331681.2023.2193579

Oliver J. E., Wood T. (2014) Medical Conspiracy Theories and Health Behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine* 174 (5): 817–818. DOI: 10.1001/jamainternmed.2014.190

Panek E. (2016) High-Choice Revisited: An Experimental Analysis of the Dynamics of News Selection Behavior in High-Choice Media Environments. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 93 (4): 836–856. DOI: 10.1177/1077699016630251

Panievsky A. (2022a) Strategic Rituals of Loyalty: When Israeli Journalists Face Digital Hate. *Digital Journalism*. DOI: 10.1080/21670811.2022.2118144

Panievsky A. (2022b) The Strategic Bias: How Journalists Respond to Antimedia Populism. *The International Journal of Press/Politics* 27 (4): 808–826. DOI: 10.1177/19401612211022656

Park C. S., Kaye B. K. (2020) What's This? Incidental Exposure to News on Social Media, News-Finds-Me Perception, News Efficacy, and News Consumption. *Mass Communication and Society* 23 (2): 157–180. DOI: 10.1080/15205436.2019.1702216

Park S., Lee J. Y. (2023) Incidental News Exposure on Facebook and Its Relation to Trust in News. *Social Media + Society* 9 (1). DOI: 10.1177/20563051231158823

Perks L. G. (2019) Media Marathoning and Health Coping. *Communication Studies* 70 (1): 19–35. DOI: 10.1080/10510974.2018.1519837

Poreckova A. A., Savin N. Y. (2021) Memy kak instrument konsolidacii protestnogo dvizheniya (na primere korotkih video social'noj seti TikTok) [Memes as Consolidation Tool of the Protest Movement (evidence from short videos on the social network TikTok)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* 6: 76–96. (In Russian)

Price M., Legrand A. C., Brier Z. M. F., Van Stolk-Cooke K., Peck K., Dodds P. S., Danforth C. M., Adams Z. W. (2022) Doomscrolling During COVID-19: The Negative Association Between Daily Social and Traditional Media Consumption and Mental Health Symptoms During the COVID-19 Pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy* 14 (8): 1338–1346. DOI: 10.1037/tra0001202

Prior M. (2007) *Post-Broadcast Democracy: How Media Choice Increases Inequality in Political Involvement and Polarizes Elections*. Cambridge University Press.

Prochazka F., Schweiger W. (2019) How to Measure Generalized Trust in News Media? An Adaptation and Test of Scales. *Communication Methods and Measures* 13 (1): 26–42. DOI: 10.1080/19312458.2018.1506021

Quiring O., Ziegele M., Schemer C., Jackob N., Jakobs I., Schultz T. (2021) Constructive Skepticism, Dysfunctional Cynicism? Skepticism and Cynicism Differently Determine Generalized Media Trust. *International Journal of Communication* 15.

Radaev V. V. (ed.) (2023) Kak rossiyane spravlyayutsya s novym krizisom: Social'no-ekonomicheskie praktiki naseleniya [The Way Russians Cope with a New Crisis: Socio-Economic Practices of the Russian Population]. In Nauchnye doklady fakul'teta sotsial'nykh nauk NIU VShE. Vyp. 1 (1) [Research Reports of the HSE Faculty of Social Sciences. 1 (1)]. (In Russian). Available at: https://id.hse.ru/books/818258101.html (accessed: 14.06.2023). DOI: 10.17323/978-5-7598-2756-6

Ripp T., Röer J. P. (2022) Systematic Review on the Association of COVID-19 – Related Conspiracy Belief with Infection-Preventive Behavior and Vaccination Willingness. *BMC Psychology* 10 (1). DOI: 10.1186/s40359-022-00771-2

Schäfer S. (2023) Incidental News Exposure in a Digital Media Environment: A Scoping Review of Recent Research. *Annals of the International Communication Association* 47 (2): 242–260. DOI: 10.1080/23808985.2023.2169953

Schäfer S., Schemer C. (2024) Informed Participation? An Investigation of the Relationship Between Exposure to Different News Channels and Participation Mediated Through Actual and Perceived Knowledge. *Frontiers in Psychology* 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1251379

Scheibehenne B., Greifeneder R., Todd P. M. (2010)Can There Ever Be Too Many Options? A Meta-Analytic Review of Choice Overload. *Journal of Consumer Research* 37: 409–425. DOI: 10.1086/651235

Schneiders P. (2023) News from the User's Perspective: With Naivety to Validity. *Digital Journalism*. DOI: 10.1080/21670811.2023.2182804

Schrøder K. C. (2015) News Media Old and New: Fluctuating Audiences, News Repertoires, and Locations of Consumption. *Journalism Studies* 16 (1): 60–78. DOI: 10.1080/1461670X.2014.890332

Schudson M. (2011) *The Sociology of News*. W. W. Norton & Company.

Schwarzenegger C. (2020) Personal Epistemologies of the Media: Selective Criticality, Pragmatic Trust, and Competence–Confidence in Navigating Media Repertoires in the Digital Age. *New Media & Society* 22 (2): 361–377. DOI: 10.1177/1461444819856919

Searles K., Feezell J. T. (2023) Scrollability: A New Digital News Affordance. *Political Communication* 40 (5): 670–675. DOI: 10.1080/10584609.2023.2208083

Shehata A. (2013) Active or Passive Learning From Television? Political Information Opportunities and Knowledge Gaps During Election Campaigns. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties* 23 (2): 200–222. DOI: 10.1080/17457289.2013.771362

Shirikov A. (2024) Fake News for All: How Citizens Discern Disinformation in Autocracies. *Political Communication* 41 (1): 45–65. DOI: 10.1080/10584609.2023.2257618

Shoemaker P. J., Cohen A. A. (2005) *News Around the World: Content, Practitioners, and the Public*. New York: Routledge.

Shomova S. A. (2019) Vybory prezidenta RF – 2018 v zerkale memov: Novye realii politicheskoj kommunikativistiki [2018 Russian Presidential Elections in the Mirror of Memes: New Realities of Political Communications]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* 3: 157–173. (In Russian)

Shomova S. A. (2021) Mem-letopisec: Reprezentaciya novostnoj povestki dnya pandemii v memeticheskom kontente Runeta [Meme Chronicler: Representation of the Pandemic News Agenda in the Runet Memetic Content]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* 5: 399–424. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1977 (In Russian)

Silver R. C., Holman E. A., Andersen J. P., Poulin M., McIntosh D. N., Gil-Rivas V. (2013) Mental- and Physical-Health Effects of Acute Exposure to Media Images of the September 11, 2001, Attacks and the Iraq War. *Psychological Science* 24 (9): 1623–1634. DOI: 10.1177/0956797612460406

Skovsgaard M., Andersen K. (2020) Conceptualizing News Avoidance: Towards a Shared Understanding of Different Causes and Potential Solutions. *Journalism Studies* 21 (4): 459–476. DOI: 10.1080/1461670X.2019.1686410

Stead H., Bibby P. A. (2017) Personality, Fear of Missing Out, Problematic Internet Use, and Their Relationship to Subjective Well-being. *Computers in Human Behavior* 76: 534–540. DOI: 10.1016/j.chb.2017.08.016

Stroud N. (2008) Media Use and Political Predispositions: Revisiting the Concept of Selective Exposure. *Political Behavior* 30 (3): 341–366. DOI: 10.1007/s11109-007-9050-9

Stukal D. K., Ahremenko A. S., Petrov A. P. (2022) Affektivnaya politicheskaya polyarizaciya i yazyk nenavisti: sozdany drug dlya druga? [Affective

Political Polarization and Hate Speech: Made for Each Other?]. *Vestn. RUDN. Ser.: Politologiya* 24 (3): 480–498. (In Russian)

Tandoc E. C. Jr., Lim Z. W., Ling R. (2018) Defining "Fake News": A Typology of Scholarly Definitions. *Digital Journalism* 6 (2): 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143

Tandoc E. C., Jr., Kim H. K. (2022) Avoiding Real News, Believing in Fake News? Investigating Pathways from Information Overload to Misbelief. *Journalism*. DOI: 10.1177/14648849221090744

Tang G., Hung E. P. W., Au-Yeung H.-K. C., Yuen S. (2020) Politically Motivated Internet Addiction: Relationships among Online Information Exposure, Internet Addiction, FOMO, Psychological Well-being, and Radicalism in Massive Political Turbulence. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 17 (2): Article 2. DOI: 10.3390/ijerph17020633

Tarantino S. J., Jednak R. E. (1972) A Re-Examination of Factors Influencing the Evaluation of Assertions. *The Public Opinion Quarterly* 36 (1): 109–113.

Thorson K., Wells C. (2016) Curated Flows: A Framework for Mapping Media Exposure in the Digital Age. *Communication Theory* 26 (3): 309–328. DOI: 10.1111/comt.12087

Tkacheva N. V., Vartanov S. A., Dunas D. V., Gureeva A. N. (2016) K voprosu o teoreticheskom ponimanii novostej v cifrovuyu epohu: transformaciya struktury, sil vliyaniya, «zhiznennogo cikla» [Theoretical Understanding of News in Digital Era: Transformation of Structure, Influencing Powers, "Life Cycle"]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 3–16. (In Russian)

Toff B., Nielsen R. K. (2018) "I Just Google It": Folk Theories of Distributed Discovery. *Journal of Communication* 68 (3): 636–657. DOI: 10.1093/joc/jqy009

Toff B., Palmer R. A. (2019) Explaining the Gender Gap in News Avoidance: "News-Is-for-Men" Perceptions and the Burdens of Caretaking. *Journalism Studies* 20 (11): 1563–1579. DOI: 10.1080/1461670X.2018.1528882

Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. Columbia University Press.

Tokunaga R. S. (2015) Perspectives on Internet Addiction, Problematic Internet Use, and Deficient Self-Regulation: Contributions of Communication Research. *Annals of the International Communication Association* 39 (1): 131–161. DOI: 10.1080/23808985.2015.11679174

Tong J. (2018) Journalistic Legitimacy Revisited. *Digital Journalism* 6 (2): 256–273. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360785

Tsfati Y., Boomgaarden H. G., Strömbäck J., Vliegenthart R., Damstra A., Lindgren E. (2020) Causes and Consequences of Mainstream Media Dissemination of Fake News: Literature Review and Synthesis. *Annals of the International Communication Association* 44 (2): 157–173. DOI: 10.1080/23808985.2020.1759443

Van Aelst P., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F., de Vreese C., Matthes J., Hopmann D., Salgado S., Hubé N., Stępińska A., Papathanassopoulos S., Berganza R., Legnante G., Reinemann C., Sheafer T., Stanyer J. (2017)

Political Communication in a High-Choice Media Environment: A Challenge for Democracy? *Annals of the International Communication Association* 41 (1): 3–27. DOI: 10.1080/23808985.2017.1288551

van Mulukom V., Pummerer L. J., Alper S., Bai H., Čavojová V., Farias J., Kay C. S., Lazarevic L. B., Lobato E. J. C., Marinthe G., Pavela Banai I., Šrol J., Žeželj I. (2022) Antecedents and Consequences of COVID-19 Conspiracy Beliefs: A Systematic Review. *Social Science and Medicine* 301. DOI: 10.1016/j.socscimed.2022.114912

Vartanov S. A. (2023) Mediakommunikacionnaya industriya: k teoreticheskomu obosnovaniyu kategorii [Media Communication Industry: Towards the Theoretical Grounding of the Category] // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 6: 3–36. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.336 (In Russian)

Vartanova E. L. (2023) «Peresborka» media: aktual'nye processy transformacii v usloviyah cifrovizacii ["Reassembly" of Media: Current Transformation Processes in the Context of Digitalization]. *Medi@l'manah* 3: 8–17. (In Russian)

Villi M., Aharoni T., Tenenboim-Weinblatt K., Boczkowski P. J., Hayashi K., Mitchelstein E., Tanaka A., Kligler-Vilenchik N. (2022) Taking a Break from News: A Five-nation Study of News Avoidance in the Digital Era. *Digital Journalism* 10 (1): 148–164. DOI: 10.1080/21670811.2021.1904266

Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018) The Spread of True and False News Online. *Science* 359 (6380): 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559

Vyrkovskiy A. V., Smirnov S. S. (2018) Otechestvennyj nauchnyj mediadiskurs: struktura, osobennosti, klyuchevye koncepty [Russian Scientific Media Discourse: Structure, Features and Key Concepts]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 27–47. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2018.2747 (In Russian)

Waisbord S. (2022) Trolling Journalists and the Risks of Digital Publicity. *Journalism Practice* 16 (5): 984–1000. DOI: 10.1080/17512786.2020.1827450

Walter N., Tukachinsky R. (2020) A Meta-Analytic Examination of the Continued Influence of Misinformation in the Face of Correction: How Powerful Is It, Why Does It Happen, and How to Stop It? *Communication Research* 47 (2): 155–177. DOI: 10.1177/0093650219854600

Weaver D. H. (1980) Audience Need for Orientation and Media Effects. *Communication Research* 7 (3): 361–373. DOI: 10.1177/009365028000700305

Webster J. G., Ksiazek T. B. (2012) The Dynamics of Audience Fragmentation: Public Attention in an Age of Digital Media. *Journal of Communication* 62 (1): 39–56. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2011.01616.x

Westlund O., Ghersetti M. (2015) Modelling News Media Use. *Journalism Studies* 16 (2): 133–151. DOI: 10.1080/1461670X.2013.868139

Williams A. E. (2012) Trust or Bust?: Questioning the Relationship Between Media Trust and News Attention. *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 56 (1): 116–131. DOI: 10.1080/08838151.2011.651186

Williams J. (2018) *Stand Out of Our Light: Freedom and Resistance in the Attention Economy*. Cambridge University Press.

Wojcieszak M., Clemm von Hohenberg B., Casas A., Menchen-Trevino E., de Leeuw S., Gonçalves A., Boon M. (2022) Null Effects of News Exposure: A Test of the (Un)Desirable Effects of a 'News Vacation' and 'News Binging'. *Humanities and Social Sciences Communications* 9 (1): Article 1. DOI: 10.1057/s41599-022-01423-x

Wojcieszak M., Menchen-Trevino E., Clemm von Hohenberg B., de Leeuw S., Gonçalves J., Davidson S., Gon alves A. (2024) Non-News Websites Expose People to More Political Content Than News Websites: Evidence from Browsing Data in Three Countries. *Political Communication* 41 (1): 129–151. DOI: 10.1080/10584609.2023.2238641

Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies* 22 (13): 1739–1755. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1952475

Zhou X., Roberto A. J., Lu A. H. (2023) Understanding Online Health Risk Information Seeking and Avoiding during the COVID-19 Pandemic. *Health Communication* 38 (3): 532–542. DOI: 10.1080/10410236.2021.1958981

Zukin C., Snyder R. (1984) Passive Learning: When the Media Environment Is the Message. *Public Opinion Quarterly* 48 (3): 629–638. DOI: 10.1086/268864

Поступила в редакцию
02.02.2024

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; e-mail: rasv@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8336-1044

Банников Константин Валерьевич, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия; e-mail: freedom3116@gmail.com, ORCID 0000-0003-2046-6919

МЕДИЙНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАНДЕМИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СМИ[1]

Статья посвящена медийным социальным представлениям (СП) – теоретическому конструкту социально-психологических медиаисследований. Медийные СП – формы группового мышления, сформированные медиадискурсом, раскрывающие схемы и клише для репрезентации реальности. В статье представлен алгоритм реконструкции медийных СП с опорой на компьютерную лингвистику. На материале французских изданий «Le Monde», «Le Figaro» и «Le Parisien» были реконструированы медийные СП «пандемия», «коронавирус», «COVID-19» (2020–2022 гг.; 58 432 текста). Было выявлено, что использованные журналистами при создании текстов семантически близкие термины создают разные медийные социальные представления, то есть выбор означающего термина влечет за собой определенную дискурсивную рамку в представлении реальности. Во французском медиадискурсе медийное СП «пандемия» сосредоточено на объективных угрозах, медийное СП «коронавирус» реконструирует психологическую борьбу с опасностью, а медийное СП «COVID-19» воспроизводит атмосферу отчаяния и паники. Таким образом, семантически близкие означающие («коронавирус», «COVID-19» и «пандемия») создавали разные медийные социальные представления, позволяя через лингвистические и психологические ресурсы нейминга создавать разные миры пандемии.

***Ключевые слова**: медийные социальные представления, медиадискурс, Le Monde, Le Figaro, Le Parisien, коммуникативистика.*

Как цитировать: *Радина Н. К., Банников К. В.* Медийные социальные представления о пандемии во французских СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2024. № 2. С. 48–67. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.4867

Nadezhda K. Radina, Doctor of Political Science, PhD in Psychology, Professor at Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: rasv@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8336-1044

Konstantin V. Bannikov, Senior Lecturer at the Chair of Literature and Intercultural Communication, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: freedom3116@gmail.com, ORCID 0000-0003-2046-6919

MEDIA SOCIAL REPRESENTATIONS OF THE PANDEMIC IN FRENCH MASS MEDIA

The article is devoted to media social representations, a theoretical construct of media research from the socio-psychological field. Media social representations are forms of groupthink, formed by media discourse, revealing patterns and clichés for representing reality. The article aims to present an algorithm for reconstructing media social representations based on computational linguistics. It was suggested that semantically similar terms used by journalists when creating texts create different media social representations, i.e. the choice of a signifying term entails a certain discursive frame in the representation of reality. To test the hypothesis, the media social representations "pandémie", "coronavirus", "COVID-19" were reconstructed using the material of the French publications Le Monde, Le Figaro and Le Parisien (2020–2022; 58 432 texts). It turned out that in French media discourse the media social representation of "pandemic" is focused on objective threats, the media social representation of "coronavirus" reconstructs the psychological struggle with danger, and the media social representation of "COVID-19" reproduces the atmosphere of despair and panic. Thus, semantically close signifiers ("coronavirus", "COVID-19" and "pandemic") created different media social representations, allowing, through the linguistic and psychological resources of naming, to create different worlds of the pandemic.

***Key words**: media social representations, media discourse, Le Monde, Le Figaro, Le Parisien, communicative studies.*

To cite this article: Radina N. K., Bannikov K. V. (2024) Mediynye sotsial'nye predstavleniya o pandemii vo frantsuzskikh SMI [Media Social Representations of the Pandemic in French Mass Media]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 48–67. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.4867

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.4867

Введение

Коммуникативистика (*communication studies*) – относительно новая междисциплинарная область социального знания, интегрирующая лингвистику, психологию, политические науки и др. для

изучения феноменов коммуникации. Данное междисциплинарное поле инновационно по своим теоретическим опорам, извлеченным из разных наук и интегрированным для понимания коммуникации, и использует различные инструменты сбора эмпирики, что позволяет на практике изучать реальные коммуникативные феномены.

К подобным «реальным коммуникативным феноменам» можно отнести медийные социальные представления (по Сержу Московиси), характеризующие медиадискурс, требущие лингвистических методов изучения и привлекающие особое внимание психологов (Донцов, Зотова, Тарасова, 2021; Бовина, Дворянчиков, Мельникова, Лаврешкин, 2022; Jovchelovitch, 2012; Lo Monaco, Piermattéo, Rateau, Tavani, 2017).

Медийные социальные представления в психологии – основа для оформления социальных представлений (СП) индивида и группы, форм обыденного сознания, раскрывающего систему представлений о мире (Moscovici, 2000). Психологическое понимание медийных социальных представлений созвучно коммуникативной теории Н. Лумана: все, что мы знаем о мире, мы знаем благодаря массмедиа (2005).

Новые вызовы, включая период пандемии коронавируса, требуют от общества новых инструментов для осмысления происходящего. В условиях новых рисков общество особенно нуждается в массмедиа, которые называют это «угрожающее новое», разъясняют, как оно связано с привычным жизненным контекстом. Новости, аналитика, обычные истории, предлагаемые массмедиа в обычных вербальных и мультимодальных текстах, способны развеять пугающую неизвестность, раскрывают детали, делают неизвестность понятной и «известной». То есть, изучая особенности построения медийных социальных представлений о новых явлениях периода пандемии, исследователи получают информацию о «новом мире», создаваемом массмедиа.

В данной статье на материале медиадискурса французских СМИ с опорой на ассоциативную логику и метрики текста из компьютерной лингвистики охарактеризованы медийные социальные представления, имеющие значение для периода прошедшей пандемии, а также апробирован представленный алгоритм идентификации и анализа медийных СП для дальнейшего изучения медийных социальных представлений в междисциплинарном поле коммуникативистики.

Медийные социальные представления: теоретические координаты

Теория социальных представлений (СП) Сержа Московиси – широко известная теоретическая рамка для осмысления ряда социальных феноменов – от психологии личности до массмедиа (Бовина, Дворянчиков, Мельникова, Лаврешкин, 2022; Lo Monaco, Piermattéo, Rateau, Tavani, 2017; Mocelin, Brigido, Camargo, 2015). Именно широта и вариативность в использовании теории СП связана одновременно с популярностью, критикой и упреками теории в эклектичности (Молине, Бовина, 2021).

Истоки теории исследователи видят в «коллективных представлениях» Э. Дюркгейма, идеях В. Вундта, Л. С. Выготского, Л. Леви-Брюля, Дж. Мида, Ж. Пиаже и др., а современное определение социальных представлений получило относительно устойчивое понимание СП как специфической формы социального знания (Бовина, Дворянчиков, Мельникова, Лаврешкин, 2022).

В российской психологии теория СП особую популярность обрела в форме структурного подхода, ориентированного на выделение в СП ядра и периферии: большая часть российских исследований выполнены именно в рамках структурного подхода теории социальных представлений (Донцов, Зотова, Тарасова, 2021; Бовина, Сачкова, Дворянчиков, Новикова и др., 2023). Однако медийные социальные представления остались практически без исследовательского внимания, оказались в фокусе лишь отдельных локальных исследований (Емельянова, Дробышева, 2015).

Это обусловило парадокс: с одной стороны, присутствовало признание роли медийных СП в формировании СП социальных групп (на основе медийных СП строятся СП общества), а анализ различных аспектов социальных представлений позволил получить относительно подробные «карты» того, как социальные группы понимают и интерпретируют социальную реальность. С другой стороны, как складываются медийные СП, насколько они созвучны СП социальных групп (действительно ли настолько влиятельны, что детерминируют СП социальных групп) и т. д. – все эти вопросы остались без внятного ответа.

Данный парадокс мы связываем с недостаточностью трансфера социально-психологических теорий в коммуникативистику, на «территорию массмедиа», а следовательно, с узким кругом исследователей массмедиа, использующих психологические теории.

Изучение медийных СП и, главное, анализ взаимосвязей между медийными СП и СП их читателей могло бы существенно изменить понимание влияния массмедиа на конструирование картины мира у «потребителей массмедиа».

Другой проблемой медийных СП является исследовательский инструментарий, при помощи которого извлекается эмпирика – материал для идентификации социальных представлений. В российской психологии при сборе эмпирического материала доминирует стратегия структурного подхода: к ключевому слову-стимулу по определенному алгоритму подбираются ассоциации, определяющие ядро и периферию СП (Бовина, Сачкова, Дворянчиков, Новикова и др., 2023; Донцов, Зотова, Тарасова, 2021). Предполагается, что таким образом исследователь выясняет весь шлейф, все облако ассоциативных связей, значений, сопряженных с СП.

В социологических исследованиях социальные представления реконструируют с опорой на опросники и другие схемы сбора эмпирики – от репертуарных решеток до опроса в рамках фокус-групп (Дробышева, Ларионов, 2021). Что же касается медийных СП, и в российских исследованиях, и за рубежом, как правило, определяются темы, раскрывающие значение медийного СП (Емельянова, Дробышева, 2015; Ittefaq, Abwao, Baines, Belmas et al., 2022), то есть все разнообразие языковых средств в тексте сводится к семантике поля представления.

Развитие методов компьютерной лингвистики, гибридные и онлайн-массмедиа открывают новые возможности для изучения медийных СП. Теперь, извлекая тексты из сети Интернет и создавая коллекции медиатекстов под задачу исследования, можно на значительном текстовом материале реконструировать медийные социальные представления. При этом – с опорой на инструменты компьютерной лингвистики и показатели статистики текста – стало доступно не только выявление доминирующих тематик (например, при помощи качественного контент-анализа), но и идентификация ассоциативных связей для ключевых слов, определяющих медийные СП (фактически повторяется логика ассоциаций, использованная психологами).

Представляемое эмпирическое исследование является примером подобного анализа медийных СП на материале медиадискурса СМИ Франции с раскрытием специфики ассоциативных полей медийных социальных представлений о прошедшей пандемии *COVID-19*.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составила теория социальных представлений С. Московиси, в которой особое значение при создании медийных социальных представлений имеет идея механизма якорения (привязка к ранее знакомому социальному представлению) и объективации (конкретизация в описании) (Chen, Zhang, Liao, Luo et al., 2022; Höijer, 2011; Jovchelovitch, 2012). Б. Хойер описывает механизм якорения (анкеровки/привязки) для создания медийных СП как осуществляющийся в 5 формах: нейминг, эмоциональная привязка, тематическая привязка, метафорическая привязка, привязка через базовые антиномии – и называет объективацию (как конкретизацию) востребованным инструментом создания медийных СП (посредством эмоциональной объективации и персонификации) (Höijer, 2011).

Было высказано предположение, что использованные журналистами при создании текстов понятия, то есть «означающие», выраженные в семантически близких (или синонимичных) терминах, создают разные дискурсы, то есть выбор означающего понятия влечет за собой определенную дискурсивную рамку в представлении реальности (означаемого). Для проверки данного предположения были реконструированы медийные социальные представления *covid* (ковид), *pandémie* (пандемия), *coronavirus* (коронавирус) в медиадискурсе России и других европейских стран (см., например: Радина, 2024). В данной статье анализируется дискурс французских изданий *Le Monde, Le Figaro* и *Le Parisien*, а именно статьи, отобранные по указанным ключевым словам на протяжении четырех волн эпидемии – с января 2020 по март 2022 г. Объем выборки – 58 432 текста (*Le Figaro*— 29 584 текста, 10,84 млн слов; *Le Monde* — 22 446 текстов, 13,04 млн слов; *Le Parisien* — 6 402 текста, 10,42 млн слов).

Для реконструкции медийных социальных представлений в текстах СМИ была использована идея, используемая для реконструкции социальных представлений в психологии, а именно установление ассоциативных связей между ключевым словом и облаком ассоциаций. Инструменты компьютерной лингвистики позволяют в коллекциях текстов идентифицировать ассоциативность в форме коллокаций для ключевого слова. Анализ коллокаций в медиатекстах аналогичен классическому ассоциативному эксперименту, а коллокаты воплощают реакции (реализацию

анкеровки – в контексте медийного СП). Существительные в окружении позволяют вскрыть тематическую анкеровку и объектификацию феномена, а прилагательные и глаголы – эмоциональную. Таким образом, данная схема количественного анализа при реконструкции социального представления позволяет выявлять нейминг, эмоциональную и тематическую привязку, в то время как анализ других форм конструирования (метафорическая привязка, привязка через базовые антиномии), на наш взгляд, требует обращения к качественному подходу и анализу дискурса.

В процессе исследования тексты статей французских изданий были загружены с помощью программы *BootCat* и лемматизированы в *TreeTagger*. Поиск коллокатов (а именно биграмм – соседней лексемы с ключевым словом) проводился сначала по лемматизированной, а затем по нелемматизированной коллекции, поскольку это позволяет найти частные случаи, которые могли быть нивелированы в процессе лемматизации ввиду омонимии и зависимости значения от контекста. Для поиска коллокаций использовалось программное обеспечение *AntConc*, которое позволяет увидеть частотность словоформы и выстроить тексты в виде конкорданса.

В качестве статистических метрик текста использовался коэффициент *PMI* (*Pointwise mutual information*), обозначающий статистически обусловленную вероятность нахождения коллокатов в тексте: чем выше значение, тем выше вероятность встретить эти коллокаты в одном тексте (значимые по частотности значения – более 3) (Захаров, Хохлова, 2014; Митрофанова, Гаврилик, 2022).

Описание результатов

Поскольку в рамках исследования апробировался алгоритм построения медийных СП на основе ассоциативных связей через коллокации, было принято решение на данном этапе не выделять ядро и периферию медийного СП. В то же время коэффициент *PMI* позволил формировать рейтинг коллокатов (к ключевому слову), на основании которого в дальнейшем могут быть описаны ядра и периферии ассоциативного поля медийного СП.

В ходе анализа коллокатов для *coronavirus* (коронавирус) были получены следующие результаты (см. табл. 1).

Таблица 1

Ассоциативное поле медийного социального представления «коронавирус» (на основе коллокаций; *PMI*)

Механизм привязки	Наиболее частотные коллокаты
Тематическая анкеровка (объектные связи; существительные)	désinfox (дезинформация) (5.78-LM); ravage (разрушение; ущерб) (5.30-LM); proie (жертва) (4.52-LF); trouble-fête (проказник) (5.23-LP); ténèbre (тьма) (4.35- LF); recrudescence (эскалация; обострение) (4.20-LP); mutation (мутация) (4.11-LM); vison (норка) (3.97-LM); cygne (лебедь) (3.91-LM); résurgence (возрождение; восстание) (3.75-LF); chauve-souris (летучая мышь) (3.74-LM); autopsie (аутопсия) (3.67-LF); funérarium (похоронное бюро) (3.55-LF); berceau (колыбель) (3.54-LP); sang-froid (хладнокровие) (3.18-LF)
Эмоциональная анкеровка (характеристики; прилагательные, причастия, наречия)	saisonnier (сезонный) (6.39-LM); canin (собачий) (5.52-LM); breveté (запатентованный) (4.78-LM); adapté (адаптированный) (4.39-LF); conspirationniste (заговорщический) (4.19-LP); infecté (инфицированный) (4.15-LM); mortel (смертный) (3.96-LM); cardinal (кардинальный) (3.75-LP); invisible (невидимый) (3.65-LP); circulant (циркулирующий) (3.62-LF); dévastateur (разрушительный) (3.59-LP); brutal (брутальный) (3.59-LP); fictif (фиктивный) (3.46-LM); curatif (целебный) (3.37-LM); divin (божественный) (3.18-LF)
Эмоциональная анкеровка (действия; глаголы)	succomber (поддаваться; умирать) (5.59-LP); tuer (убивать) (5.43-LP); réenclencher (перезагрузить) (4.65-LP); violenter (свирепствовать) (4.41-LF); suspecter (подозревать) (4.39-LF); ordonner (приказывать) (4.34-LF); désactiver (деактивировать) (4.23-LM); baptiser (давать имя) (4.13-LF); seller (оседлать) (4.10-LP); vaincre (побеждать) (4.02-LP); sévir (свирепствовать) (3.74-LF); déferler (омывать; набегать) (3.35-LM); chambouler (перевернуть) (3.02-LF)
LF– Le Figaro; LM – Le Monde; LP – Le Parisien	

В таблице представлены наиболее частотные ассоциации к лексеме «коронавирус» для каждого массмедиа, что позволяет сравнить логику конструирования медийного социального представления «коронавирус» в разных французских СМИ.

Тематическая анкеровка медийного СП «коронавирус» опирается на описание специфики угроз (désinfox (5.78-LM); ravage (5.30-LM); proie (4.52-LF)); ténèbre (4.35- LF); crudescence (4.20-LP)), причин возникновения вируса (mutation (4.11-LM); vison (3.97-LM); cygne (3.91-LM)) и последствий его присутствия (funérarium (3.55-LF)), а также призывов к стойкости в период эпидемии (sang-froid (3.18-LF)). Таким образом, тематическая

привязка медийного СП «коронавирус» вполне логично встраивается в рациональные описания биологических угроз и рисков.

Le Figaro 28/10/2020: Ce proche d'Emmanuel Macron a appelé les Français, mais aussi les forces politiques et les médias, à «faire preuve d'un minimum de calme et de sang-froid dans une situation difficile, mais dans laquelle le pays ne va pas disparaître («Этот близкий друг Эммануэля Макрона призвал французов, а также политические силы и СМИ «проявить минимум спокойствия и хладнокровия в сложной ситуации, в которой страна не собирается исчезать»).

Эмоциональная анкеровка при помощи прилагательных поддерживает логику темпоральности/временности новой биологической угрозы (saisonnier (6.39-LM); circulant (3.62-LF)), причинности (canin (5.52-LM); conspirationniste (4.19-LP)), особой смертельной опасности вируса (infecté (4.15-LM); mortel (3.96-LM); invisible (3.65-LP); dévastateur (3.59-LP); brutal (3.59-LP)), а также строит логическую связку с вакциной от коронавируса (breveté (4.78-LM); adapté (4.39-LF); curatif (3.37-LM)).

Эмоциональная анкеровка с опорой на глаголы воссоздает медийное СП «коронавирус» через характеристики смертельного противостояния, где есть угроза (tuer (5.43-LP); violenter (4.41-LF); sévir (3.74-LF); déferler (3.35-LM); chambouler (3.02-LF)) и реакция на угрозу (succomber (5.59-LP); vaincre (4.02-LP)), включая попытки контроля за угрозой (réenclencher (4.65-LP); suspecter (4.39-LF); ordonner (4.34-LF); désactiver (4.23-LM); baptiser (4.13-LF); seller (4.10-LP)).

Le Parisien 21/07/2020: Un peu plus tôt, Olivier Véran avait annoncé à l'Assemblée vouloir «Réenclencher la distribution des masques gratuits à l'intention du public précaire» («Чуть ранее Оливье Веран объявил Ассамблее, что хочет "возобновить (перезапустить) раздачу бесплатных масок для малоимущих слоев населения"»).

Таким образом, конструирование медийного СП «коронавирус» отражает рациональную логику биологической угрозы посредством характеристики качества угрозы (смерть популяции людей), указания на источники заражения (животные) и на сопротивление угрозе через контроль – управленческим действием и психологическим сопротивлением. В то же время разные французские СМИ воссоздавали на своих страницах это общее и относительно согласованное описание медийного СП с различными акцентами. Так, одни СМИ акцентировали внимание на опас-

ности, другие – на причинах угроз, третьи – на сопротивлении, что позволяет создать целостную картину с использованием общего медиадискурса, но оставляет открытыми вопросы о медиавоздействии на социальные представления аудитории СМИ.

Для конструирования ассоциаций *COVID-19* характерны следующие коллокаты (см. табл. 2).

Таблица 2

Ассоциативное поле медийного социального представления *COVID-19* (на основе коллокаций; *PMI*)

Механизм привязки	Наиболее частотные коллокаты
Тематическая анкеровка (объектные связи; существительные)	mirage (мираж) (5.20-LM); catalyseur (катализатор) (4.34-LM); rescapé (узник, спасенный) (4.14-LP); superhéros (супергерой) (3.95-LM); admission (прием, поступление, принятие) (3.92-LF); suspicion (подозрение) (3.90-LF); bourreau (мучитель, палач) (3.65-LP); martyre (мученик) (3.65-LP); imbroglio (путаница, безобразие) (3.63-LM); résurgence (возрождение, всплеск) (3.45-LF); renifleur (анализатор, ищейка) (3.45-LF); lutte (борьба) (3.43-LM); ravage (ущерб, разрушение) (3.36-LM); irruption (вторжение) (3.19-LM)
Эмоциональная анкеровка (характеристики; прилагательные, причастия, наречия)	méconnu (незнакомый) (5.18-LF); indirectement (косвенно) (5.10-LF); évocateur (запоминающийся, выразительный) (4.45-LF); fauché (разоренный, нищий) (4.38-LP); systématisé (систематизированный) (4.04-LF); éreinté (вымотанный) (4.00-LM); causant (вызывающий) (3.77-LF); impacté (затронутый) (3.71-LM); défectueux (дефективный) (3.55-LP); phénoménal (феноменальный) (3.55-LP); raisonnable (разумный, обоснованный) (3.52-LF); souffrant (страдающий) (3.52-LF); affaibli (ослабевший) (3.25-LF)
Эмоциональная анкеровка (действия; глаголы)	abdiquer (отрекаться, отказываться) (4.60-LF); resurgir (возобновиться, возродиться, вспыхнуть вновь) (4.28-LF); enflammer (зажечь, воспламеняться) (4.15-LF); percuter (врезаться, столкнуться) (4.10-LM); neutraliser (нейтрализовать) (4.08-LF); assombrir (темнеть, потемнеть) (4.00-LM); bouleverser (изменить, перевернуть) (3.81-LP); chier (испражняться) (3.73-LF); succomber (поддаваться, умирать) (3.67-LF); rebattre (перетасовать, смешать) (3.67-LF); rebaptiser (переименовать) (3.67-LF); capituler (капитулировать) (3.62-LF); décroître (снижаться) (3.61-LM); cohabiter (совместно проживать) (3.60-LF); décéder (скончаться) (3.56-LF); décimer (уничтожать, истреблять) (3.50-LF); flamber (разгораться, вспыхивать) (3.47-LF); juguler (остановить, обуздать) (3.44-LM); sévir (бушевать, свирепствовать) (3.25-LP); culminer (достичь пика) (3.25-LP)
LF– Le Figaro; LM – Le Monde; LP – Le Parisien	

Тематическая анкеровка медийного СП *COVID-19* теряет признаки рациональности, данное медийное СП и тематически, и интенционально наполняется лексикой хаоса, ужаса, паники и отчаяния. Тематически медийное СП *COVID-19* отражает логику тяжелых испытаний (catalyseur (4.34-LM); rescapé (4.14-LP); suspicion (3.90-LF); bourreau (3.65-LP); martyre (3.65-LP); imbroglio (3.63-LM); lutte (3.43-LM); ravage (3.36-LM); irruption (3.19-LM)) и надежду на сопротивление испытаниям или их принятие (mirage (5.20-LM); superhéros (3.95-LM); admission (3.92-LF); résurgence (3.45-LF); renifleur (3.45-LF)).

Le Figaro 29/09/2021: L'exécutif veut se donner de la marge face à une éventuelle résurgence de l'épidémie de Covid pendant la présidentielle, en prolongeant la possibilité de recourir au passe sanitaire contesté jusqu'au 31 juillet 2022, selon un projet de loi examiné mercredi en Conseil des ministres («Согласно законопроекту, рассмотренному в среду Советом министров, исполнительная власть хочет дать себе некоторую свободу действий перед лицом возможного возобновления (возрождения) эпидемии *Covid* во время президентских выборов, продлив возможность использования оспариваемого медицинского пропуска до 31 июля 2022 года»).

Эмоциональная анкеровка при помощи прилагательных продолжает логику отчаяния (méconnu (5.18-LF); fauché (4.38-LP); éreinté (4.00-LM); défectueux (3.55-LP); souffrant (3.52-LF); affaibli (3.25-LF)). Эмоциональная анкеровка с опорой на глаголы конструирует дискурс отчаянного сопротивления на грани поражения (abdiquer (4.60-LF); resurgir (4.28-LF); enflammer (4.15-LF); percuter (4.10-LM); neutraliser (4.08-LF); assombrir (4.00-LM); bouleverser (3.81-LP); chier (3.73-LF); succomber (3.67-LF); rebattre (3.67-LF); и т. д. – практически все частотные глаголы).

Le Figaro 25/01/2022: Covid-19 : A-t-on vraiment abdiqué nos libertés? («*Covid-19*: Действительно ли мы отреклись от своей свободы?»).

Таким образом, обращение в текстах к медийному социальному представлению *COVID-19* сопряжено с созданием образа иррациональных отчаянных испытаний на грани поражения и гибели, а медийные СП *COVID-19* и «коронавирус» разведены на основе логики рациональности: коронавирус предстает как более рационально осмысляемый феномен, а *COVID-19* – как иррациональный и эмоционально заряженный.

Коллокаты, конструирующие ассоциативное поле «пандемия» отражены в следующей таблице (см. табл. 3).

Таблица 3

Ассоциативное поле медийного социального представления «пандемия» (на основе коллокаций; *PMI*)

Механизм привязки	Наиболее частотные коллокаты
Тематическая анкеровка (объектные связи; существительные)	irruption (вторжение) (5.02-LP); contrecoup (последствия) (4.65-LF); éclatement (распад, разрыв) (4.61-LF); stigmate (клеймо, стигма) (4.54-LF); avènement (появление, пришествие, наступление) (4.44-LF); rage (бешенство) (4.43-LP); reflux (отлив, отток) (4.17-LF); complaisance (самодовольство, попустительство) (4.11-LF); persistance (настойчивость, упорство) (4.08-LF); résurgence (возрождение, всплеск) (4.07-LF); dédommagement (компенсация, возмещение ущерба) (4.03-LF); aggravation (ухудшение) (4.02-LF), marasme (маразм) (3.85-LF); retombée (последствие, результат) (3.79-LF)
Эмоциональная анкеровка (характеристики; прилагательные, причастия, наречия)	enrichi (обогащенный) (5.41-LP); amplifié (усиленный) (5.16-LM); étranglé (задушенный) (5.03-LF); écrasé (раздавленный) (4.60-LP); boosté (улучшивший, подстегнувший) (4.59-LF); horrible (ужасный) (4.46-LM); bouleversé (потрясенный, расстроенный) (4.24-LF); conjugué (объединенный) (4.18-LF); grippal (гриппоподобный) (4.17-LF); exacerbé (ухудшенный) (4.13-LF); fragilisé (ослабленный) (4.10-LF); existentiel (экзистенциальный) (4.06-LF); durement (сильно, жестоко) (4.03-LF), provoqué (вызванный) (4.01-LF); creusé (прорытый) (3.99-LM); sévèrement (жестоко) (3.95-LP)
Эмоциональная анкеровка (действия; глаголы)	reléguer (отодвигать, оттеснять) (5.02-LM); saper (подорвать, разрушить, ослабить) (4.85-LF); modéliser (моделировать, имитировать) (4.65-LM); refluer (течь назад) (4.63-LM); enflammer (вспыхивать, воспламеняться) (4.50-LF); dériver (происходить из) (4.40-LF); malmener (издеваться) (4.26-LF); endiguer (сдерживать) (4.14-LP); juguler (остановить, сдержать) (4.04-LP); lutter (бороться) (3.99-LP); causer (вызывать) (3.98-LM); vaincre (побеждать) (3.96-LP); faiblir (ослабевать) (3.94-LP); épargner (экономить) (3.80-LP)
LF– Le Figaro; LM – Le Monde; LP – Le Parisien	

Тематическая анкеровка медийного СП «пандемия» выстраивается в логике описания объективности (irruption (5.02-LP); contrecoup (4.65-LF); éclatement (4.61-LF); stigmate (4.54-LF); avènement (4.44-LF); reflux (4.17-LF); résurgence (4.07-LF); dédommagement (4.03-LF); aggravation (4.02-LF), retombée (3.79-LF)) и различного рода характеристик сложившейся ситуации, наиболее вероятно

описывающих управление обществом (rage (4.43-LP); complaisance (4.11-LF); persistance (4.08-LF); marasme (3.85-LF)).

Le Figaro 15/09/2021: La dernière vague de contaminations au coronavirus aux États-Unis, dominée par le variant Delta, pourrait bientôt atteindre son pic, mais des experts mettent en garde contre toute complaisance et s'attendent à ce que le virus fasse désormais partie de la vie quotidienne pour des années encore («Последняя волна коронавирусных инфекций в Соединенных Штатах, где доминирует вариант Дельта, может вскоре достичь своего пика, но эксперты предостерегают от попустительства и ожидают, что вирус станет частью повседневной жизни еще на долгие годы»).

Эмоциональная анкеровка при помощи прилагательных реконструирует контекст объективности, «психологичность» и эмотивность проявляется в некоторых характеристиках (étranglé (5.03-LF); horrible (4.46-LM); bouleversé (4.24-LF); sévèrement (3.95-LP)), однако чаще прилагательные описывают признаки, укладывающиеся в логику рациональности (enrichi (5.41-LP); amplifié (5.16-LM); écrasé (4.60-LP); boosté (4.59-LF); conjugué (4.18-LF); grippal (4.17-LF); exacerbé (4.13-LF); fragilisé (4.10-LF); existentiel (4.06-LF); durement (4.03-LF), provoqué (4.01-LF); creusé (3.99-LM)).

Эмоциональная анкеровка с опорой на глаголы раскрывает ситуацию, в которой описывается борьба как амбивалентное действие (и победы, и поражения), что также «работает» на реконструкцию «объективности» (reléguer (5.02-LM); saper (4.85-LF); modéliser (4.65-LM); refluer (4.63-LM); и др.).

Le Monde 25/09/2020: La pandémie a en effet porté un coup à un mouvement en plein essor, en empêchant les jeunes grévistes de défiler toutes les semaines et en reléguant le climat au second plan («Пандемия фактически нанесла удар по быстро развивающемуся движению, не позволив молодым забастовщикам маршировать каждую неделю и отодвинув климат на второй план»).

Следовательно, во французском медиадискурсе координаты понимания новой пандемии, представленные в связке медийных СП «коронавирус», *COVID-19* и «пандемия» задают оси «рациональное» и «иррациональное». В этих координатах пандемия представляется как нечто объективное, что случается в общественной жизни, коронавирус – как объективное испытание, угроза, требующая от общества ответа на психологическом и эмоциональном уровне, а также на уровне рационального управления,

COVID-19 – как иррациональный ужас, сопротивление которому практически невозможно и сопряжено с ослаблением и смертью.

Если учесть, что из изучаемых медийных СП только «пандемия» могла быть представлена в прежнем медийном дискурсе (проблемы пандемий обсуждались в СМИ и ранее), следует подытожить, что новая «ковидная» составляющая привнесла в данное семантическое поле «иррациональное» измерение.

Обсуждение результатов и дискуссия

Пандемия коронавируса изменила жизнь французов и лексику французского языка. В современных научных проектах это отражено в изучении изменений французского лексикона по мере распространения коронавирусной инфекции (Ветчинова, 2022), уточнении медицинской терминологической системы (обсуждение понятия «*Covid*-терминологическое поле») (Овчинникова, 2020), определении семантико-прагматических характеристик ковидной лексики французского языка с претензией на будущие сравнительные исследования на материале европейских языков (Бородулина, Макеева, Копельник, 2021).

Данное исследование направлено не столько на анализ языка пандемии коронавируса, сколько на изучение дискурса медиакоммуникаций французских СМИ, создающих вербальные «миры пандемии», демонстрирующих французскому обществу, как говорить и писать о новой пандемии коронавируса.

Теоретическая канва представленного исследования, а именно теория социальных представлений С. Московиси, в отношении реконструкции медийных социальных представлений на материале медиадискурса современной пандемии коронавируса, оказалась актуальной для других языков и стран (Cohen, Bessin, Gaymard, 2022; Chen, Zhang, Liao, Luo et al., 2022; Phillips, Cassidy, 2023).

Разные алгоритмы идентификации медийных социальных представлений, несогласованность в том, как выделять из медиадискурса социальные представления, породили множество версий медийных СП о коронавирусе. Так, медийные СП о *COVID -19* в США, Китае и Великобритании (на материале трех медиа), построенные на основе формулирования ключевых тем, проявили темы СП, связанные с угрозой, расизмом и дискриминацией азиатов (Ittefaq, Abwao, Baines, Belmas et al., 2022). В данном исследо-

вании «угроза» также была идентифицирована как характеристика медийного СП *COVID-19*, однако тема расизма во французских медиа не проявилась.

На материале медиадискурса Великобритании и Китая медийное СП *COVID-19* было описано посредством четырех дискурсов: война, другие болезни; общая чрезвычайная ситуация; неизвестность (Phillips, Cassidy, 2023). Медиадискурс французских СМИ собственно о *COVID-19* включал проблематику чрезвычайной ситуации и неизвестности, незначительно используя «военную» риторику и практически не обращаясь к анкеровке посредством других заболеваний. Кроме того, на материале СМИ Китая и США были выявлены существенные различия между представлением пандемия в контексте проблем своей страны и медиадискурсом пандемии других стран (Liu, Yu, 2023). Мы также констатировали, что в СМИ при конструировании дискурса пандемии проявляется специфика: при сходстве основных позиций три изучаемых массмедиа по-разному расставляют акценты, утверждая «авторское» прочтение «мира пандемии».

Особенностью данного исследования является фокус на «семантическом треугольнике» дискурса пандемии, образованном тремя медийными СП: «коронавирус», *COVID-19* и «пандемия». Анализ использования разных означающих (учет выбора разных понятий), показывает, как изменяется дискурс при вариативности нейминга (при смене означающего). От описаний объективных угроз «пандемии» журналисты переключаются на обсуждение объективных и субъективных трудностей при встрече с «коронавирусом», заканчивая паникой и констатацией смертельной угрозы при размышлениях о *COVID-19*.

Заключение и выводы

В последние годы в исследовательском поле повышается интерес к медийным социальным представлениям во многом благодаря использованию теории социальных представлений С. Московиси, согласно которой социальное мышление общества строится на продукции массмедиа. Множество способов и алгоритмов, на основе которых в научных программах воспроизводятся медийные социальные представления, обусловлено начальным этапом изучения СП в СМИ: действия исследователей в настоящее время по-прежнему не являются согласованными. В данном исследова-

нии предложен алгоритм конструирования медийных СП с опорой на логику построения социальных представлений психологами – на основе идентификации ассоциативных полей в форме коллокаций к ключевым словам. В современных электронных текстах массмедиа это действие становится доступным (даже на значительных массивах текстов) благодаря методам компьютерной лингвистики (идентификация коллокатов).

В данном исследовании на материале французских СМИ были реконструированы медийные социальные представления «коронавирус», *COVID-19* и «пандемия», что позволило охарактеризовать специфику конструирования «миров пандемии» во франкоязычном медиадискурсе.

Наиболее «объективную» картину угроз предлагает медийное СП «пандемия». Опасность, амбивалентность, психологичность и борьба характерны для медийного СП «коронавирус». Отчаяние, паника и борьба на грани поражения связаны с медийным СП *COVID-19*. Поскольку медийные социальные представления о пандемии оформились ранее, в доковидное время на основе других пандемий, обновление медийных «миров пандемии» в эпоху современной пандемии коронавируса, согласно исследованию, происходило с опорой на иррациональность в понимании новой угрозы.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась, семантически близкие означающие («коронавирус», *COVID-19* и «пандемия») при описании пандемии коронавируса (означаемого) создавали разные медийные социальные представления, позволяя через лингвистические и психологические ресурсы нейминга (ассоциативных полей медийных социальных представлений) создавать разные «миры пандемии».

В заключение необходимо отметить, что исследование медийных СП – одно из важнейших и продуктивных направлений современной коммуникативистики, раскрывающее влияние массмедиа на образ мысли общества, а – с учетом использования разных языков медиадискурса – и предлагающее новые возможности кросс-культурных массмедийных исследований.

Примечания

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00015.

Библиография

Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В., Мельникова Д. В., Лаврешкин Н. В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 8—25.

Бовина И. Б., Сачкова М. Е., Дворянчиков Н. В., Новикова И. А., Березина Е. Б., Новиков А. Л. Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 2. С. 85—102.

Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н., Копельник В. И. Метафора вируса в маркетинговой коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 11. С. 3491–3495.

Ветчинова М. Н. Обогащение лексики французского языка в период пандемии COVID-19 // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 1. С. 3–18.

Головашина О. Назад к представлениям: в поисках оснований для коллективной памяти // Russian sociological review. 2022. Т. 21. № 3. С. 59–83.

Донцов А. И., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В. Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. № 18 (2). С. 422–444.

Дробышева Т. В., Ларионов И. В. Представления о мегаполисе и социально-психологическая пресыщенность молодежи условиями проживания в городе // Modern Psychology Scientific Bulletin. 2021. № 2 (9). С. 133–141.

Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) // Психологические исследования. 2015. № 8(39). С. 1.

Захаров В. П., Хохлова М. В. Выделение терминологических словосочетаний из специальных текстов на основе различных мер ассоциации // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 10. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 182–200.

Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. *А. Ю. Антоновского.* М.: Праксис, 2005.

Митрофанова О. А., Гаврилик Д. А. Эксперименты по автоматическому выделению ключевых выражений в стилистически разнородных корпусах русскоязычных текстов // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 22–40.

Молине П., Бовина И. Б. Введение: эвристический потенциал теории социальных представлений // Вестн. РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 291–298.

Овчинникова Г. В. Семантические сдвиги в Covid-терминологическом поле французской медицинской терминосистемы // Верхневолжск. филол. вестн. 2020. № 3 (22). С. 119–123.

Радина Н. К. Реконструкция медийных социальных представлений с использованием показателей статистики текста (на материале медиадискурса о пандемии) // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 1. С. 76–91. DOI: 10.17759/sps.2024150105

Chen A., Zhang J., Liao W., Luo C., Shen C., Feng B. (2022) Multiplicity and dynamics of social representations of the COVID-19 pandemic on Chinese social media from 2019 to 2020. *Information Processing and Management* 59 (4): 102–990.

Cohen G., Bessin M., Gaymard S. (2022) Social representations, media, and iconography: A semiodiscursive analysis of Facebook posts related to the COVID-19 pandemic. *European Journal of Communication* 37 (6): 629–645.

Höijer B. (2011) Social Representations Theory: A New Theory for Media Research. *Nordicom Review* 32 (2): 3–16.

Jovchelovitch S. (2012) Narrative, memory and social representations: a conversation between history and social psychology. *Integrative psychological and behavioral science* 46 (4): 440–456.

Liu S., Yu H. (2023) What is newsworthy about Covid-19? A corpus linguistic analysis of news values in reports by China Daily and The New York Times. *Humanities and social sciences communications* 10: 739.

Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J. L. (2017) Methods for studying the structure of social representations: A critical review and agenda for future research. *Journal for the Theory of Social Behaviour* 47 (3): 306–331.

Mocelin G., Brigido P., Camargo V. (2015) Social Representations of the Environment in Press Media. *Paidéia*. 25(61): 261–269.

Moscovici S. (2000) *Social Representations. Explorations in Social Psychology.* Cambridge, UK: Polity Press.

Ittefaq M., Abwao M., Baines A., Belmas G., Kamboh Sh. A., Figueroa E. J. (2022) A pandemic of hate: Social representations of COVID-19 in the media. *Analyses of Social Issues and Public Policy* 22 (1): 225–252.

Phillips P., Cassidy T. (2023) Social Representations and Symbolic Coping: A Cross-Cultural Discourse Analysis of the COVID-19 Pandemic in Newspapers, *Health Communication*.

References

Borodulina N. Yu., Makeeva M. N., Kopel'nik V. I. (2021) Metafora virusa v marketingovoj kommunikacii [Virus Metaphor in Marketing Communication]. *Philology. Theory & Practice* 14 (11): 3491–3495. (In Russian)

Bovina I. B., Dvoryanchikov N. V., Mel'nikova D. V., Lavreshkin N. V. (2022) K voprosu ob issledovanii sotsial'nykh predstavleniy: vzglyad so storony. [Studying Social Representations: An Outsider's Perspective] *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* 13 (3): 8—25. (In Russian)

Bovina I. B., Sachkova M. E., Dvoryanchikov N. V., Novikova I. A., Berezina E. B., Novikov A. L. (2023) Kak COVID-19 ponimaetsya v srede studencheskoy molodezhi: poiskovoe issledovanie [COVID-19 Seen by Students: An Exploratory Study]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* 14 (2): 85—102. (In Russian)

Chen A., Zhang J., Liao W., Luo C., Shen C., Feng B. (2022) Multiplicity and Dynamics of Social Representations of the COVID-19 Pandemic on

Chinese Social Media from 2019 to 2020. *Information Processing and Management* 59 (4): 102990.

Cohen G., Bessin M., Gaymard S. (2022) Social Representations, Media, and Iconography: A Semiodiscursive Analysis of Facebook Posts Related to the COVID-19 Pandemic. *European Journal of Communication* 37 (6): 629–645.

Dontsov A. I., Zotova O. Yu., Tarasova L. V. (2021) Sotsial'nye predstavleniya o koronaviruse v nachale pandemii v Rossii [Social Representations of the Coronavirus at the Beginning of the Pandemic in Russia]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* 18 (2): 422–444. (In Russian)

Drobysheva T. V., Larionov I. V. (2021) Predstavleniya o megapolise i sotsial''no-psikhologicheskaya presyshchennost'' molodezhi usloviyami prozhivaniya v gorode [Representations of Megacity and Social-Psychological Satiety of Young City Dwellers with Living Conditions in the City]. *Modern Psychology Scientific Bulletin* 2 (9): 133–141. (In Russian)

Emel'yanova T. P., Drobysheva T. V. (2015) Konstruirovanie sotsial'nykh problem v SMI i v predstavleniyakh grazhdan (na primere bednosti) [Construction of Social Problems in Mass Media and Citizens' Representations (With Special Reference to Poverty)]. *Psikhologicheskie issledovaniya* 8(39): 1. Available at: https://psystudy.ru/index.php/num/article/download/568/302/308 (accessed: 29.04.2024) (In Russian)

Golovashina O. (2022) Nazad k predstavleniyam: v poiskakh osnovaniy dlya kollektivnoy pamyati [Back to Representations: In Search of Grounds for Collective Memory]. *Russian sociological review* 21 (3): 59–83. (In Russian)

Höijer B. (2011) Social Representations Theory: A New Theory for Media Research. *Nordicom Review* 32 (2): 3–16.

Ittefaq M., Abwao M., Baines A., Belmas G., Kamboh Sh.A., Figueroa E. J. (2022) A Pandemic of Hate: Social Representations of COVID-19 in the Media. *Analyses of Social Issues and Public Policy* 22 (1): 225–252.

Jovchelovitch S. (2012) Narrative, Memory, and Social Representations: A Conversation Between History and Social Psychology. *Integrative psychological and behavioral science* 46 (4): 440–456.

Liu S., Yu H. (2023) What Is Newsworthy About COVID-19? A Corpus Linguistic Analysis of News Values in Reports by *China Daily* and *The New York Times*. *Humanities and social sciences communications* 10: 739.

Lo Monaco G., Piermatt o A., Rateau P., Tavani J. L. (2017) Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research. *Journal for the Theory of Social Behaviour* 47 (3): 306–331.

Luhman N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Transl. from German by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Praksis Publ. (In Russian)

Mitrofanova O. A., Gavrilik D. A. (2022) Eksperimenty po avtomaticheskomu vydeleniyu klyuchevykh vyrazheniy v stilisticheski raznorodnykh korpusakh russkoyazychnykh tekstov [Experiments on Automatic Keyphrase Extraction in Stylistically Heterogeneous Corpus of Russian Texts]. *Terra Linguistica* 13 (4): 22–40. (In Russian)

Mocelin G., Brigido P., Camargo V. (2015) Social Representations of the Environment in Press Media. *Paidéia*. 25 (61): 261–269.

Moliner P., Bovina I. B. (2021) Vvedenie: evristicheskiy potentsial teorii sotsial'nykh predstavleniy [Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* 18 (2): 291–298. (In Russian)

Moscovici S. (2000) *Social Representations. Explorations in Social Psychology*. Cambridge, UK: Polity Press.

Ovchinnikova G. V. (2020) Semanticheskie sdvigi v Covid-terminologicheskom pole frantsuzskoy meditsinskoy terminosistemy [Semantic Shifts in the COVID Terminological Field of the French Medical Terminological System]. *Verkhnevolzhsk. filol. vestn*. 3 (22): 119–123. (In Russian)

Phillips P., Cassidy T. (2023) Social Representations and Symbolic Coping: A Cross-Cultural Discourse Analysis of the COVID-19 Pandemic in Newspapers. *Health Communication*.

Radina N.K. (2024) Rekonstruktsiya mediinykh sotsial'nykh predstavlenii s ispol'zovaniem pokazatelei statistiki teksta (na materiale mediadiskursa o pandemii) [Reconstruction of Media Social Representations Using Indicators of Text Statistics (Based on Media Discourse on the Pandemic)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 15 (1): 76—91. DOI: https://doi.org/10.17759/sps.2024150105 (In Russian).

Vetchinova M. N. (2022) Obogashchenie leksiki frantsuzskogo yazyka v period pandemii COVID-19 [Vocabulary Enrichment in French During the COVID-19 Pandemic]. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics* 8 (1): 3–18. (In Russian)

Zakharov V.P., Khokhlova M.V. (2014) Vydelenie terminologicheskikh slovosochetaniy iz spetsial'nykh tekstov na osnove razlichnykh mer assotsiatsii [Extraction of Terminological Phrases from Specialized Texts Based on Various Measures of Association]. *Structural and applied linguistics*. Issue 10. Saint-Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ. Pp. 182–200. (In Russian)

Поступила в редакцию
15.02.2024

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Алексеев Константин Александрович, доцент кафедры истории журналистики, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: k.alekseev@spbu.ru, ORCID 0000-0001-8895-5992

ИЗДАНИЕ ВЦСПС «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПРОЕКТ ГЛАВНОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ И СПОРТУ В СССР

В статье рассматривается история возникновения, трансформации и прекращения работы профсоюзной газеты «Физическая культура» (1927–1933), которая представляла позицию ВЦСПС по всем вопросам внедрения физкультуры и спорта в культуру и быт населения СССР. Газета не только отражала процессы развития физкультурно-спортивного движения в стране, но и претендовала на руководство этими процессами в качестве центрального всесоюзного физкультурного органа. История «Физической культуры» практически неизвестна исследователям спорта и спортивной журналистики, поэтому новизна и значение работы заключаются, с одной стороны, во введении в научный оборот новых данных, с другой – в изучении типологического и проблемно-тематического развития изданий по физкультуре и спорту на рубеже 1920–1930-х гг., когда система физкультурно-спортивной журналистики активно реформировалась в соответствии с задачами социалистической перестройки народного хозяйства. Исследование построено на сравнительном анализе публикаций физкультурно-спортивной прессы и документов из фондов Государственного архива РФ.

***Ключевые слова**: физкультура, спорт, спортивная периодика, центральные газеты, профсоюзы.*

Как цитировать: *Алексеев К. А.* Издание ВЦСПС «Физическая культура» как альтернативный проект главной центральной газеты по физкультуре и спорту в СССР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2024. № 2. С. 68–97. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.6894

Konstantin A. Alekseev, Associate Professor at the Chair of the History of Journalism, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: k.alekseev@spbu.ru, ORCID 0000-0001-8895-5992

THE PUBLICATION OF THE ALL-RUSSIAN CENTRAL COUNCIL OF TRADE UNIONS FIZICHESKAYA KUL'TURA AS AN ALTERNATIVE PROJECT OF THE MAIN CENTRAL PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS NEWSPAPER IN THE USSR

The article examines the history of the emergence, transformation and cessation of the trade union newspaper Fizicheskaya Kul'tura (1927–1933). While representing the position of the All-Russian Central Council of Trade Unions on all issues of the introduction of physical education and sports into the culture and life of the population of the USSR, this newspaper not only reflected the processes of development of physical education and sports movement in the country, but also claimed to lead these processes as the central all-Union sports newspaper. The history of Fizicheskaya Kul'tura is practically unknown to researchers of sports and sports journalism of the USSR. The novelty and significance of this work lie both in the introduction of new data into scientific circulation and the deepening of general ideas about the typological and problem-thematic development of publications on physical education and sports at the border 1920-1930s. In the chosen period, the system of physical education and sports journalism was actively restructured to comply with the state and political tasks set by the party for the socialist reorganization of the national economy. The study is based on a comparative analysis of data obtained from publications in the physical culture and sports press and documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation.

***Key words**: physical education, sports, sports periodicals, central newspapers, trade unions.*

To cite this article: Alekseev K. A. (2024) Izdanie VTsSPS "Fizicheskaya Kul'tura" kak al'ternativnyy proekt glavnoy tsentral'noy gazety po fizkul'ture i sportu v SSSR [The Publication of the All-Russian Central Council of Trade Unions Fizicheskaya Kul'tura as an Alternative Project of the Main Central Physical Education and Sports Newspaper in the USSR)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 68–97. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.6894

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.6894

Введение

История профсоюзной газеты «Физическая культура» (1927–1933) не известна не только широкой аудитории, но и специалистам на общем фоне слабой исследованности истории отечественной спортивной журналистики периода 1920–1930-х гг. О существовании газеты, тем более о ее роли в становлении советского физкультурно-спортивного движения, не говорится даже в наиболее полных и глубоких работах отечественных исследователей. О ней не упоминают ни авторитетные историки спорта (Суник, 2005; Хорошева, 2014; 2018), ни исследователи специализированной спортивной периодики (Асаулов, 1989; Орлов, 1974; Семибратский, 1975), ни авторы, рассматривавшие освещение темы спорта общественно-политическими изданиями СССР (Долгополова-Самоукова, 1984; Туленков, 2005). Единственной, кто обращался к газете «Физическая культура», была Сьюзен Грант – историк советского спорта из Великобритании, которая изучала вопрос конкуренции профсоюзов и комсомола в процессе формирования идеологии советского спорта в конце 1920-х гг. (Grant, 2009).

Вместе с тем на протяжении нескольких лет (с 1927 г., когда перестала выходить первая версия газеты «Красный спорт» – официального издания Высшего совета физической культуры, и до появления ее второй версии в 1933 г., уже как органа Всесоюзного совета физической культуры) именно «Физическая культура», вначале в виде двухполосной вкладки к газете «Труд», являлась единственной центральной физкультурно-спортивной газетой СССР. Представляя позицию Бюро физкультуры ЦК ВЦСПС по всем организационным и идеологическим вопросам, она не только отражала процессы развития физкультуры и спорта в стране, но и претендовала на руководство этими процессами. Важно отметить, что во второй половине 1920-х гг. именно профсоюзам принадлежала ведущая роль в организации физкультурных кружков по производственному принципу, в вовлечении в физкультуру широких масс пролетариата, в строительстве физкультурно-спортивных сооружений и финансировании всей физкультурной работы. В дальнейшем, в процессе реорганизации физкультурного движения на рубеже 1920–1930-х гг. и в результате смены руководства самого ВЦСПС, значение профсоюзов было существенно снижено,

однако и в этих условиях был возможен вариант развития событий, при котором создание «Красного спорта» (с 1946 г. – «Советский спорт») могло вовсе не состояться и «Физическая культура» осталась бы главной физкультурно-спортивной газетой в СССР.

Главная цель данной работы – не только воссоздать историю появления и типологического изменения газеты «Физическая культура» за весь период ее существования, но и определить степень ее участия в руководстве физкультурным движением на этапе его трансформации в конце 1920 – начале 1930-х гг. Минимальная изученность темы предопределила выбор методологических подходов. Основным методом является сравнительный анализ данных, полученных из первоисточников – выпусков самой «Физической культуры» за 1927–1933 гг. (при их изучении применялся сплошной просмотр) и публикаций других физкультурно-спортивных изданий, которые в рассматриваемый период так же, как и «Физическая культура», претендовали на всесоюзное значение в освещении темы физкультуры и спорта, были сопоставимы с газетой по степени распространения, активно полемизировали с ней, вступали в соцсоревнование или взаимодействовали иным образом («Физкультура и спорт», «Красный спорт», «Спартак», «Комсомольская правда»). Другими источниками явились архивные документы фондов Высшего и Всесоюзного советов физической культуры (Ф. Р7576) и Центрального бюро физической культуры ЦК ВЦСПС (Ф. Р7710), хранящиеся в Государственном архиве РФ. Оперативно-рабочая документация структур, ответственных за развитие физкультурного движения (протоколы заседаний, рабочие материалы и решения их секретариатов, президиумов, пленумов, отдельных секций и комиссий), часто содержит разрозненные, но крайне полезные для сравнительного анализа сведения по истории профильной печати.

В свою очередь, сочетание проблемно-хронологического и историко-типологического методов помогло не только описать судьбу отдельно взятого издания, но и определить его значение в общей системе физкультурно-спортивной печати, выявить влияние идеологических, политических и социально-экономических факторов, характерных для развития спорта и спортивной журналистики изучаемого периода.

Соответственно, значимость и новизна исследования не ограничиваются введением в научный оборот сведений о конкретном издании, до сих пор обойденном вниманием исследователей. Оно позволяет лучше понять специфику формирования типологического и проблемно-тематического облика изданий по физкультуре и спорту в довоенный период, дополняет необходимыми сведениями общую картину развития системы физкультурно-спортивной печати на рубеже 1920–1930-х гг., которая активно модифицировалась в соответствии с задачами преобразования страны, создания массового движения физкультурников, активно вовлеченных в процессы социалистического строительства. В этот сложный период складывались ключевые принципы, формы и методы работы спортивной журналистики, которые затем будут применяться на протяжении десятилетий и определят ее роль в развитии системы советского спорта в целом.

Обстоятельства возникновения физкультурного приложения к газете «Труд»

К числу основных факторов, которые привели к появлению в 1927 г. физкультурной вкладки на страницах главной газеты ВЦСПС «Труд», а затем предопределили ее трансформацию в полноценную центральную физкультурную газету, следует отнести общее состояние специализированной физкультурно-спортивной периодики в конце 1920-х гг., ведущую роль профсоюзов в руководстве физкультурным движением и стартовавшую в 1929 г. перестройку движения, со всеми сопутствовавшими ей спорами о содержании, целях и организационных формах советской физкультуры.

Прежде всего надо отметить, что центральная физкультурно-спортивная периодика в 1927 г. находилась в состоянии глубокого кризиса, отставая от темпов развития физкультурного движения и не соответствуя задачам, которые ставило руководство страны. В 1926 г. из-за убыточности было ликвидировано издательство ВСФК «Физкультиздат», а выпуск официальных изданий Высшего совета физической культуры был передан в сторонние издательские структуры. При этом не только тираж научно-практического журнала ВСФК «Известия физической культуры», предназначенного для руководителей и организато-

ров движения, не поднимался выше 10 тыс. экз., но и тираж популярной газеты «Красный спорт», призванной объединять широкие массы физкультурников, не превышал 15 тыс. экз. Сами представители ВСФК писали, что «ничтожные, по сравнению с размахом нашего физкультурного движения, тиражи газеты и журнала» свидетельствовали о слабом охвате пролетариата физкультурой и спортом[1].

Несоответствие низких тиражей физкультурно-спортивных изданий заявленному курсу на массовость объявлялось одной из главных причин создания «Физической культуры» в ноябре 1927 г.: «Сейчас физкультурным движением охвачен 1 миллион членов союзов. Но профсоюзы добиваются и добьются в ближайшие годы значительного расширения кадра физкультурников. В связи с этим необходимо всю работу, все планы строить таким образом, чтобы они были рассчитаны на вовлечение сотен тысяч новых физкультурников <...> Удовлетворяет ли этим требованиям наша физкультурная периодическая печать? Достаточно будет сказать, что вся физкультурная печать имеет тираж не многим выше 40 тысяч. Это на миллионную армию физкультурников! Далее, если мы посмотрим, на кого рассчитаны эти журналы, какие задачи они себе ставят, то мы убедимся, что они заботятся в значительной степени о технике физкультуры и меньше всего думают о вовлечении широчайших масс рабочих <...> И наша вкладка, выходящая в ежедневной газете, должна и обязана пропагандировать прежде всего массовые виды спорта. На помощь приходит и наш тираж, который выше почти в два раза по сравнению со всей физкультурной периодикой»[2].

Таким образом, сразу была озвучена и вторая причина появления «Физической культуры» – узкоспециальная, или, говоря языком того времени, «чисто-спортивная», направленность профильных изданий, которые, по мнению профсоюзной газеты, больше ориентировались на улучшение спортивной техники и результатов «кружковцев», тех, кто регулярно занимался в физкультурных кружках, чем на увеличение массовости, на охват все более и более значительного числа рабочих. Это сразу стало причиной конфликта с газетой «Красный спорт», которую в первом же номере вкладки обвинили в проведении курса на поддержку «рекордсменов». Этому курсу противопоставлялась линия ленинградского журнала «Спартак», направленная на поддержку новичков и увеличение

массовости. «Это наша пролетарская, профсоюзная линия, и за нее мы будем ратовать и бороться»[3], – заявляла редакция «Физической культуры».

Надо отметить, что ответственный редактор «Красного спорта» М. В. Шимкевич первоначально приветствовал создание «Физической культуры»: «Нельзя не радоваться появлению каждого нового физкультурного печатного органа, а этот листок тем более интересен, что он появляется в центре, при профсоюзном органе и сразу же тиражом около 80 тыс. экземпляров»[4]. При этом опытнейший спортивный журналист предостерегал «собрата по печати» от поверхностных выводов, упрощающих трактовок и острых полемических выпадов. В ответ Шимкевич получил от фельетониста «Физической культуры» Е. Степного целый набор едких личных оскорблений: «хиромант от спорта», «опытная гадалка», «родственничек» и т. д.[5] Этот «скверный фельетон-анекдот» М. В. Шимкевич определил как «яркий пример, как не надо работать в физкультурной печати», заметив попутно, что «даже в буржуазной прессе выработались какие-то этические принципы, сдерживающие таких журналистов, которые прибегают к личным выпадам»[6]. Трудно предположить, во что бы могла вылиться эта полемика, однако в декабре 1927 г. «Красный спорт» был закрыт по воле руководства ВСФК, а «Физическая культура» и в дальнейшем продолжала непримиримо отстаивать ортодоксальные взгляды, которые соответствовали курсу ВЦСПС на расширение массовости физической культуры.

ВЦСПС играл ведущую роль в советском физкультурном движении начиная с 1924 г., когда организационной основой движения был выбран подход к созданию кружков физкультуры по производственному принципу, т. е. при клубах культуры определенного профсоюза. В качестве руководящего центра Бюро физкультуры ЦК ВЦСПС закрепилось после того, как в 1926 г. на посту председателя ВСФК Н. А. Семашко, наркома здравоохранения, сменил член президиума ВЦСПС, председатель МОСПС В. М. Михайлов. Нельзя сказать, что после этого советы физической культуры на всех уровнях были отстранены от управления, но они вынуждены были разделить полномочия и инициативу в принятии решений с местными профсоюзными комитетами. Напряженные отношения временами превращались в открытые конфликты – например, на Украине, где местный ВУСФК всту-

пил в настоящую борьбу с профбюро физкультуры: «Пользуясь тем, что декрет ВУЦИК о физической культуре предоставил СФК на Украине значительно более широкие права, чем по всему Союзу, аппарат советов, вопреки постановлениям всесоюзных профсоюзных съездов и директивам партии, проводил совершенно недопустимую политику. Он позволял себе требовать роспуска профсоюзных бюро физкультуры, он пытался заключать с профсоюзными организациями кабальные сделки, а когда встречал отпор, то не останавливался перед срывом общественных работ»[7].

ВЦСПС последовательно отвергал идею расширения прав ВСФК (который в 1920-е гг. оставался скорее межведомственной согласительной структурой при ВЦИК) до надведомственного органа с реальными полномочиями: «ВСФК должен быть высшим планирующим органом, в руках которого должны быть сосредоточены лишь программная методическая работа и наблюдение за издательской деятельностью. Вся оперативная работа, составление календарей, подбор инструкторского состава, строительство стадионов, учет, а также вопросы связи с зарубежными спортсменами – все должно быть отдано в ведение профсоюзов»[8].

Столь же решительное противодействие встречали попытки комсомольских организаций внедрять нововведения, например добровольные общества физкультуры, единый билет физкультурника или обязательные нормативы для физкультурников. Во всех этих инициативах комсомола профсоюзные лидеры видели, с одной стороны, угрозу массовости и добровольности физкультурного движения, с другой – стремление перехватить руководство им. Борьбе с этой угрозой были посвящены десятки публикаций «Физической культуры» на протяжении 1927–1929 гг. Один из активных деятелей профсоюзной физкультуры, постоянный корреспондент газеты в Ленинграде В. Короновский писал: «Физкультура настолько тесно переплелась со всеми формами массовой работы профсоюзов, что мы не можем согласиться ни на какое экспериментирование, угрожающее важнейшему участку культурно-просветительской работы. В дело строительства физкультурных баз вложены крупные средства профорганизаций <...> Наивно предполагать, что профсоюзы согласятся отдать эти базы и средства»[9].

Не случайно в процитированной корреспонденции был затронут и вопрос финансирования, ведь именно профсоюзы располагали реальными ресурсами и значительными материальными средствами: финансами, помещениями, транспортом, инвентарем и т. д. В середине 1920-х гг. центральные и местные комитеты профсоюзов были не просто главными, а практически единственными строителями физкультурно-спортивных сооружений в СССР: спортплощадок, водных станций, лыжных баз и т. д. «Кроме профсоюзов никто ничего и не строит»[10], – с полным убеждением писала «Физическая культура».

Освещение Спартакиады 1928 г. и споры о «рекордсменстве»

«Физическая культура» выросла из одноименного отдела газеты «Труд», располагавшегося на последней полосе. В ноябре 1927 г. по решению президиума ВЦСПС в газете – при сохранении тематического отдела – был создан еще и «специальный листок по физкультуре»[11], который стал выходить еженедельно, во вторничном выпуске «Труда», располагался, как правило, на 3-й и 4-й полосе и поначалу даже не имел собственной нумерации выпусков. Она была введена только с января 1928 г., а с февраля на номера с физкультурной вкладкой была установлена отдельная подписка – 20 коп. в месяц. Обычная структура вкладки: на первой странице размещаются руководящие, методические, полемические материалы, фельетоны или небольшие беллетристические произведения; на второй – хроника физкультурной жизни, отчеты с соревнований в Москве и Ленинграде, корреспонденции из других мест, новости зарубежного спорта, а также – с № 15 1928 г. – отдел «Шахматы и шашки» под редакцией С. Левмана.

Возглавлял выпуск «Физической культуры» как официального органа ВЦСПС Я. К. Яглом – член президиума ВЦСПС и ответственный редактор газеты «Труд». Постоянными авторами являлись сотрудники редакции, представители Бюро физкультуры ВЦСПС или ВСФК: Л. Аркадский, Д. Ещин, А. Иттин, Ф. Сенюшкин, П. Скалкин, Е. Степной, А. Шимонаев и др. Были корреспонденты и в других городах СССР: например, из Ленинграда корреспондировали известные авторы Г. Забелин и В. Короновский. Из числа знаменитых спортсменов в «Физической культуре»

регулярно печатался П. А. Ипполитов – многократный чемпион и рекордсмен страны и мира по конькобежному спорту, один из первых заслуженных мастеров спорта в СССР. Позднее, с 1930 г., здесь начал публиковаться Ю. И. Ваньят – один из крупнейших представителей советской спортивной журналистики за всю ее историю. Постоянным автором «Физической культуры» с 1928 по 1931 г. был И. Л. Солоневич, активно участвовавший тогда в профсоюзных и динамовских организациях тяжелой атлетики, самообороны без оружия, борьбы и туризма.

В августе 1928 г. редакция газеты «Труд» в полной мере использовала ажиотаж вокруг проведения в Москве I Мировой Спартакиады, выпустив, помимо еженедельной вкладки, 11 специальных ежедневных выпусков «Физической культуры». Они имели отдельную стоимость (5 коп.) и представляли собой, по сути, полноценное газетное издание объемом в 4 полосы уменьшенного формата и тиражом в 10 тыс. экз. «Физическая культура» подробнейшим образом, буквально по часам, освещала все события Спартакиады, публикуя оперативную хронику, авторские репортажи, отчеты и обзоры соревнований. Однако на фоне регулярных сообщений о появлении новых чемпионов или установлении очередных рекордов подчеркивался главный посыл издания: Спартакиада – не спортивное зрелище, а смотр физкультурных сил трудящихся СССР.

Еще во время Спартакиады сначала на страницах основного издания «Труд», а потом и в специальном выпуске «Физической культуры» было напечатано постановление ВЦСПС о физкультуре, в котором заявлялось: «Основной недостаток физкультработы в настоящее время – чрезмерное увлечение различными соревнованиями и состязаниями. Массовые виды физкультуры развиты недостаточно; физкультура до сих пор мало связана с трудом и бытом отдельных групп рабочих и служащих <...> среди молодежи наблюдается некоторый отрыв от общественной и профсоюзной жизни <...> Президиум ВЦСПС поручил культотделу стремиться к большему вовлечению в физкультуру основных масс рабочих и работниц, большему развитию простейших массовых видов физкультуры, усилению классовой общевоспитательной и политико-просветительной работы среди физкультурников. Узкоспециальные и профессионально-спортивные уклоны в союзной физкультуре должны быть изжиты»[12].

Алармистские настроения газеты по поводу чрезмерного уклона в соревновательную деятельность усилились после публикации статистических сведений о социальном составе участников Спартакиады. Из 4 040 участников, представлявших СССР, 1 563 человека (38,7%) оказались служащими, 963 (23,7%) – рабочими, 660 (16,4%) – учащимися, 445 (11%) – представителями свободных профессий, кустарями, 355 человек (8,8%) представляли РККА и Красный флот, еще 15 (0,4%) были из крестьян. Это положение дел «Физическая культура» охарактеризовала как «неблагополучное», а успехи в «орабочивании» спорта назвала «мизерными»: «Первая советская спартакиада оказалась рабочей лишь только на одну пятую часть. Это слишком мало»[13].

Получилось так, что Спартакиада не только стала самым значительным и масштабным событием в истории советского довоенного спорта, но и вызвала вал публикаций в профильной печати и центральных всесоюзных газетах с резкой критикой культивирования рекордного спорта в СССР. Как случалось в 1920-е гг. не раз, проблема «рекордсменства» дала толчок обсуждению вопросов организационного оформления физкультурно-спортивного движения, его идейного наполнения и методов руководства. Чтобы защититься от критики со стороны комсомола и других конкурирующих организаций, профсоюзам необходимо было возглавить это обсуждение и направить его в нужное русло. «Физическая культура» начала еще активнее проводить в жизнь лозунги «От рекордных результатов – к рекордной массовости» и «На дорогу широкой массовости». В дальнейшем газета развернула настоящие дискуссии на темы «Какие нам нужны чемпионы?», «Нужны ли нам профессионалы?», «Может ли рабочий быть рекордсменом?» и т. д. По последнему вопросу, например, в рубрике «Наша трибуна» в течение месяца высказывались рабочие-физкультурники, инструкторы и организаторы физкультуры, студенты институтов физкультуры, от лица рекордсменов выступил П. Ипполитов, пока, наконец, редакция не объявила вердикт: физкультурники-рабочие могут бить мировые рекорды, дело не в специальной подготовке и целенаправленных тренировках, которые требуют времени и режима, а исключительно в правильной организации производства и быта, в общественной активности и политической сознательности[14].

Опыт экстренных выпусков в период проведения Спартакиады был использован для переформатирования газеты: в начале 1929 г. из вкладки она превратилась во вполне самостоятельное приложение к газете «Труд» – «иллюстрированный еженедельник» на 4 полосах с отдельной подпиской 1 руб. 80 коп. в год и отдельным тиражом в 60 тыс. экз. Еще более важным шагом стало активное привлечение к работе внештатных активистов – физкоров. Редакция в порядке обязательной тогда самокритики заявляла: «Физкультурная печать должна быть продуктом деятельности масс, должна строиться при их прямом и непосредственном участии. Таково бесспорное положение и совсем не такова действительность. Наша "Физическая культура" до сих пор не стала массовым органом. Это газета для рабочих, а не газета рабочих. Ее автор – в большинстве случаев спец от физкультуры, постоянный редакционный работник. На такой базе массового физкультурного органа не создать»[15].

Редакция объявила курс на создание кадров рабочих корреспондентов, обратилась ко всем профсоюзным физкультурным организациям и к отдельным физкультурникам с предложением активно и регулярно писать в газету, ввела постоянные рубрики «Наши корреспонденты сообщают» и «Физкор пишет». Важно отметить, что в конце 1920-х гг. функционал внештатных авторов в советской физкультурно-спортивной печати изменился по сравнению с серединой десятилетия: на первый план в их деятельности выдвигалась реализация не информационно-творческой, а организационной и контрольной функций. «Физическая культура» инструктировала своих помощников-активистов: «Нам не нужна сухая информация. Никому не интересно знать, сколько в данном кружке членов, какие достижения имеются у определенной команды, что предполагает делать тот или иной клуб летом. У физкора другая, более важная задача – бороться с недостатками в работе <...> Рабкор (физкор) должен быть в первую очередь не корреспондентом, а общественником. Так пиши же в "Физическую культуру"! Разоблачай! Борись!»[16].

Участие «Физической культуры» в перестройке физкультурного движения

Гальванизируемая активность масс как организаторов и общественных контролеров физкультурной работы была признаком времени, приметой решительного перелома в организации советской физкультуры. Страна готовилась к выполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, что требовало вовлечения в социалистическое строительство всех общественных сил, в том числе и физкультурных организаций. В сентябре 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О физкультурном движении», в котором его состояние признавалось неудовлетворительным из-за аполитичности, обособленности от решения конкретных задач построения социализма, вызванных ведомственным разнобоем: «Считая состояние физкультурной работы неудовлетворительным (слабый охват широких масс рабочего класса, рекордсменский уклон, ведомственный разнобой, параллелизм и пр.), ЦК ВКП(б) признает необходимым устранить разнобой в физкультурной работе, внести в нее больше организованности и плановости, максимально расширить общий масштаб физкультурной работы, обеспечив вовлечение в физкультурное движение рабочих масс и усилив физкультурную работу в деревне»[17].

С одной стороны, в постановлении признавалось нецелесообразным создание добровольных обществ физкультуры, независимых от профсоюзов, предлагалось усилить общества физкультуры под контролем профсоюзных органов. С другой стороны, декларировалось, что исправление недостатков невозможно без установления централизованного руководства, было объявлено о создании Всесоюзного совета физической культуры с функциями государственного руководящего органа: «Всесоюзный СФК должен быть центральным органом руководства и контроля над всей работой в области физической культуры как по линии государственных, так и по линии физкультурных общественных организаций»[18].

В апреле 1930 г. постановлением ЦИК СССР «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры» решение ЦК ВКП(б) было воплощено в жизнь. Всесоюзный совет, заменивший прежний Высший совет, должен был обеспечить быстрый рост числа трудящихся, охваченных физкультурой, и их активное участие в решающем этапе социалистического переустройства народного

хозяйства. Во главе ВСФК был поставлен Н. К. Антипов – видный партийный деятель, председатель комиссии Совконтроля и один из ближайших сподвижников Сталина. Исследователь истории советского спорта А. В. Хорошева раскрывает суть реформы следующим образом: «В конце 1920-х гг. страна вступает в период реконструкции, она должна совершить “большой скачок”, а для этого нужна мобилизация сил, которая невозможна без слаженных действий, поэтому происходит усиление централизации управления во всех областях, в т. ч. и в сфере физкультуры и спорта <...> Был сделан окончательный выбор в пользу именно бюрократической формы управления данной сферой, а ВСФК превратился из координирующего в контролирующий орган <...> То есть отныне профсоюзы лишь исполняли предписания ВСФК» (2018: 854).

Под руководством нового ВСФК, получившего от правительства необходимый объем полномочий и солидную финансовую базу, началось активное реформирование, фактически настоящая перестройка всей физкультурно-спортивной отрасли, направленная на устранение недостатков, указанных в партийном постановлении, и приведение ее в соответствие с актуальными задачами социалистического строительства. Основное направление перестройки заключалось в соединении физкультурной и массово-политической работы, что подразумевало выполнение и перевыполнение планов, ударничество на производстве, участие в социалистическом соревновании, постоянное расширение числа новых членов из числа рабочих и крестьян, включение в общественно-политические кампании и т. д.

С 1930 г. стержнем перестройки стала массовая работа по сдаче норм комплекса ГТО и вовлечение в нее широкой общественности. Инициатором введения единого комплекса физкультурных нормативов, свидетельствовавших о готовности граждан СССР к труду и обороне, была газета «Комсомольская правда», которая 24 мая 1930 г. опубликовала несколько материалов под общим заголовком «Крепкие мышцы, зоркий глаз нужны каждому трудящемуся!». Развертывание массовой сдачи норм и комплекса мероприятий для подготовки к ней в качестве основного содержания перестройки значительно усилило позиции ВЛКСМ как организующей и направляющей силы советской физкультуры.

В то время как влияние ВСФК и ВЛКСМ в управлении физкультурным движением только усиливалось, профсоюзная физкультура

переживала непростые времена в связи со структурными изменениями в руководстве ВЦСПС. Еще в 1929 г. прежние лидеры профсоюзов во главе с М. П. Томским были отстранены в связи с обвинениями в оппортунизме и «правом уклоне». Новый председатель ВЦСПС не был избран, вместо него профсоюзы возглавил коллективный орган – секретариат, в котором ключевую роль играл сталинский назначенец Н. М. Шверник, призванный обеспечить поддержку профсоюзами промышленного строительства, сохранив при этом видимость традиционной профсоюзной демократии, добровольности и самодеятельности масс. Из числа членов президиума ЦК ВЦСПС и кандидатов в него были удалены сторонники Томского – в том числе прежний председатель ВСФК В. М. Михайлов и ответственный редактор газет «Труд» и «Физическая культура» Я. К. Яглом. Был значительно обновлен состав Бюро физкультуры при ЦК ВЦСПС, которому ставилось в вину ослабление контроля за физкультурным движением. На I пленуме ВСФК в апреле 1930 г. Н. К. Антипов именно на профсоюзные структуры возложил ответственность за чрезмерное распространение рекордсменского уклона в физкультурных кружках[19].

В целом суть реконструкции отвечала традиционному направлению в деятельности профсоюзов, нацеленному на увеличение массовости и вовлечение физкультурников в общественно-политическую работу. Естественно, профсоюзные организации оказались активно включенными в этот процесс, но уже в качестве одного из участников, а не главной направляющей силы, как это было до 1929 г., уступив ведущую роль ВСФК и отчасти ВЛКСМ. Эти обстоятельства напрямую отразились на судьбе газеты «Физическая культура» в начале 1930-х гг.

В мае 1929 г. вместо Я. К. Яглома ответственным редактором «Физической культуры» стал Н. Н. Евреинов, заведующий культотделом ВЦСПС, взявший курс на привлечение физкоров (о чем речь уже шла выше), увеличение организационной активности редакции (учреждение призов в эстафетном беге, зимнем кроссе со стрельбой и т. д.) и проведение кампании по расширению аудитории. В передовой статье газеты заявлялось: «Наша газета должна стать тем массовым органом, с помощью которого каждый трудящийся будет приобщаться к физкультуре советской страны, с помощью которого будет овладевать ее основными

идеями <...> Нужно добиться хотя бы такого положения, чтобы на каждые пять физкультурников приходился один номер нашей газеты. Правильное решение этой задачи в значительной мере обеспечит решение и всех остальных задач политического, общественного и физического воспитания масс»[20].

Учитывая неоднократные заявления редакции о том, что «Физическая культура» является «единственной физкультурной газетой в СССР»[21], «единственным всесоюзным органом по физкультуре»[22], расширение тиража газеты воспринималось как необходимое условие и средство ее участия в перестроечном движении. И при Н. Н. Евреинове, и при сменивших его на посту редактора в 1930 г. Д. Б. Богданове и А. К. Аболине газета позиционировала себя как руководителя этого движения, который должен обеспечить «боевые» и «ударные» темпы перестройки, претендовала на максимальный охват физкультурных масс: «Приближение физкультуры к производству, вовлечение массы в занятия физкультурой, военизация всего физкультурного движения, широкая политизация всей физкультурной работы настоятельно требуют приближения руководящих организаций к низам, к коллективам <...> Печать должна стать проводником всех начинаний перестройки физкультурного движения на основах решений ЦК партии, правительства и ВЦСПС»[23].

В соответствии с решениями I Всесоюзной конференции профсоюзов по физкультуре (ноябрь 1930 г.) ставилась задача повысить тираж газеты до 100 и даже до 200 тыс. экз., объявлялись месячники и двухнедельники распространения газеты, обязательные цифры подписки устанавливались для местных профсоюзных организаций буквально по разверстке, служа важным показателем массовой работы, который нужно выполнить: «Перестройка физкультурной работы возможна только при широком поднятии интереса масс физкультурников к газете “Физическая культура” – органу бюро физкультуры ВЦСПС. Издательство поставило своей задачей довести тираж газеты в 1931 г. до 200 тыс. Это боевое задание выполнимо только при ближайшем участии в пропаганде газеты коллективов физкультуры <...> Ход подписки в январе показывает, что бюро физкультуры не уяснили себе значения газеты в перестройке физкультурного движения. Темпы увеличения тиража явно недостаточны. Нужно бить тревогу»[24].

Основания для тревоги, несмотря на грандиозные планы, были. В конце 1929 г. тираж «Физической культуры» достигал

60 тыс. экз., в 1930 г. упал до 35 тыс., в 1931 г. увеличился до 45 тыс., но до декларируемой отметки в 100 тыс. экз. все равно было далеко. Если при своем основании в 1927 г. «Физическая культура» как вкладка «Труда», как официальный орган ВЦСПС могла быть влиятельнее и весомее изданий слабого тогда ВСФК с их мизерными тиражами, то став, по сути, самостоятельным изданием с обособленной от центральной газеты ВЦСПС подпиской, она столкнулась с теми же, общими для специализированной периодики трудностями. И, что бы редакция «Физической культуры», «единственный всесоюзный орган», ни заявляла о своей исключительности на рубеже 1920–1930-х гг. мощную конкуренцию ей составляла уже целая линейка проектов центрального издательства «Физкультура и туризм» во главе с флагманским еженедельником «Физкультура и спорт» (официальный орган обновленного, более влиятельного ВСФК, с тиражом в 60 тыс. экз., а в 1931 – 75 тыс.), который гораздо успешнее мог претендовать на всесоюзное значение и руководящую роль.

Тем не менее «Физическая культура» пыталась адаптироваться к изменившимся условиям. В 1931 г. под руководством ответственного редактора А. К. Аболина, секретаря ВЦСПС, периодичность выхода выросла до одного раза в пять дней (следствие перехода трудящихся СССР на непрерывную рабочую неделю), а содержание трансформировалось в соответствии с нуждами перестройки (организация и освещение «штурма рабочими физкультурниками подступов к социализму»). Основное место на страницах газеты заняли агитационные статьи о физкультурниках – ударниках производства, рапорты о выполнении планов, освещение «Эстафеты труда и обороны», отчеты о проведении общественно-политических кампаний и сводки сдачи норм ГТО. «Физическая культура» все чаще стала брать на себя роль организатора и арбитра – но не спортивных мероприятий, а социалистического соревнования между физкультурными коллективами.

Сама газета также приняла участие в соцсоревновании, откликнувшись на вызов ленинградского журнала «Спартак»: «<...> по лучшему участию в борьбе за 100 проц. охват физкультурников ударничеством и соцсоревнованием на производстве <...> за поголовное участие физкульт-коллективов и кружков физкультуры во всесоюзном смотре-конкурсе и по наиболее широкому использованию “испытанного оружия пролетарской самокритики”»[25]. Участие в соцсоревновании подразумевало активное примене-

ние таких форм работы с физкультурниками-активистами, как контрольные посты физкоров на производстве, физкоровские бригады помощи, физкоровские буксиры и рейды в отстающие коллективы.

«Физическая культура» как несостоявшийся проект центральной физкультурно-спортивной газеты ВСФК

В 1932 г. газета «Физическая культура» оказалась в критическом состоянии. При официально заявленной пятидневной периодичности, она выходила в лучшем случае раз в 9–10 дней (всего за год вышло 38 номеров), при этом постоянно менялись формат и объем (либо четыре полосы уменьшенного формата, либо две – стандартного, как «Труд»). Ни о каких 100–200 тыс. тиража речи больше не шло: показатели тиража нигде не упоминались и не указывались, кроме специальных номеров, которые выходили в августе 1932 г. в Ленинграде во время Всесоюзной спартакиады профсоюзов. Тираж этих семи выпусков составлял 10 тыс. экз.

Чехарда ответственных редакторов (за год сменилось трое) не способствовала формированию четкого содержательного облика, что, впрочем, не имело уже принципиального значения. В это время, как показывают архивные документы, общее руководство «Физической культурой» исходило не только и не столько от Бюро физкультуры ВЦСПС, сколько напрямую от ВСФК. Начиная с 1931 г. президиум и секретариат ВСФК отдавали прямые поручения редакции «Физической культуры» по освещению той или иной темы, вплоть, например, до создания физкоровского поста на каком-либо предприятии[26]. Конечно, ВСФК не мог формировать и утверждать конкретные планы по выпуску материалов, как в издательстве «Физкультура и туризм», однако вполне мог ставить – и ставил – перед редакцией определенные задачи.

Двойственность положения газеты «Физическая культура» неоднократно приводила к ситуациям, когда в порядке самокритики приходилось опровергать собственные публикации, отказываться от заявлений, сделанных ранее. Реалии начала 1930-х гг. кардинальным образом расходились с теми идеями, которые газета отстаивала в 1927–1929 гг. Боровшаяся на протяжении нескольких лет с идеей комсомола о введении физкультурных

нормативов, воспринимая ее как угрозу для добровольности физкультурного движения, газета вынуждена была перестраиваться на пропаганду массового, почти обязательного комплекса ГТО. Постоянная борьба газеты с явлением «рекордсменства» («Физическая культура» неоднократно публиковала статьи с заголовками типа «Разбить корни рекордсменства», «Противоядие рекордсменству», «Выбросим их из наших рядов» и т. д.) в начале 1930-х гг. воспринималась уже как «левый загиб» и вызывала разрушительную критику со стороны других изданий, в частности того же журнала ВСФК «Физкультура и спорт»: «Основной лозунг газеты в борьбе за ликвидацию рекордсменского уклона отражает наличие безусловно вредного “левого” загиба, бьющего по перестройке, объективно усиливающего позиции классового врага и наконец объявляющего поход за изгнание всех физкультурников с лучшими достижениями в спорте из физкультурных рядов <...> Наши требования сводятся к тому, чтобы газета “Физическая культура”, немедленно признав грубые ошибки, допущенные ею, как можно быстрее встала на действительно правильный путь»[27].

Когда с критикой ошибочных «уклонов» и даже «извращений» газеты выступал сам председатель ВСФК Н. К. Антипов, «Физическая культура» вынуждена была размещать его выступления, безоговорочно признавая свою неправоту: «Вот, например, такая газета как “Физическая культура” показывает нам образцы самые возмутительные, когда классовый враг протаскивает весьма усердно свои взгляды, когда всех чемпионов и рекордсменов предлагают в один день выгнать в шею <...> Ясно, что здесь работа классово чуждых нам людей, [которые] окопавшись там, при всяком удобном случае стараются извратить нашу линию, изобразить ее в таком виде, чтобы она была посмешищем»[28].

Однако в начале 1930-х гг. у газеты появился шанс переформатироваться и начать новую жизнь – в качестве уже официального органа ВСФК. Дело в том, что руководство ВСФК было заинтересовано иметь в своем распоряжении по-настоящему массовую всесоюзную физкультурную газету: на заседаниях президиума обсуждалось, что для оперативного освещения физкультурной работы и, главное, работы по организации сдачи норм ГТО недостаточно журнала с периодичностью выхода 3 раза в месяц (как у «Физкультуры и спорта» на тот момент), нужна именно газета

(Алексеев, 2023: 109). В частности, И. А. Жолдак, секретарь Красного Спортинтерна, выступая на президиуме ВСФК в августе 1931 г., призывал: «Без крупной организующей газеты трудно, с одной стороны, накопить местный опыт, и организовать низовой актив. Трудно также установить контроль над тем, как наши организации поворачиваются <...> Перестройка на базе значка не может быть поставлена без прессы <...> Необходимо добиться хотя бы декадного выпуска всесоюзной газеты, чтобы потом перейти на ежедневную газету <...> При такой постановке дела у нас будут освещены вопросы в текущем положении, а не в стационарном»[29].

Начинать выпуск газеты с нуля было дело хлопотным, долгим и затратным: нужно было найти средства, добиться разрешения у вышестоящих директивных инстанций, сформировать редакционный аппарат. Поэтому еще на пленуме ВСФК в 1931 г. было решено именно «Физическую культуру», увеличив ее тираж, превратить в ежедневную всесоюзную физкультурную газету[30]. В дальнейшем планировалось «окончательно договориться с ВЦСПС о совместном издании большой физкультурной всесоюзной газеты»[31]. Договориться, по-видимому, не удалось, поскольку в марте 1933 г. «Физическая культура», окончательно утратившая какую-либо периодичность и выходившая примерно раз в 8–12 дней, остановилась на № 7 без предварительных объявлений и объяснения причин.

Зато в октябре 1933 г. в издательстве ОГИЗ «Физкультура и туризм» вышел в свет первый номер нового официального органа ВСФК – газеты «Красный спорт». В передовой статье заявлялось: «Газета должна <...> добиваться овладения высотами спортивной техники, которые <...> стимулировали бы дальнейшее совершенствование в области спортивных достижений и обеспечивали бы неуклонный рост новых советских рекордов»[32]. В постановлении президиума ВСФК «О перестройке физкультурного движения», напечатанном в качестве приложения к газете, констатировалось, что перестройка физкультдвижения по производственному принципу завершена, создана советская система физической культуры и для дальнейшего как количественного, так и качественного роста ВСФК считает необходимым создать централизованные самодеятельные спортивные общества (по примеру «Динамо») по линии профсоюзов, промкооперации и колхозов. Одной из глав-

ных задач таких спортивных обществ было «развитие всех видов спорта и максимальное улучшение качества спортивно-технической работы, создающее условия для еще большего роста уровня спортивно-технических достижений и скорейшего осуществления лозунга “Догнать и перегнать буржуазные рекорды в спорте”»[33].

Трудно представить себе «Физическую культуру», которая отрицала идею создания добровольных физкультурных обществ и яростно призывала «покончить с бессмысленной погоней за мировыми рекордами»[34], в роли пропагандистского рупора и организатора поворота к росту спортивного мастерства, ориентации на соответствие нормам и достижениям международного спорта высших достижений. Конечно, для этой задачи больше годился новый центральный руководящий орган, обладавший к тому же более подходящим названием, – «Красный спорт».

Интригует другое: именно в марте 1933 г. был прекращен выход не только «Физической культуры», но и ленинградской газеты «Спартак», имевшей тираж 25 тыс. экз., а также сокращен тираж журнала «Физкультура и спорт» – с 40 до 30 тыс. экз. Нужно помнить о том, что издательская промышленность СССР в начале 1930-х гг. переживала острый бумажный голод. Очевидным образом напрашивается осторожное предположение о том, что высвободившиеся таким образом бумажные ресурсы были направлены на реализацию наиболее важного для ВСФК на тот момент проекта – создание центральной газеты «Красный спорт» с ее тиражом в 50 тыс. экз. Документального подтверждения эта гипотеза не имеет, однако других запасов бумаги просто не было и не могло быть ни у ВСФК, ни у издательства «Физкультура и туризм», работавшего в рамках ОГИЗа и получавшего (часто – с опозданием!) от него бумагу по заранее утвержденным годовым планам, сформированным по запросам уже существовавших журналов.

Заключение

Зададимся вопросом, могла ли «Физическая культура» стать в какой-то момент и потом остаться главным центральным печатным органом по физкультуре с всесоюзным значением – так, чтобы ее 100-летие отмечалось в 2027 г. столь же широко, как юбилей «Советского спорта»? Во всяком случае, очевидно, что на такую роль газету нацеливали руководители профсоюзной физкультуры

и она на нее действительно претендовала в течение нескольких лет. Но также очевидно, что утвердиться в этой роли «Физическая культура» могла бы только в какой-то альтернативной истории СССР – где не было «большого скачка» и «великого перелома», чистки профсоюзного руководства и усиления ВСФК как руководящей структуры, перестройки физкультурного движения на рубеже десятилетий и резкого поворота потом к рекордному спорту в середине 1930-х.

Вся история профсоюзной газеты «Физическая культура», от ее возникновения как вкладки «Труда» и до прекращения в качестве «донора» «Красного спорта», – это не просто биография отдельно взятого издания со сложной судьбой. В метаморфозах и трансформациях, пережитых газетой, прямым образом отпечатались все события и процессы одного из сложнейших периодов в истории отечественного спорта и его профильной журналистики, когда они окончательно и прочно были поставлены на службу единственно верной, генеральной линии партии в деле социалистического строительства.

Примечания

[1] *Кальпус Б.* К массовому физкультурному журналу // Известия физической культуры. 1927. № 23–24. С. 2.

[2] Наши задачи // Физическая культура. 1927. № 1 (Труд. 1927. № 226).

[3] *М. С.* По чужим гранкам. Ленинград бьет тревогу, Москва успокаивает // Физическая культура. 1927. № 1 (Труд. 1927. № 226).

[4] *Шимкевич М.* Первая ласточка (о вкладке «Физическая культура» газеты «Труд» // Красный спорт. 1927. № 48.

[5] *Степной Е.* Хиромант от спорта или «привет» от родственничка // Физическая культура. 1927. № 3 (Труд. 1927. № 278).

[6] *Шимкевич М.* Козел в огороде // Красный спорт. 1927. № 50.

[7] Оздоровить украинские СФК // Физическая культура. 1929. № 22.

[8] Так и не договорились // Физическая культура. 1928. № 22.

[9] *Короновский В. Н.* Факты – упрямая вещь // Физическая культура. 1928. № 50.

[10] Кто отвечает за строительство // Физическая культура. 1928. № 21.

[11] О специальном листке по физкультуре при газете «Труд» // Физическая культура. 1928. № 1.

[12] Физкультуру – в массы // Физическая культура. 1928. Экстр. вып. № 8.

[13] Что говорят цифры // Физическая культура. 1928. № 35.

[14] Может ли рабочий быть рекордсменом? Мы даем утвердительный ответ // Физическая культура. 1929. № 39.

[15] Три поправки // Физическая культура. 1929. № 23.

[16] Почему ты не пишешь в «Физическую культуру»? Как стать физкором // Физическая культура. 1929. № 14.

[17] Постановление ЦК ВКП(б) от 23 сент. 1929 г. «О физкультурном движении» // Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам физкультуры и спорта. 1917–57. / сост. *И. Г. Чудинов*. М., 1959. С. 17.

[18] Там же. С. 18.

[19] Первый пленум Всесоюзного совета физической культуры. М.; Л., 1930. С. 14.

[20] В массы! // Физическая культура. 1929. № 29.

[21] Наши недостатки // Физическая культура. 1930. № 18.

[22] «Физическую культуру» – в массы! // Физическая культура. 1929. № 53.

[23] Даешь 200.000 подписчиков // Физическая культура. 1931. № 24.

[24] 20.000 подписчиков. Украина на красной доске // Физическая культура. 1931. № 5.

[25] Редакциям «Физкультура и спорт» и «Физическая культура» // Спартак. 1931. № 49–50. С. 1.

[26] ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 2. Д. 2. Л. 44.

[27] *И. Д.* Против «левых» загибов газеты «Физическая культура» // Физкультура и спорт. 1930. № 69–70.

[28] Доклад председателя ВСФК т. Антипова на пленуме МОСФК // Физическая культура. 1931. № 5.

[29] ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 71. Л. 59.

[30] ГАРФ. Ф. Р-7710. Оп. 2. Д. 2. Л. 196.

[31] ГАРФ. Ф. Р-7710. Оп. 2. Д. 4. Л. 85.

[32] На уровень новых задач // Красный спорт. 1933. № 1.

[33] Постановление президиума ВСФК при ЦИК СССР от 7 окт. 1933 г. «О перестройке физкультурного движения» // Красный спорт. 1933. Прил. к № 1.

[34] Покончить с бессмысленной погоней за мировыми рекордами // Физическая культура. 1930. № 48.

Библиография

Алексеев К. А. Возникновение и развитие государственного всесоюзного издательства «Физкультура и спорт» в 1930-е гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 2. С. 91–124.

Асаулов В. Ф. Печать как эффективное средство формирования советской системы физического воспитания народа: 1917–1925: дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1989.

Долгополова-Самоукова Е. Ф. Социально-педагогические аспекты пропаганды физической культуры и спорта в период построения социализма (на материалах газеты «Комсомольская правда»): дисс. ... канд. пед. наук. Малаховка, 1987.

Орлов С. И. Зарождение и становление советской спортивной журналистики (к вопросу о типологии изданий): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Семибратский Б. А. Спортивная пресса Украины в борьбе за выполнение партийных решений о дальнейшем развитии физической культуры и спорта (1966–1972 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1975.

Суник А. Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010.

Туленков Д. А. Лев Кассиль и советская спортивная публицистика 1920–1930-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.

Хорошева А. В. Высший совет физической культуры (1920–1936): от координации к жесткому контролю // Уроки Октября и практики советской системы (1920-1950-е годы): мат. X Междунар. науч. конф. (Москва, 5–7 декабря 2017 г.). История сталинизма. Дебаты. Президентский центр Б. Н. Ельцина. Москва, 2018. С. 848–857.

Хорошева А. В. Советская спортивная периодика (1917–1929) // История отечественных СМИ. 2014. Т. 1. № 1. С. 156–167.

Grant S. (2009) *Body Politics: The Development of Soviet Physical Culture in the 1920s and 1930s*. Dublin.

Notes

(1927) Nashi zadachi [Our Tasks]. *Fizicheskaya Kul'tura* 1. (Trud. 1927. №. 226).

(1928) Chto govoryat tsifry [What the Numbers Say]. *Fizicheskaya Kul'tura* 35.

(1928) Fizkul'turu – v massy [Physical Education to the Masses]. *Fizicheskaya Kul'tura* 8 (add. issue).

(1928) Kto otvechayet za stroitel'stvo [Who is Responsible for Construction]. *Fizicheskaya Kul'tura* 21.

(1928) O spetsial'nom listke po fizkul'ture pri gazete "Trud" [About a Special Leaflet on Physical Education for the Newspaper 'Trud']. *Fizicheskaya Kul'tura* 1.

(1928) Tak i ne dogovorilis' [We Didn't Make a Deal]. *Fizicheskaya Kul'tura* 22.

(1929) "Fizicheskuyu kul'turu" – v massy! ["Fizicheskaya Kul'tura" to the Masses!]. *Fizicheskaya Kul'tura* 53.

(1929) Mozhet li rabochiy byt' rekordsmenom? My daem utverditel'nyi otvet [Can a Worker Be a Record Holder? We Give an Affirmative Answer]. *Fizicheskaya Kul'tura* 39.

(1929) Ozdorovit' ukrainskiye SFK [Improve the Health of Ukrainian Council of Physical Recreation]. *Fizicheskaya Kul'tura* 2.

(1929) Pochemu ty ne pishesh v "Fizicheskuyu kul'turu"? Kak stat' fizkorom [Why Don't You Write for "Fizicheskaya Kul'tura"? How to Become a Sports Correspondent]. *Fizicheskaya Kul'tura* 14.

(1929) Tri popravki [Three Amendments]. *Fizicheskaya Kul'tura* 23.

(1929) V massy! [To the Masses!]. *Fizicheskaya Kul'tura* 29.

(1930) Nashi nedostatki [Our Shortcomings]. *Fizicheskaya Kul'tura* 18.

(1930) *Pervyi plenum Vsesoyuznogo soveta fizicheskoy Kul'tury* [First Plenum of the All-Union Council of Physical Culture]. Moscow; Leningrad. P. 14.

(1930) Pokonchit' s bessmyslennoy pogoney za mirovymi rekordami [To End the Mindless Pursuit of World Records]. *Fizicheskaya Kul'tura* 48.

(1931) 20.000 podpischikov. Ukraina na krasnoy doske [20.000 Subscribers. Ukraine is on a Red Board]. *Fizicheskaya Kul'tura* 5.

(1931) Daesh' 200.000 podpischikov [Bring on 200.000 Subscribers!]. *Fizicheskaya Kul'tura* 24.

(1931) Doklad predsedstelya VSFK t. Antipova na plenume MOSFK [Report of the Chairman of Supreme Council of Physical Education Antipov at the Plenum of the Moscow Regional Council of Physical Culture]. *Fizicheskaya Kul'tura* 5.

(1931) Redaktsiyam "Fizkul'tura i sport" i "Fizicheskaya kul'tura" [To Editorial Staff of "Fizkul'tura i Sport" and "Fizicheskaya Kul'tura"]. *Spartak* 49–50: 1.

(1933) Na uroven' novykh zadach [To the Level of New Challenges]. *Krasnyi Sport* 1.

(1933) O perestroike fizkul'turnogo dvizheniya. Postanovlenie Prezidiuma VSFK pri TsIK SSSR ot 7 oktyabrya 1933 g. [On the Restructuring of the Physical Culture Movement. Decree of the Presidium of the All-Union Council of Physical Culture Under the Central Executive Committee of the USSR of October 7, 1933]. *Prilozhenie k Gazete "Krasnyi Sport"* 1.

I. D. (1930) Protiv "levykh" zagibov gazety "Fizicheskaya Kul'tura" [Against the Liberal Bends of the Newspaper "Physical Culture"]. *Fizkul'tura i Sport* 69–70.

Kal'pus B. (1927) K massovomu fizkul'turnomu zhurnalu [To a Mass Physical Education Magazine]. *Izvestiya Fizicheskoy Kul'tury* 23–24: 2.

Koronovskiy V. N. (1928) Fakty – upryamaya veshch [Facts Are Stubborn Things]. *Fizicheskaya Kul'tura* 50.

M. S. (1927) Po chuzhim grankam. Leningrad byet trevogu, Moskva uspokaivayet [According to Someone Else's Proofs. Leningrad Sounds the Alarm, Moscow Calms Down]. *Fizicheskaya Kul'tura* 1. (Trud. 1927. №. 226).

Postanovlenie TsK VKP(b) ot 23 sent. 1929 g. "O fikul'turnom dvizhenii" [Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of September 23, 1929 "On the Physical Culture Movement"]. In I. G. Chudinov (ed.) *Osnovnye postanovleniya, prikazy i instruktsii po voprosam fizkul'tury i sporta* [Basic Resolutions, Orders, and Instructions on Physical Culture and Sports Issues]. *1917–57*. Moscow, 1959.

SARF [State Archive of the Russian Federation]. F. P-7576. L. 1. F. 71. Sh. 59.

SARF [State Archive of the Russian Federation]. F. P7576. L. 2. F. 2. Sh. 44.

SARF [State Archive of the Russian Federation]. F. P-7710. L. 2. F. 2. Sh. 196.

SARF [State Archive of the Russian Federation]. F. P-7710. L. 2. F. 4. Sh. 85.

Shimkevich M. (1927) Kozel v ogorode [Goat in the Kitchen Garden]. *Krasnyi Sport* 50.

Shimkevich M. (1927) Pervaya lastochka (o vkladke "Fizicheskaya kul'tura" gazety "Trud") [The First Sign (About "Fizicheskaya Kul'tura" Insert of the Newspaper "Trud")]. *Krasnyi Sport* 48.

Stepnoy Evg. (1927) Khiromant ot sporta ili “privet” ot rodstvennichka [Palmist from Sports Sphere or Greetings from a Relative]. *Fizicheskaya Kul’tura* 3 (Trud. 1927. № 278).

References

Alekseev K. A. (2023) Vozniknovenie i razvitie gosydarstvennogo vsesoyuznogo izdatel’stva “Fizkul’tura i sport” v 1930-e gg. [Origin and Development of the State All-Union Publishing House “Fizkultura i Sport” in the 1930s]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 91–124. (In Russian)

Asaulov V. F. (1989) *Pechat’ kak effektivnoye sredstvo formirovaniya sovetskoy sistemy fizicheskogo vospitaniya naroda: 1917–1925*: diss. ... kand. ist. nauk [Press as an Effective Means of Forming the Soviet System of Physical Education of the People: 1917–1925. PhD thesis]. Kiev. (In Russian)

Dolgopolova-Samoukova E. F. (1987) *Sotsial’no-pedagogicheskiye aspekty propagandy fizicheskoy kul’tury i sporta v period postroyeniya sotsializma (na materialakh gazety “Komsomol’skaya Pravda”):* diss. ... kand. ped. nauk [Social and Pedagogical Aspects of the Promotion of Physical Culture and Sports During the Period of Building Socialism (Based on Materials from the Newspaper “Komsomolskaya Pravda”). PhD Thesis]. Malakhovka. (In Russian)

Grant S. (2009) *Body Politics: The Development of Soviet Physical Culture in the 1920s and 1930s*. Dublin.

Khorosheva A. V. (2014) Sovetskaya sportivnaya periodika (1917–1929) [Soviet Sports Periodicals (1917–1929)]. *Istoriya otechestvennykh SMI* 1 (1): 156–167. (In Russian)

Khorosheva A. V. (2018) Vysshiy sovet fizicheskoy kul’tury (1920–1936): ot koordinatsii k zhestkomu kontrolyu [Supreme Council of Physical Culture (1920–1936): From Coordination to Strict Control]. *Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoy sistemy (1920–1950-e gody). Mat. X mezhdunar. nauch. konf.* [Lessons of October and Practices of the Soviet System (1920s–1950s). Materials of the 10th International Scientific Conference]. Moscow. Pp. 848–857. (In Russian)

Orlov S. I. (1974) *Zarozhdenie i stanovlenie sovetskoy sportivnoy zhurnalistiki (k voprosu o tipologii izdaniy)*: diss. ... kand. ist. nauk [The Origin and Formation of Soviet Sports Journalism: On the Issue of Typology of Publications. PhD thesis]. Moscow. (In Russian)

Semibratskiy B. A. (1975) *Sportivnaya pressa Ukrainy v bor’be za vypolnenie partiynykh resheniy o dal’neyshem razvitii fizicheskoy kul’tury i sporta (1966–1972 gg.):* diss. ... kand. ist. nauk [The Sports Press of Ukraine in the Struggle for the Implementation of Party Decisions on the Further Development of Physical Culture and Sports (1966–1972)]. Minsk. (In Russian)

Sunik A. B. (2010) *Ocherki otechestvennoy istoriografii istorii fizicheskoy kul'tury i sporta* [Essays on Russian Historiography of the History of Physical Culture and Sports]. Moscow. (In Russian)

Tulenkov D. A. (2005) *Lev Kassil' i sovetskaya sportivnaya publitsistika 1920–1930-h gg.:* diss. ... kand. filol. nauk [Lev Kassil and Soviet Sports Journalism of the 1920s–1930s. PhD thesis]. Saratov. (In Russian)

Поступила в редакцию
14.02.2024

Бакулин Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой фотожурналистики и технологий СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: obakulin@yandex.ru, ORCID 0009-0008-4058-5732

«КНИГА ЗАПИСИ СНИМКОВ (1917 – ЯНВАРЬ 1921)» ФОТОРЕПОРТЕРА Я. В. ШТЕЙНБЕРГА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ИСТОЧНИКА

В статье представлены результаты исследования архивного источника – «Книги записи снимков», которую известный отечественный фоторепортер Я. В. Штейнберг вел в 1917 – январе 1921 гг. Анализ документа позволяет выделить в качестве ключевых проблемы точности и полноты содержащихся в нем записей, их датировки, а также соотношения этих записей с данными других источников – воспоминаниями Я. В. Штейнберга, его автобиографией, фотографическими произведениями (хранящимися в архивах негативами/отпечатками и фотопубликациями в периодической печати). Указанные проблемы рассматриваются на примере содержащихся в «Книге» упоминаний о съемке важных исторических событий – «переворота в России» 1917 г. и др. В статье указывается на расхождения в датировке и описании ряда сюжетов в «Книге записи снимков» с другими источниками, очерчивается круг вопросов, ответов на которые исследуемый документ не дает.

***Ключевые слова**: Я. В. Штейнберг, «Книга записи снимков», фотография, фоторепортер, съемка, Великая российская революция, журнал «Пламя».*

Как цитировать: *Бакулин О. А.* «Книга записи снимков (1917 – январь 1921)» фоторепортера Я. В. Штейнберга: некоторые проблемы анализа источника // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2024. № 2. С. 95–112. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.95112

Oleg A. Bakulin, PhD in History, Associate Professor, Head of the Chair of Photojournalism and Media Technologies, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: obakulin@yandex.ru, ORCID 0009-0008-4058-5732

PHOTOGRAPHER YA. V. SHTEYNBERG'S "BOOK OF PHOTOGRAPHS' REGISTRATION" (1917 – JANUARY 1921): SOME PROBLEMS OF THE SOURCE ANALYSIS

This article presents the results of research of an unpublished historical source – the "Book of Photographs' Registration" (1917 – January 1921) of famous Russian and Soviet photojournalist Ya. V. Shteynberg. The "Book" contains information

about the work he had done. This study is based on an analysis of the contents of the "Book", as well as its comparative analysis with other sources devoted to Ya. V. Shteynberg activity. The analysis of the source makes it possible to identify as key problems the accuracy and completeness of the records, their dating, as well as the ratio of these records with data from other sources – the memories of Ya. V. Shteynberg, his autobiography, negatives and photographic publications. These problems are considered by the example of the records contained in the "Book" about photographing important historical subjects. The paper identifies discrepancies between the dating and description of these plots in the "Book of Recording Pictures" and other sources. It also outlines a range of questions to which the document under study does not provide answers.

***Key words**: Ya. V. Shteynberg, "Book of Photographs' Registration", photography, photojournalist, photographing, the Great Russian Revolution, the Plamia magazine.*

To cite this article: Bakulin O. A. (2024) «Kniga zapisi snimkov (1917 – yanvar' 1921)» fotoreportera Ya. V. Shteynberga: nekotorye problemy analiza istochnika [Photographer Ya. V. Shteynberg's "Book of Photographs' Registration" (1917 – January 1921): Some Problems of the Source Analysis]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 95–112. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.95112

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.95112

Введение

За годы работы в качестве фоторепортера Яков Владимирович Штейнберг (1880–1942) создал тысячи кадров «исторической и бытовой хроники»[1]. Многие снимки были сделаны в период Великой российской революции. В частности, речь идет о фотографиях событий февраля 1917 г. в Петрограде, «октябрьских разрушений» в Зимнем дворце и о других снимках, имеющих исключительную историческую ценность. Примечательно, что некоторые из них со временем стали частью визуального канона изображения революционных событий и Гражданской войны в России.

Сделанные Я. В. Штейнбергом фотографии публиковались в таких известных изданиях, как «Искры», «Нива», «Огонек», «Солнце России», «Петроградская правда», «Юный пролетарий» и др. Весьма продуктивным оказалось его сотрудничество – в качестве ведущего фоторепортера – с выходившим в первые годы советской власти журналом «Пламя»[2]. Его работы публиковались не только в периодической печати, но и рассылались в виде открытых писем, размещались в витринах Фотокинокомитета, печата-

лись отдельными изданиями. Фоторепортер сотрудничал также с государственными учреждениями, выполняя задания Петросовета, Петроградского отдела Центропечати и др.[3] О степени доверия к нему большевистского руководства может свидетельствовать тот факт, что уже в июле 1918 г. Я. В. Штейнберг в качестве фотографа выезжал с Петроградской делегацией на V съезд Советов в Москву, а в марте 1919 снимал В. И. Ленина[4].

Сказанное позволяет отнести Я. В. Штейнберга к числу ключевых фигур в истории ранней советской фотографии. Несмотря на это, его деятельность почти не привлекала внимание исследователей. В публикациях 1930–1980-х гг. о нем упоминалось наряду с другими фотографами, причем преимущественно в научно-популярных изданиях, а посвященные ему сюжеты обычно касались деталей творческой биографии фоторепортера и некоторых сделанных им снимков[5]. Специально творчеству Я. В. Штейнберга в изучаемый период посвящен лишь раздел книги историка фотографии Л. Ф. Волкова–Ланнита «История пишется объективом»[6], в которой рассматривается ряд известных работ фоторепортера в контексте исторических событий, обусловивших их появление, в особенности в контексте Великой российской революции.

В постсоветский период появилось несколько научных исследований, в которых упоминается о деятельности Я. В. Штейнберга (Кальянов, 1997; Заковырина, 2007; Андрианова, 2011; Melot-Henry, 2012; Stolarski, 2013; Рубинина, 2020; Смородина, 2000; Хедлер, 2020). Отдельно следует упомянуть публикации заведующей отделом фонда фотонегативных источников Государственного музея политической истории России (Санкт–Петербург) Д. А. Крецу, которые посвящены биографии фоторепортера. Во многом они основаны на архивных материалах, хранящихся в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), а также государственного музея политической истории России (ГМПИР СПб).

Впервые упомянутая в вышеназванных статьях «Книга записи снимков»[7] Я. В. Штейнберга прежде специально не изучалась историками (Крецу, 2014; 2015). Между тем анализ этого редкого документа позволяет дополнить представления о деятельности одного из наиболее известных отечественных фоторепортеров первой трети XX в., о ранней историии советской фотографии, а в более

широком контексте – об эпохе революционных потрясений и Гражданской войны в России. Анализ «Книги» может способствовать решению целого комплекса задач – определению авторства хранящихся в архивах и опубликованных в периодической печати фотографических изображений, места их съемки, датировки и др. В то же время изучение этого документа актуализирует ряд проблем источниковедческого характера, выявление которых мы считаем целью нашей работы. К ее задачам мы относим: описание источника, постановку вопроса о точности и полноте сделанных в «Книге» записей, специфике авторской датировки некоторых упоминаемых Я. В. Штейнбергом событий, сравнительный анализ записей и других источников, а также выявление круга вопросов, ответы на которые «Книга» не дает.

«Книга записи снимков» как часть архивной коллекции

Как следует из предисловия к архивной описи, в которой хранятся документы Я. В. Штейнберга, они были переданы в ЦГАЛИ Санкт-Петербурга в 1999 г. Н. Е. Гаврилиной – внучкой фотографа. В 2001 г. было проведено их научное описание, что позволило составить опись, включающую пятнадцать дел, которые охватывают период с 1905 по 1942 г.[8] Опись № 1 состоит из трех разделов. В первом («Документы творческой деятельности Я. В. Штейнберга») упомянуты работы, выполненные фотографом в Петрограде во время революционных событий 1917 г., на похоронах бывшего народного комиссара путей сообщения М. Т. Елизарова (в присутствии В. И. Ленина) в 1919 г. и др. Переписка фотографа – три письма личного характера – вошла во второй раздел описи («Письма Я. В. Штейнберга и письма Я. В. Штейнбергу»). В третьем разделе («Документы к биографии Я. В. Штейнберга») находятся автобиография фоторепортера[9], его личные документы (на некоторых содержатся автографы В. М. Молотова и Я. М. Свердлова), «Воспоминания об отце», написанные дочерью фотографа Ольгой Яковлевной Штейнберг (1906–1993) и др.

«Книга записи снимков» относится к первому разделу описи. Она представляет собой тетрадь в твердой обложке (рис. 1), на которой указана ее принадлежность («Фотограф Я. В. Штейнберг»), адрес фотолаборатории владельца и его контакты («Петроград, Эртелев пер[еулок] 3, Телеф[он] № 218–17»).

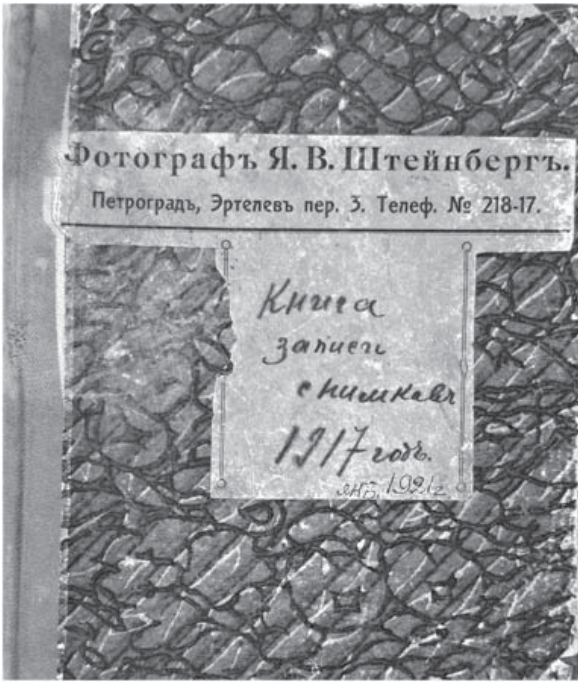

Рисунок 1. Обложка «Книги записи снимков»

В «Книге» 111 страниц рукописного текста с многочисленными исправлениями и дополнениями. Записи сделаны рукой Я. В. Штейнберга (Крецу, 2014: 132). Структурно книга поделена на годы, месяцы и дни, когда велась съемка. Обращает на себя внимание хорошая сохранность документа. Имеется лишь несколько незначительных повреждений («размытость») текста, в целом не препятствующих его анализу.

Цель создания источника,
его хронологические рамки и тематика

«Книга записи снимков» предназначалась для регистрации сведений о выполненной фоторепортером работе. Они включали в себя дату съемки, краткое упоминание о снимаемом объекте (событии или сюжете), количестве сделанных кадров, достаточно часто – данные о месте, где была выполнена работа, значительно реже – о заказчике съемки, формате использованных камер и виде

работ. Несмотря на наличие в документе многочисленных правок, временами небрежный характер записей, встречающееся в тексте упоминание о болезни дочери[10], мы полагаем, что главной функцией «Книги», которую вел Я. В. Штейнберг, официально зарегистрированный фотографом, была фиксация съемки для отчетности о проделанной работе.

Первые заметки в «Книге записи снимков» датируются 1 января 1917 г., последние – 20 января 1921 г.[11] Иными словами, хронологически источник охватывает такие переломные в истории страны события, как Февральская революция, период правления Временного правительства, Октябрьская революция в Петрограде, годы Гражданской войны, что придает этому документу особую ценность.

Как можно заключить из записей в «Книге», фотосъемка велась Я. В. Штейнбергом с разной степенью интенсивности: как в ежедневном режиме, без выходных, так и с многодневными интервалами, о причинах которых фотограф упоминает крайне редко[12]. Всего, по нашим подсчетам, Я. В. Штейнбергом была выполнена 891 съемка[13]. Наиболее насыщенными для фоторепортера оказались 1917 и 1918 гг., на которые пришлись 301 и 232 съемки соответственно[14]. В 1919 г. их было 202, в 1920 – 149, а в январе 1921 г. всего 7. Не исключено, что одной из причин снижения активности могло стать закрытие большевиками ряда изданий, с которыми сотрудничал фоторепортер.

Анализ содержания «Книги» и сопоставление сделанных в ней записей с опубликованными в рассматриваемый период работами Я. В. Штейнберга позволяют сделать вывод, что речь шла в основном о съемке для периодических изданий, в то время как посмертная фотография, изготовление фотокопий и прочее находились на периферии его профессиональной деятельности. К числу основных тематических направлений съемки можно отнести: праздничные торжества, съезды и конференции, мероприятия, посвященные скорбным событиям, практическую деятельность новой власти, военное дело, культурное строительство, повседневную жизнь Петрограда, съемку персоналий, а также другое (изготовление фотографий для удостоверений и проч.).

Большинство упоминаемых в «Книге» съемок было выполнено Я. В. Штейнбергом в Петрограде, реже – в окрестностях города. В источнике встречаются также записи о выезде фотографа в Москву (речь идет о работе во время V съезда Советов в июле 1918 г.),

на фронт в октябре и декабре 1918 г., в Новгородскую губернию в ноябре 1919 г, а также о съемке на параде и состязаниях в честь членов II конгресса III Интернационала в июле 1920 г. Данные о работе Я. В. Штейнберга за пределами Петрограда встречаются в автобиографии фоторепортера, а также подтверждаются его фотопубликациями[15].

Характер записей, их полнота и точность

О. Я. Штейнберг вспоминала о стиле работы своего отца: «Пояснительный текст, который он давал, всегда был продуман, он много работал над этим, относился к тексту с большой ответственностью»[16]. Это свидетельство подкрепляется встречающимися в «Книге» исправлениями и дополнениями[17], которые могут свидетельствовать о том, что Я. В. Штейнберг стремился к точности при описании выполненной им работы.

Оставленные в книге заметки, как правило, представляют собой короткие, лаконичные фразы, значительно реже – подробные описания[18]. Из записей не всегда можно понять, что являлось объектом съемки. В таком случае прояснить содержание снимков возможно, сопоставив эти записи с другими источниками, в частности опубликованными в периодических изданиях работами авторства Я. В. Штейнберга. Так, смысл заметки «Холодильники Центр[альной] Продов[ольственной] Управы на Черниговск[ой]», датированной 24 мая 1918 г.[19], можно понять, проанализировав содержание работ Я. В. Штейнберга, которые были напечатаны в журнале «Пламя» под названием «На холодильниках Центральной Продовольственной Управы»[20]. По сути, речь идет о фоторепортаже, развитие событий в котором формируется не столько благодаря достаточно статичному визуальному ряду, сколько с помощью подписей к публикуемым снимкам: «Прибытие маршрутного поезда из Сибири»; «Проверка выпускаемого груза»; «Разгрузка вагонов с салом»; «Отпуск мороженой птицы в районы» (вероятно, появление этой публикации в журнале, издаваемом Петроградским советом рабочих и красноармейских депутатов, было санкционировано властью, чтобы продемонстрировать населению города, какие меры предпринимаются в борьбе с голодом).

Заметки носят безоценочный, нейтральный характер. Эта особенность может объясняться как официальным характером источника (о чем было сказано выше), так и целью самих записей –

фиксацией данных о проделанной работе[21]. В «Книге» встречаются фразы, которые могут отражать оценку Я. В. Штейнбергом происходивших событий. Так, 5 марта 1917 г. датирована запись «Снимки *переворота* в России», а 23 марта – сделанная небрежным почерком карандашная заметка иного характера «Похороны жертв *революции*» (в обоих случаях выделено мной. – *О.Б.*)[22]. Но, возможно, он не делал различий между этими понятиями, как и некоторые издания того времени.

Сравнение содержания «Книги» с источниками ставит перед исследователями ряд вопросов. В частности, известно, что 13 марта 1919 г. Я. В. Штейнберг стал автором серии фотоснимков с изображением В. И. Ленина, о чем говорит соответствующая запись: «Похороны бывш[его] комиссара пут[ей] сообщения Елизарова в присутств[ии] Ленина»[23]. Сам факт такой съемки и указанная в «Книге» датировка подтверждаются другими источниками[24].

Известно также, что Я. В. Штейнберг является автором еще одного тематического снимка – «В. И. Ленин в группе делегатов I Конгресса Коминтерна в Кремле», который он сделал, находясь в Москве, «не ранее 2 марта и не позднее 6 марта 1919 г.»[25].

Однако в «Книге записи снимков» Я. В. Штейнберга в указанный период мы не находим упоминаний об этой работе. Напротив, из текста источника можно заключить, что в это время фоторепортер работал в Петрограде, о чем свидетельствуют упоминаемые им места съемок и события: «Открытие памятника франц[узскому] революционеру–коммунисту Бланки – у Балтийск[ого] вокз[ала]» (2 марта 1919); «Районная школа лепки, рисования и черчения отдела изобразит[ельных] искусств комиссариата Нар[одного] просв[ещения] – Пр[оспект] Карл[а] Маркса (Б[ольшой] Сампс[ониевский]), 6»; «Памятник А. Герцену (Открыт 23 февраля)»[26] (4 марта); «Конференция рабоч[их] бумажн[ого] произв[одства] Сев[ерного] района (Акт[овый] зал Дв[орца] Тр[уда]»[27] (5 марта); «Театр–студия «Бова Королевич» (Литейный, 51)» (7 марта)[28]. В неопубликованной автобиографии фотографа, а также его воспоминаниях о встречах с Лениным, напечатанных в журнале «Советское фото» в 1938 г., об этой съемке также ничего не сказано[29].

Отсутствие в «Книге» упоминаний о съемке столь значимой фигуры, как В. И. Ленин (при том что запись о его фотосъемке, выполненной 13 марта 1919 г., была Я. В. Штейнбергом сделана), позволяет поставить вопрос о полноте содержащихся в ней записей. Если же они полны и фоторепортером была учтена вся проде-

ланная за указанный период работа, разъяснения требует вопрос об авторстве снимка, сделанного в Москве в период со 2 по 6 марта 1919 г.

Проставленные в «Книге» даты часто совпадают с реально происходившими в конкретные дни событиями, о съемке которых упоминает фоторепортер: празднование 1 мая, годовщина Октябрьской революции и др. Тем не менее датировка всех хранящихся в архивах и опубликованных фотоснимков Я. В. Штейнберга, которые он выполнил в 1917–1921 гг., основанная лишь на заметках в «Книге записи снимков», не всегда представляется возможной.

В частности, о начавшихся в Петрограде в феврале 1917 г. беспорядках Я. В. Штейнберг впервые упоминает лишь 5 марта 1917 г. («Снимки переворота в России»), в то время как предшествующая запись датирована только 22 февраля[30]. Примечательно и внушительное количество посвященных этим событиям кадров: фотограф записал, что 5 марта им было сделано 49 снимков. Возможно, в некоторых случаях Я. В. Штейнберг мог датировать проделанную им работу постфактум, записывая одним числом съемку, выполненную за несколько дней. Датировка ряда хранящихся в коллекции Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб) фотоизображений авторства Я. В. Штейнберга также может свидетельствовать в пользу этой версии[31].

Вероятно, одной датой фоторепортер мог записывать съемку и позднее. Так, 31 октября 1918 г. датирована запись «Поездка на восточн[ый][32] фронт» (во время которой было сделано 45 снимков)[33]. При этом предшествующая запись датирована 27 октября, а последующая – уже 1 ноября 1918 г.[34]

Содержащаяся в «Книге» датировка событий также не всегда совпадает с данными из опубликованных Я. В. Штейнбергом воспоминаний, посвященных его работе в первые дни после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. Этот материал под названием «Фоторепортаж в Октябре» был напечатан в журнале «Советское фото» в 1937 г., к юбилею Октябрьской революции 1917 г., то есть спустя двадцать лет после описываемых событий.

В своих воспоминаниях фоторепортер указывает: «На следующий день после установления диктатуры пролетариата я заснял в Смольном большое собрание делегатов фабрично-заводских комитетов, принявших решение об участии рабочих в вооруженном

восстании <...> Утром 27 октября я «обработал» все окружение Смольного: проверку мандата при входе, вооруженную пулеметами охрану подъезда, «Лейтенанта Шмидта» – броневик с большой группой красногвардейцев на нем»[35]. Однако из «Книги» можно заключить, что первые после прихода большевиков к власти кадры были им сделаны лишь 28 октября 1917 г. (речь идет о посмертной фотографии)[36].

Самые ранние записи о съемке в Смольном (и первые после 28 октября) датированы только 2 ноября 1917 г.: в этот день он снимал похороны юнкеров. Тогда же Я. В. Штейнберг записал: «Снимки в Смольном, красногвардейцы и Владимирск[ое] Военное уч[или]ще – 10»[37] (рис. 2). Однако фотоснимки с изображением похорон юнкеров авторства Я. В. Штейнберга, хранящиеся в ЦГАКФФД СПб, датированы лишь 7 ноября 1917 г. или просто «ноябрем» 1917 г.[38] Съемка Владимирского училища, где накануне было подавлено сопротивление юнкеров, упомянута в тексте воспоминаний фотографа, но в этом источнике она датирована днем ранее[39].

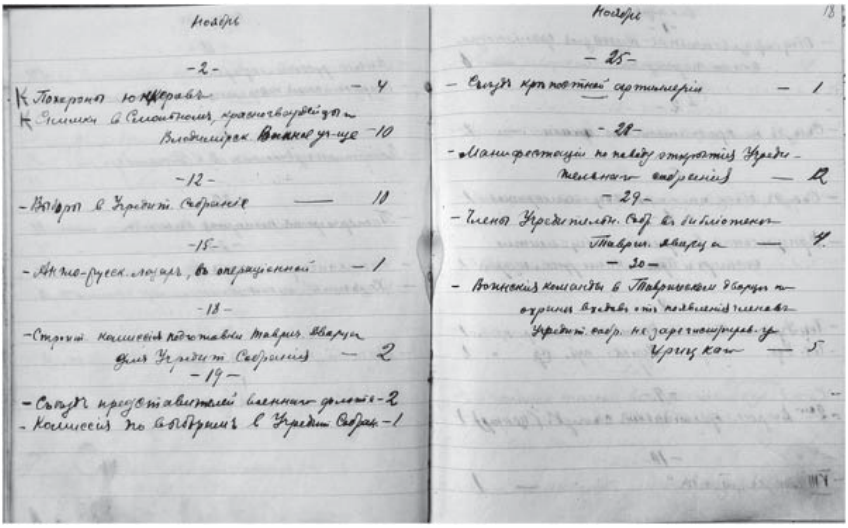

Рис. 2. Записи Я. В. Штейнберга

Кроме того, между 27 октября и 1 ноября 1917 г. Я. В. Штейнберг помещает в своих воспоминаниях сюжет о фотосъемке Зимнего дворца[40]. Хронологически к этой датировке близка серия снимков из фондов ЦГАКФФД СПб, часть из которых датирована 26–27 октября 1917 г., некоторые имеют соответствующее датировке название – «Одна из комнат Зимнего дворца на следующий день после штурма»[41]. Между тем первая запись о такой съемке («Октябрьские разрушения в Зимн[ем] Дворце») в «Книге» появилась позже – лишь 2 января 1918 г.[42] Подобные несоответствия актуализируют вопрос о том, насколько точны сделанные в «Книге записи снимков» заметки, при каких обстоятельствах (и насколько оперативно) они вносились, чем можно объяснить расхождения этих записей с датировкой ряда хранящихся в архивах негативов, когда и при каких обстоятельствах составлялись описания к хранящимся в архивах снимкам, какова история создания и подготовки к печати текста воспоминаний «Фоторепортаж в Октябре».

Заключение

Будучи редким информативным источником, «Книга записи снимков» фоторепортера Я. В. Штейнберга может стать важным звеном в изучении ранней советской фотографии. Раскрыть потенциал источника возможно, решив ключевые проблемы его интерпретации: в частности, речь идет о точности и полноте оставленных в «Книге» записей, их датировке, проблеме корреляции приводимых заметок с данными других источников. Проведенный нами анализ позволяет говорить о встречающихся в некоторых случаях расхождениях между оставленными фоторепортером записями и другими документами, связанными с деятельностью Я. В. Штейнберга. Необходимо также обозначить ряд вопросов, ответы на которые «Книга записи снимков» не дает. В частности, сложно установить обстоятельства внесения в текст документа правки. Кроме того, из записей Я. В. Штейнберга нельзя понять, кому принадлежала инициатива съемки конкретных тем и сюжетов: когда речь шла о редакционных заданиях, а в каких случаях инициатива в выборе тем исходила от самого фоторепортера, иными словами, в какой степени Я. В. Штейнберг посредствам фотопубликаций мог влиять на формирование актуальной повестки дня в подконтрольной большевикам периодической печати.

В «Книге» встречаются лишь отдельные упоминания о работе для некоторых изданий с соответствующими пометками («Для «Огонька», «для «Синего журнала», «для «Столицы и Усадьбы» и др.), но ничего не говорится об инициаторах съемки. Анализ «Книги записи снимков» не дает ответа и на вопрос о том, по каким критериям проводился отбор фотографических изображений для публикации в различных газетах и журналах, какова была роль в этом процессе самих изданий и фотографа, в каком объеме и на каких условиях (правовых, финансовых) передавалась в редакции фотосъемка. Возможно, ответы на эти вопросы будут даны после того, как в научный оборот будут введены новые архивные материалы.

Примечания

[1] ЦГАЛИ. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. Автобиография Я. В. Штейнберга.

[2] Антология советской фотографии. 1917–1940. Том 1 / под ред. *А. С. Вартанова*. М.: Планета, 1986. С. 19.

[3] ЦГАЛИ. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[4] Позднее Я. В. Штейнберг работал заведующим лабораторией Петрогубкоммуны (1920–1924), заведовал фотоотделом Государственного музея Революции (1924–1935), затем – фотолабораторией Военно-механического института (1935–1937), трудился в качестве фоторепортера «Союзфото» (1937–1938), позднее работал старшим фототехником Всероссийской Академии Художеств. Подробнее об этом см.: ЦГАЛИ. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–3.

[5] Антология советской фотографии. 1917–1940. Том 1 / под ред. *А. С. Вартанова*. М.: Планета, 1986; *Болтянский Г. М.* Очерки по истории фотографии в СССР. М.: Госкиноиздат, 1939; *Питерский Л.* Октябрьские дни в Петрограде // Советское фото, 1957. № 11. С. 14–19; Choudakov G. (eds.) (1983) *Pionniers de la Photographie Russe Soviétique*. Paris: Philippe Sers Editeur; Latos' Henryk (1985) *Z historii fotografii wojennej. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej*.

[6] *Волков–Ланнит Л. Ф.* История пишется объективом, Москва: Планета, 1980. С. 136–155.

[7] Первоначально источник назывался «Книга записи снимков 1917 год». Позднее на обложке «Книги» было дописано: «Янв[арь] 1921 г.».

[8] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Штейнберг Яков Владимирович (1880–1942), фоторепортер. Опись 1 дел за 1905–1942 гг. С. 2. Данная опись (№ 1) наряду с описью № 2, включающей документы, посвященные жизни и творческому пути дочери фотографа, театрального режиссера О. Я. Штейнберг (1906–1993), составляют семейный фонд № 656, хранящийся в ЦГАЛИ СПб.

[9] Автобиография представляет собой заверенный Я. В. Штейнбергом машинописный текст на шести листах с незначительной стилистической правкой и подчеркиваниями. Источник содержит информацию о профессиональной деятельности фоторепортера, его общественной работе, премиях и наградах. Документ появился не ранее 13 мая 1940 г. Именно этим числом датируется упомянутая в нем справка Василеостровского райсовета № 169.

[10] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.

[11] Мы не знаем, велись ли фотографом подобные «Книги» в предшествующий появлению данного документа и в последующий периоды. Имеющиеся в нашем распоряжении источники также не позволяют установить, по какой причине автор перестал вести записи 20 января 1921 г.

[12] К числу редких объяснений причины пропусков съемки относится запись о том, что в период с 1 по 17 сентября 1920 г. она не велась в связи с болезнью дочери: «Пропуск по болезни Олечки до 18 числа». См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.

[13] Основываясь на данных «Книги записи снимков», точно подсчитать количество сделанных фотографом кадров не представляется возможным ввиду того, что в некоторых случаях эти данные им не приводятся или не сохранились из-за повреждения источника («размытости»). Выбрать в качестве единицы измерения деятельности фотографа съемочные дни также не всегда возможно, т. к. иногда сделанная им в течение нескольких дней фотосъемка, вероятно, записывалась одним днем. Таким образом, говоря о количественных показателях работы Я. В. Штейнберга, мы считаем, сколько им было выполнено съемок (на основании того, как эти съемки тематически объединял сам фотограф).

[14] Предположение, что на 1917 и 1918 гг. пришелся «наибольший объем работы» Я. В. Штейнберга, было высказано Д. А. Крецу. См.: *Крецу Д. А.* Малоизвестные факты из биографии фотографа Якова Владимировича Штейнберга. По материалам отдела фотонегативных источников Государственного музея политической истории России: сб. докл. конф. «Фотография в музее». 19–22 мая 2015 г. СПб., 2015. С. 43.

[15] См., напр.: «Тов[арищ] Зиновьев на Уральском фронте» // Пламя. 1918. Ноябрь, 24. № 29. С. 473. ЦГАЛИ СПб .Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

[16] ЦГАЛИ СПб .Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.

[17] Так, к записи «Депутации от полков туземной дивизии» были дописаны карандашом локации: «Направо – Царская Славянка, налево Антропшино и Семрино». ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

[18] Так, 7 апреля 1919 г. Я. В. Штейнберг записал: «Похороны погибших на революционном посту гвардейца Петр[оградского] района Ходакова (погиб при взрыве на водопроводн[ой] станц[ии]) и Калинина, убитого при выходе с фабрики «Скороход» за противодействие распространению прокламаций с призывом к забастовкам». ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.

[19] Всего было выполнено 8 снимков. См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

[20] Пламя. 1918. Июнь, 2. № 5. С. 12–13.

[21] В «Книге» на нескольких страницах можно встретить тщательно вымаранные записи, содержание которых, вероятно, стремились скрыть от посторонних глаз. Кем и при каких обстоятельствах они были сделаны – нам не известно. Подробнее об этом см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 12–13, 20.

[22] Там же. Л. 6 об–7.

[23] Там же. Л. 35. Речь идет о состоявшихся в Петрограде похоронах народного комиссара путей сообщения М. Т. Елизарова – мужа старшей сестры В. И. Ленина А. И. Елизаровой-Ульяновой.

[24] См., напр.: Ленин. Фотографии: аннотированный каталог / Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив социально-политической истории / под ред. *А. К. Сорокина*. М.: РОССПЭН, 2021. С. 149–157.

[25] Там же. С. 145.

[26] Дописано карандашом от руки в скобках.

[27] Предположительно «Дворца Труда».

[28] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 34 об.

[29] *Штейнберг Я.* Встречи с Лениным // Советское фото. 1938. № 2. С. 13.

[30] О характере его фотосъемки 22 февраля 1917 г. свидетельствуют следующие записи, сделанные фотографом в это день: «Уменьшение снимка одной палаты Анг[ло]–р[усского] лаз[арета] – 1; Перевезение тела председ[ателя] бюджетн[ой] комиссии Госуд[арственной] Думы М. М. Алексеенко – 8». ЦГАЛИ. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 6 об.

[31] См., напр.: «Бойцы охраны революционного порядка у автомобиля», выполненная, как следует из архивной подписи к снимку, в Петрограде 28 февраля 1917 г. ЦГАКФФД СПб. Г 14597. Необходимо подчеркнуть, что датировка самих негативов авторства Я. В. Штейнберга, хранящихся в архивной коллекции, является темой отдельного исследования.

[32] Изначально было написано «северн»[ый], затем зачеркнуто и исправлено карандашом на «восточн»[ый].

[33] Очевидно, часть этих фотоснимков была опубликована в журнале «Пламя» (Серии «Тов[арищ] Зиновьев на Уральском фронте», «Пламя», № 29. 24 ноября 1918 г. С. 473; «На Пермском фронте», № 30, 1 декабря 1918. С. 498 и др.).

[34] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.

[35] Штейнберг Я. В те дни // Советское фото. 1937. № 4. С. 13–15.

[36] Там же. Л. 17.

[37]Там же. Л. 17 об.

[38] ЦГАКФФД СПб. Др 9366, 9367, 9369, 9370.

[39] *Штейнберг Я. В.* те дни // Советское фото. 1937. № 4. С. 14.

[40] Там же.

[41] ЦГАКФФД СПб. Др 9222–9230.

[42] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

Библиография

Андрианова Е. Н. Быт жителей Петрограда в период «военного коммунизма»: по материалам коллекции фотографий ГЦМСИР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2011. № 2. С. 48–64.

Заковырина Н. С. Особенности развития советской фотожурналистики 1920–1930-х гг. и журнал «Советское фото»: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.

Кальянов А. Ю. Кинематографическая и фотографическая хроника в политической и культурной жизни Петрограда в 1917 – первой половине 1918 годов: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1997.

Крецу Д. А. Малоизвестные факты из биографии фотографа Якова Владимировича Штейнберга. По материалам отдела фотонегативных источников Государственного музея политической истории России: сб. докл. конф. «Фотография в музее». 19–22 мая 2015 г. СПб.: СПБОО «А-Я»: Ред. РОСФОТО, 2015. С. 26–42.

Крецу Д. А. Я. В. Штейнберг – сотрудник Государственного музея революции // Политическая история России: теория и музейная практика: сб. научн. трудов ГМПИР. Вып. VII / под ред. *А. М. Кулегина*. СПб.: Полиграфическое предприятие, 2014. № 3. С. 124–133.

Рубинина З. М. Фотохроника одного события: открытие II конгресса Коминтерна 19 июля 1920 г. в Петрограде в фотографиях из коллекции

ФМЛ ГИМ // Время Коминтерна: мат. междунар. науч. конф. к 100-летию Коммунистического Интернационала / под науч. ред. *О. С. Поршнева*; сост.: *Е. Н. Струкова, К. Б. Харитонов*. М.: Гос. публ. ист. биб-ка России, ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. С. 32–47.

Смородина В. А. Документальная фотография в Российских иллюстрированных изданиях периода Первой мировой войны (1914–1917 гг.): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Хеделер В. Основатели Коммунистического Интернационала // Время Коминтерна: мат. междунар. науч. конф. к 100-летию Коммунистического Интернационала / под науч. ред. *О. С. Поршнева*; сост.: *Е. Н. Струкова, К. Б. Харитонов*: М: Гос. публ. ист. биб-ка России, ист. фак. МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. С. 13–20.

Melot-Henry A. (2012) *La photographie sovitique de 1917–1945.* Nanterre: Presses universitaires de Paris-Ouest.

Stolyarski Ch. (2013) *The Rise of Photojournalism in Russia and the Soviet Union, 1900–1931.* PhD Thesis. Baltimore: Maryland.

Notes

Boltyanskiĭ G. M. (1939) *Ocherki po istorii fotografii v SSSR* [Essays on the History of Photography in the USSR]. Moscow: Goskinoizdat Publ.

Choudakov G (eds.) *Pionniers de la Photographie Russe Soviétique* (1983) [Pioneers of Soviet Photography]. Paris: Philippe Sers Editeur.

Latoś Henryk (1985) *Iz istorii fotografii wojskowej* [From the History of War Photography]. Warsaw: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej.

Shteynberg Ya. (1918) Na kholodil'nike tsentral'noy prodovol'stvennoy upravy [On the Refrigerator of the Central Food Administration]. *Plamya* 5 (5): 12–13.

Shteynberg Ya. (1918) Tovarishch Zinov'ev na Ural'skom fronte [Comrade Zinoviev on the Ural Front]. *Plamya* 29 (29): 3.

Shteynberg Ya. (1918) Na Permskom fronte [On the Perm Front]. *Plamya* 30 (30): 11.

Shteynberg Ya. (1937) V te dni [In Those Days]. *Sovetskoe foto* (4): 13–15.

Shteynberg Ya. (1938) Vstrechi s Leninym [Meetings with Lenin]. *Sovetskoe foto* (2): 13.

Sorokin A. K. (ed.) (2021) *Lenin. Fotografii: annotirovannyy katalog* [Lenin: Photos: Annotated Catalog]. Moskva: ROSSPEN.

TsGAKFFD SPb. Dr 9227 [Central State Archive of Film, Photo and Sound Documents of St. Petersburg SPb Dr 9222–9230].

TsGAKFFD SPb. Dr 9369 [Central State Archive of Film, Photo and Sound Documents of St. Petersburg SPb Dr 9366, 9367, 9369, 9370].

TsGAKFFD SPb. G 14597 [Central State Archive of Film, Photo and Sound Documents of St. Petersburg G 14597].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 12–13, 20. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 12–13, 20].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 15. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 15].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 17. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 17].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 17 ob. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 17 side].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 20. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 20].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 24. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 24].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 30. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 30].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 34ob. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 34 side].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 35. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 35].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 36. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 36].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 52. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 52].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 6 ob. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 6 side].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 4. L. 6 ob-7. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 4. Sh. 6 side –7].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 7. L. 1. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 7. Sh. 1].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 7. L. 2. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 7. Sh. 2].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 7. L. 2–3. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 7. Sh. 2–3].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 7. L. 3. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 7. Sh. 7].

TsGALI SPb. R-656. Op. 1. D. 13. L. 1 ob. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R-656. Inv. 1. File 13. Sh. 1 side].

Piterskiy L. (1957) Oktyabr'skie dni v Petrograde [October Days in Petrograd]. *Sovetskoe foto* (11): 14 – 19.

Vartanov A. S. (ed.) (1986) *Antologiya sovetskoy fotografii. 1917–1940. Tom 1* [An Anthology of Soviet Photography. 1917–1940. Vol. 1.]. Moscow: Planeta Publ.

Volkov-Lannit L.F. (1980) *Istoriya pishetsya ob"ektivom* [History Is Written with Lens]. Moscow: Planeta Publ.

References

Andrianova E. N. (2011) Byt zhiteley Petrograda v period «voennogo kommunizma»: po materialam kollektsii fotografiy GTsMSIR [The Life of the

Inhabitants of Petrograd During the Period of War Communism: Based on the Materials of the Collection of Photographs of the State Central Museum of Contemporary History of Russia]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 48–64. (In Russian)

Kal'yanov A. Yu. (1997) *Kinematograficheskaya i fotograficheskaya khronika v politicheskoy i kul'turnoy zhizni Petrograda v 1917 – pervoy polovine 1918 godov*: diss. ... kand. filolog. nauk. [Cinematographic and Photographic Chronicle in the Political and Cultural Life of Petrograd in 1917 – the First Half of 1918: PhD Thesis] St. Petersburg. (In Russian)

Khedeler V. (2020) Osnovateli Kommunisticheskogo Internatsionala [The Founders of the Communist International]. In O. S. Porshneva (ed.) V*remya Kominterna: materialy mezhdunar. nauchnykh konferentsiy k 100-letiyu Kommunisticheskogo Internatsionala* [The Time of the Comintern: Proceedings of International Scientific Conferences on the 100th Anniversary of the Communist International]. Moscow: Russian State Public Library, Faculty of History, M. V. Lomonosov MSU. Pp. 13–20. (In Russian)

Kretsu D. A. Ya. (2014) Ya. V. Shteynberg – sotrudnik Gosudarstvennogo muzeya revolyutsii [Shteynberg – An Employee of the State Museum of the Revolution]. In A. M. Kulegin (ed.) *Politicheskaya istoriya Rossii: teoriya i muzeynaya praktika: sbornik nauchnykh trudov GMPIR. Vyp. VII* [The Political History of Russia: Theory and Museum Practice. Collection of Scientific works of GMPIR. Issue VII]. St. Petersburg: Poligraficheskoe predpriyatie № 3. Pp. 124–133. (In Russian)

Kretsu D. A. (2015) Maloizvestnye fakty iz biografii fotografa Yakova Vladimirovicha Shteynberga. Po materialam otdela fotonegativnykh istochnikov Gosudarstvennogo muzeya politicheskoy istorii Rossii [Little-Known Facts from the Biography of Photographer Yakov Vladimirovich Shteynberg: Based on the Materials of the Department of Photo Negative Sources of the State Museum of Political History of Russia]. In «*Fotografiya v muzee*»: *sbornik dokladov konferentsii* ["Photography in the Museum": A Collection of Reports of the Conference]. St. Petersburg: SPb: SPBOO «A-Ya»: Red. ROSFOTO. Pp. 42–46. (In Russian)

Melot-Henry A. (2012) *La photographie sovitique de 1917–1945*. Nanterre: Presses universitaires de Paris-Ouest.

Rubinina Z. M. (2020) Fotokhronika odnogo sobytiya: otkrytie II kongressa Kominterna 19 iyulya 1920 g. v Petrograde v fotografiyakh iz kollektsii FML GIM [Photo Chronicle of One Event: The Opening of the II Congress of the Comintern on July 19, 1920, in Petrograd in Photographs from the Collection of the FML GIM]. In O. S. Porshneva (ed.) *Vremya Kominterna: materialy mezhdunar. nauchnykh konferentsiy k 100-letiyu Kommunisticheskogo Internatsionala* [The Time of the Comintern: Proceedings of International Scientific Conferences on the 100th Anniversary of the Communist International]. Moscow: Russian State Public Library, Faculty of History, M.V. Lomonosov MSU. pp. 32–47. (In Russian)

Smorodina V. A. (2000) *Dokumental'naya fotografiya v Rossiyskikh illyustrirovannykh izdaniyakh perioda Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.):* diss. ...

kand. filolog nauk. [Documentary Photography in Russian Illustrated Publications of the Period of the First World War (1914–1917). PhD thesis]. St. Petersburg. (In Russian)

Stolyarski Ch. (2013) *The Rise of Photojournalism in Russia and the Soviet Union, 1900–1931.* PhD Thesis. Baltimore: Maryland.

Zakovyrina N. S. (2007) Osobennosti razvitiya sovetskoy fotozhurnalistiki 1920–1930-kh gg. i zhurnal «Sovetskoe foto»: diss. ... kand. filolog. nauk. [Features of the Development of Soviet Photojournalism in the 1920s–1930s and the Magazine "Sovetskoe foto". PhD thesis] St. Petersburg. (In Russian)

Поступила в редакцию
22.12.2023

Ляпина Алина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия; e-mail: a.v.liapina@mail.ru, ORCID 0000-0001-7203-6713

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ «ПСОВАЯ И РУЖЕЙНАЯ ОХОТА» (1894–1907): ОПЫТ РАЗРАБОТКИ МОДЕЛИ «НАРОДНОГО» ИЗДАНИЯ

В статье рассматриваются типологические характеристики провинциального журнала «Псовая и ружейная охота» (1894–1907): изучены цель и задачи издания, целевая аудитория, программа, содержание, жанрово-тематическая палитра и другие параметры, позволившие оценить его как «народное» издание, выпускаемое интеллектуалами для небогатых охотников. Проанализированы архивные материалы, письма С. В. Озерова к С. А. Бутурлину, относящиеся к функционированию журнала. В качестве эмпирического материала привлекались другие издательские проекты С. В. Озерова. В условиях социально-политических брожений и конкурентной борьбы за читателя, в период кризиса охотничьей печати журнал С. В. Озерова сохранял статус авторитетного и влиятельного издания благодаря сочетанию глубокого содержания и доступных средств подачи материалов, публикации текстов разных жанров и стилей и многообразию рассматриваемых тем. Энтузиазм руководителя и эффективные способы маркетинговой деятельности также импонировали широкой аудитории.

***Ключевые слова**: журналистика, природа и охота, С. В. Озеров, «Псовая и ружейная охота», типология издания.*

Как цитировать: *Ляпина А. В.* Провинциальный журнал «Псовая и ружейная охота» (1894–1907): опыт разработки модели «народного» издания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2024. № 2. С. 113–138. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.113138

Alina V. Lyapina, PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Chair of Russian and Foreign Literature, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; e-mail: a.v.liapina@mail.ru, ORCID 0000-0001-7203-6713

PROVINCIAL MAGAZINE “PSOVAYA I RUZHEJNAYA OHOTA” (1894–1907): AN EXPERIENCE OF DEVELOPING A MODEL OF A DEMOCRATIC PERIODICAL

The article touches upon the history of one of the most popular magazines of nature and hunting – the provincial magazine "Psovaya i Ruzhejnaya Ohota" (1894–1907) in the context of other publishing projects of the famous dog breeder,

hunter and writer Sergei Ozerov (1859–1903). The article reveals his role in solving national problems of preserving hound hunting, breeding Russian hunting dogs, determining the status of hunting in Russia and developing a hunting culture among the illiterate population of the empire. Archival materials and letters from S. Ozerov to S. Buturlin which are related to the publication and functioning of the magazine were studied. The program, genre and thematic content of the publication and ways of interacting with readers were studied on the basis of the historical and typological method. The novelty of the research is determined both by the empirical material itself — archival files that were not previously introduced into scientific circulation, and by the subject — the history of the emergence and functioning of the magazine "Psovaya i Ruzhejnaya Ohota" and other projects by S. Ozerov. It is concluded that in conditions of socio-political unrest and fierce competition for readers, during the crisis of the hunting press, Ozerov's magazine maintained the status of a fairly authoritative and influential publication due to its democratic orientation, high quality of published material, energy and enthusiasm of the publisher and effective methods of marketing activities. The history of "Psovaya i Ruzhejnaya Ohota" makes it possible to present more fully the problems of the hound hunting and hunting industry in general as well as the situation on the market of specialized publications in a competitive environment.

***Key words**: journalism, nature and hunting specialized magazines, S. V. Ozerov, Psovaya i Ruzhejnaya Ohota, typology of editions.*

To cite this article: Lyapina A. V. (2024) Provintsial'nyy zhurnal «Psovaya i ruzheynaya okhota» (1894–1907): opyt razrabotki modeli «narodnogo» izdaniya [Provincial Magazine "Psovaya i Ruzhejnaya Ohota" (1894–1907): An Experience of Developing a Model of a Democratic Periodical]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika 2*: 113–138. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.113138

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.113138

Введение

Дореволюционные журналы о природе и охоте, являясь одним из письменных памятников культуры, представляли жизнь русского человека не только в социально детерминированном обществе, но и во взаимосвязях с макрокосмом, в естественных связях с миром природы и активно участвовали в формировании экологической повестки. Однако специализированная печать природоведческой, охотничьей тематики долгое время находилась на периферии научной мысли.

Интерес к этому сегменту русской прессы возник в связи с изучением спортивной (Слюсаренко, 2003; Алексеев, 2008; Войтик, 2016) и кинологической (Кубышко, 2017) журналистики, что,

конечно, не раскрывает в полной мере ее историко-культурного, аксиологического и научного потенциала.

Журналы на тему охоты печатались в Москве и Петербурге – центрах охотничьей жизни. Первым провинциальным изданием, получившим широкое признание, стал журнал «Псовая и ружейная охота». История его возникновения и функционирования отражена в архивном деле, хранящемся в РГИА и носящем название «Дело об издании в селе Свиридово журнала «Псовая и ружейная охота»[1]. В обзорных статьях краеведов, популяризаторов русской охоты рассмотрены замысел возникновения журнала и его программа, описаны условия работы редактора-издателя (Поддубный, 2003; Оболенский, 2004; Махель, 2020).

В настоящем исследовании журнал «Псовая и ружейная охота» С. В. Озерова (1859–1903), известного собакозаводчика, охотника, писателя, рассматривается как образец «народного» журнала, в популярной форме продвигавшего ценности русского мира, базовые представления о природе, человеке, обществе.

В самом широком смысле определение «народный» стало фактом общественного сознания во второй половине XIX в. и употреблялось в значении «общедоступный»: «Народная газета», «Народное чтение», «Народная литература»[2] и др. Мы рассматриваем понятие «народное издание» в двух аспектах: как серьезный проект, разработанный интеллектуалами и предназначенный для массовой аудитории, и как пользующееся доверием, уважением охотников издание. Это значит, что содержание материалов, их объем, тематические направления, жанровое наполнение, язык, оформление, стоимость подписки должны были быть интересны, понятны и доступны охотникам с разным уровнем профессиональной подготовки и благосостояния.

В статье анализируются проблемно-тематические, жанровые доминанты и другие типологические параметры журнала «Псовая и ружейная охота» в аспекте рассматриваемой темы, выявляется роль журнала и других издательских проектов С. В. Озерова в популяризации идей правильной охоты среди малообразованного населения империи.

Исследование базируется на трудах Р. П. Овсепяна (1995), А. И. Акопова (2002), В. В. Тулупова (2007), М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской (2009), Ю. Б. Балашовой (2017), А. А. Тертычного (2017) и других ученых, в которых рассматриваются вопросы типологии издания и концепция жанров периодической печа-

ти. Историко-типологический метод позволил охарактеризовать основные типологические доминанты журнала; метод жанрового анализа позволил выявить характер отображения действительности, ее оценки в опубликованных материалах.

Условия и причины возникновения журнала «Псовая и ружейная охота»

Бум охотничьих изданий пришелся на конец XIX в., что объясняется изменением социально-экономической, культурно-исторической, политической картины русской жизни: возрастал интерес к научному знанию, продолжался процесс демократизации общества, формировался новый тип печати и читателя. «Толстые» ежемесячные журналы, предназначавшиеся для образованной части русского общества, теряли свою популярность. «Тонкие» еженедельники становились все более востребованными широкой аудиторией, к которой относились мелкие чиновники, мещане, городские бедняки и даже малограмотные крестьяне. «Тонкие» журналы и газеты были весьма бюджетны и могли удовлетворить любые вкусы и запросы. Задача всех охотничьих изданий состояла в том, чтобы научить разумному потреблению природных ресурсов, привить неосведомленному в вопросах охоты читателю бережное отношение к природе, ее естественным богатствам.

В конце XIX в. тревогу у охотников вызывало состояние псовой охоты – гордости русской знати и важной составляющей национальной культуры. С отменой крепостного права в 1861 г. завершился «золотой век» псовых охот. Владельцы крупных псарен разорялись, лишались питомников и крепостных псарей. Перед собакозаводчиками встал вопрос о сохранении ценных пород охотничьих собак, решение которого было невозможно без объединения специалистов и привлечения общественности.

Так на рынке специализированных изданий появились серьезные журналы, развивавшие кинологическое направление: «Природа и охота» (1878–1912) Л. П. Сабанеева; «Охота. Всеобщее охотничье обозрение» (1891–1893) Д. П. Вальцова – одного из знатоков псовой охоты, известного в России эксперта, талантливого заводчика русских борзых собак, автора статей, очерков и рассказов о русской охоте; ежемесячный иллюстрированный «Журнал охоты» (1890–1892) издателя А. Е. Корша. Вопросы охоты и собаководства освещал еженедельный журнал «Русский охот-

ник», который издавался в Москве с 1890 по 1894 гг. включительно, а в 1895 г. – в Петербурге кн. Владимиром Петровичем Урусовым (Ляпина, 2021: 96–97). Однако все они – «Журнал охоты» (1890–1892), «Дневник охотника» (1891–1893), «Охота. Всеобщее охотничье обозрение» (1891–1893), «Приволжский вестник охоты» (1891–1892) – быстро закрылись, чему немало способствовали отсутствие финансовой помощи со стороны государства и охотничьих обществ, культуры потребления печатной продукции, высокая стоимость издания, острая конкурентная борьба за подписчиков, которых было мало.

Таким образом, журнал «Псовая и ружейная охота» зарождался в непростое для охотничьей периодики время. Перед С. В. Озеровым стояла задача поднять престиж русской псовой охоты и охотничьих изданий, урегулировать деятельность «разнородных» охотников на территории Российской империи, объединив их в дружную семью. Имея непререкаемый авторитет у единомышленников, большой опыт сотрудничества в специализированных изданиях, первоначальный капитал, он решился на создание общедоступного журнала.

Концепция издания и особенности его функционирования

Сергей Владимирович Озеров (1859–1903), бессменный руководитель издания, вложил весь свой интеллект, душевную энергию и финансы в любимое детище, пожертвовал здоровьем и материальным благополучием ради его процветания.

Журнал издавался в г. Веневе Тульской губернии как орган Киевского отдела Императорского общества правильной охоты, был ориентирован на «небогатых охотников, имеющих душевную потребность в благородном занятии». Обращает на себя внимание прилагательное «небогатых», так как именно бюджетное, и при этом качественное, издание могло удовлетворить интересы рядового охотника и его потребность в актуальной информации. На начальном этапе функционирования журнала соиздателями выступили И. Е. Курдюмов, проживавший в селе Духановка Путивльского уезда Курской губернии, и чуть позже присоединившийся к ним кн. Д. И. Ширинский-Шихматов. В 1901 г. Озеров остался единственным его владельцем.

Это был журнал объемом 16 страниц с периодичностью выхода два раза в месяц – 1 и 15 числа. Подписная цена с доставкой

и пересылкой составляла 10 руб. в год, что выше годовой подписки на «Русский охотник» (6 руб.) и ниже годовой подписки на журнал «Природа и охота» с приложением «Охотничья газета» (15 руб.).

После закрытия многих изданий конкуренцию журналу Озерова мог составить только московский журнал «Природа и охота», но он выходил раз в месяц, насчитывал около 250 страниц, стоил дорого и планомерно развивал исследовательскую стратегию. Это издание Сабанеева ориентировалось на грамотного и состоятельного читателя, в сферу интересов которого входили охота, рыбалка, собаководство.

Учитывая обстоятельства, редактор-издатель поставил перед собой цель объединить «разрозненных и разнородных охотников на почве дела», помочь им понять смысл правильной охоты. «Многолетний опыт сотрудничества в периодических охотничьих журналах заставляет нас смотреть на выпускаемый журнал как на общее достояние всех истинных охотников и никогда не позволит нам ни принимать руководящего тона в чисто охотничьих вопросах, ни проводить чьих бы то ни было взглядов на подкладке личных целей и расчетов. Полемик мы не избегаем, наоборот, мы хорошо сознаем, что дельная полемика быстрее приведет к разрешению спорных вопросов, но в помещаемых полемических статьях мы обещаем полное уважение к личности авторов и к печатному слову»[3], – сообщалось в редакционной статье первого номера издания.

С. В. Озеров считал, что успех журнала всецело зависит от редактора, который должен быть тесно связан с охотничьими интересами, от психологического климата внутри сообщества, от уровня обеспечения финансовыми ресурсами. С грустью вспоминая только что ушедшие с рынка издания, Озеров выражал надежду, что «читатели-охотники своим участием в сотрудничестве дадут возможность принести пользу охотничьему делу»[4].

Редакция надеялась на помощь и поддержку охотников из разных уголков страны, потому что практические сведения и дельные советы могли бы повысить качество издания, помогли бы навести порядок в охотничьем хозяйстве.

Согласно документам, учредители представили широкую программу, которая включала основные разделы, характерные для политематического специализированного научно-популярного издания: официальные документы, отчеты Обществ охоты, русские и заграничные тематические обзоры, вопросы псовой и ружейной

охоты, собаководство в России и за границей, лечение животных, обзор охотничьей литературы в России и за границей, беллетристика, частные объявления, смесь.

В каждом номере публиковалось 12–14 материалов в соответствии с Программой издания без учета колонки с объявлениями. Содержание и объем публикаций отвечали потребностям целевой аудитории: в журнале отсутствовали длинные статьи, информация была тематически сбалансирована, то есть равномерно охватывала различные направления охотничьей деятельности и имела преимущественно практическую направленность.

В целях обеспечения высокого качества издания Озеров пригласил к сотрудничеству лучших авторов Российской империи: орнитолог, знаток ружейной охоты С. А. Бутурлин (1872–1938) отвечал за орнитологический и оружейный отделы, занимался переводами из иностранных журналов, помогал читателям в выборе оружия[5]; писатели Н. А. Вербицкий (1843–1909) и Д. А. Вилинский (1840–1911) поддерживали беллетристический отдел; специалист по гончим и легавым собакам В. В. Де-Коннор (1856–1908) возглавлял отдел собаководства, вел обозрение английских журналов; крупнейший оружиевед А. П. Ивашенцов (1857–1913) поддерживал С. В. Озерова по всем вопросам, был его другом и соратником; специалист по гончим Н. П. Кишенский (1850–1927) поддерживал отдел собаководства, освещал выставки собак.

Благодаря участию высококлассных специалистов авторитет издания был настолько непререкаем, что к началу XX в. журнал уже представлял более двадцати пяти Обществ по всей стране. По авторитету и популярности он не уступал «Природе и охоте» Л. П. Сабанеева.

С 1896 г. редактор приступил к другим проектам. Он стал выпускать книги-приложения, в которых размещались объемные аналитические статьи, охотничьи рассказы, полные версии переводов из иностранных журналов, описания выставок, ярко иллюстрированные каталоги птиц и т. п. Озеров не перегружал объемной информацией журнал, чтобы осветить как можно больше важных для отрасли тем и соответствовать статусу народного издания. Желающие узнать детали приобретали книгу. Число подписчиков на книги неуклонно росло: в 1896 г. насчитывалось 115 подписчиков, в январе 1898 г. — 376, в апреле 1898 г. — 411, а в 1901 – 472. Однако выпуск брошюр не приносил дохода. Несмотря на увеличение количественных показателей, журнал нес материальные по-

тери. В письме А. С. Бутурлину от 20 января 1897 г. Озеров сообщал о финансовой ситуации в издательстве: «Дела идут очень плохо. Я надеялся на 600 подписчиков с книгами и на 400 без книг, а на самом деле вышло – с книгами 402, без книг – 287, т. е. ровно будет 6 тыс. убытку, вместо предполагаемых нами 3 тыс., которые мы и внесли в начале года»[6]. Финансовое положение не изменилось и к 1898 г.: «Журнал идет замечательно успешно, но от книг минимум 5 тыс. убытка, ибо всего 376 подписчиков», несмотря на 6 700 разосланных иллюстрированных объявлений по адресам оружейных магазинов и подписчиков. Озеров расстраивался, что известный французский журнал *Chasse illustre* при практически равном объеме имеет 4 800 подписчиков и стоит 30 франков (около 13 руб.), а у него и 400 нет, что в России на более чем 200 тысяч охотников приходится тысяча читающих[7].

Все годы Озеров издавал журнал на собственные средства, не прибегая к помощи охотничьих обществ и физических лиц, чтобы оставаться самостоятельным и независимым. Изучение частной переписки помогло прояснить гонорарную политику издания в условиях денежного дефицита. Из писем С. В. Озерова А. С. Бутурлину мы узнаем, что Д. А. Вилинский получал 30 рублей с листа, специалист по пороху – 40 рублей, остальные – от 25 до 30 рублей, за переводы с французского – 20 рублей, с английского – 30 рублей. Самый большой гонорар получал А. П. Ивашенцов (сумма не называется – *А.Л.*), так как «он едва-едва посилен редакции даже и в будущем. Произошло это потому, т. е. предложение такого гонорара, что в лице А.П. я избрал руководителя всего отдела оружия в журнале, а поэтому обращаюсь к нему со всеми вопросами и за советами» (25 июня 1896)[8]. Бутурлину был предложен гонорар в 40 руб., хотя известный оружейник и орнитолог готов был сотрудничать на безвозмездной основе, как и многие другие уважаемые авторы. Озеров, оценивая состояние дел, старался материально заинтересовывать сотрудников, но высокой оплаты не гарантировал: «Платить дорого, как платят вообще не охотничьи издания, мы не можем, прибавлю – “пока”; и положительно всем сотрудникам предложили самим назначить гонорар, не скрывая от них ни числа подписчиков, ни стоимости издания, а равно и того, что издателям не нужно никаких интересов от издания, а потому с улучшением дела мы сами не преминем сообщить об этом и увеличить гонорар» (15 июня 1896)[9].

По сути, размер гонорара зависел от величины урожая сельскохозяйственных культур в имении помещика Озерова, о чем он сообщал в одном из писем: «С первою же возможностью, лучше сказать с первым урожаем, я возобновлю уплату гонорара» (24 апреля 1898)[10].

Для привлечения читателей и расширения рыночной ниши редактор использовал различные издательские приемы: выдавал подписчикам подарки, проводил совместные акции с оружейными магазинами, с питомниками собак, предлагал подписку на льготных условиях, в качестве премий выдавал цветные репродукции картин на охотничьи темы. Молодой и талантливый художник Алексей Никанорович Комаров, сосед Озерова по имению, поднял качество графики журнала на высокий уровень. В 1901 г. он подготовил атлас с изображением птиц, что значительно увеличило число подписчиков. На атлас отдельно подписалось 1 197 человек[11]. Озеров выпускал карманный календарь за 1 руб. 20 коп.

Рекламные акции оказались эффективными. В 1900 г. журнал имел 1 579 подписчиков, а в 1901 – 1 751 подписчика. С ростом тиража росла периодичность выхода и снижалась годовая стоимость: 1894–1895 – 24 номера за 10 руб.; 1895–1896 – 36; 1896–1897 – 36; 1897–1898 – 36 номеров за 4 руб.; 1898–1899 – 36; 1899–1900 – 36; 1900–1901 – 36; 1901–1902 – 48 номеров; 1902–1903 – 48 номеров за 4 руб.

Успех «Псовой и ружейной охоты» вдохновил организатора на новый проект. Желая дать русским охотникам дешевый, но качественный печатный продукт, С. В. Озеров в 1902 г. начал издавать двухнедельный журнал «Охота» объемом 14–16 страниц, в доступной форме сообщая необходимые сведения об охотничьих ружьях, о правилах охоты, о методах лечения животных, публикуя охотничьи рассказы. Стиль изложения, жанры (заметки, вопросы–ответы, очерки, рассказы) соответствовали социальному статусу читателей: тексты не были нагружены специальной терминологией, сложные синтаксические конструкции отсутствовали, лексика использовалась общеупотребительная, героями рассказов часто становились представители городской бедноты или крестьяне. Подписная цена составила всего 1 руб. 40 коп. в год. С 1903 по 1907 г. стоимость составляла 2 руб., несмотря на материальные трудности.

Жанрово-тематический диапазон издания

С. В. Озеров, желая удовлетворить интересы и потребности широкой аудитории, представлял материал в разных жанрах, по-разному отражающих действительность. Каждый номер открывался *передовой статьей* – адресованным читателю-единомышленнику выступлением редактора, освещавшего актуальные вопросы отрасли. Эти публикации выходили под заголовком «От Редактора» с указанием даты. В первой статье С. В. Озеров объяснил причины создания нового журнала, объявил концепцию и сформулировал цель издания. Автор отметил отсутствие бюджетных качественных журналов для охотников, наличие дефицита корреспондентов «на местах» и призвал всех неравнодушных к судьбе русской Дианы объединиться в семью единомышленников и поддержать в стране дело охоты.

Во втором номере предметом обсуждения стали «охотничьи правила», которые, по мнению руководителя, должны составляться не «кабинетными охотниками» западного толка, а «интеллигентными охотниками-практиками»[12], знающими природно-климатические особенности своего края, популяцию в нем дичи. В отличие от Запада охота в России производится на вольную птицу и зверя, а не на искусственно разведенную. «Раскинутость нашего отечества, а с нею и разнообразие климатических условий, исключительность потребностей и обычаев, масса хищников, неразмежеванность, недостаток умственного развития народонаселения, – не позволяет применять чужеземные правила и законы даже в переделанном и отчасти измененном виде»[13].

Озеров рассматривал охоту как национальное явление, способствующее экономическому росту страны, потому что добыча служит предметом торговли русского севера на десятки миллионов рублей и позволяет контролировать популяцию волков, которые приносят большие убытки крестьянским хозяйствам.

Передовая статья третьего номера за 1894 г. посвящена рассмотрению образа охотника. Автор сравнивал охотников «нынешних» и «старых», то есть принадлежавших эпохе И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова. Главной ценностью для «старых» охотников «являлись природа и неразрывная с нею поэзия»[14]. «Всякий старый охотник по складу жизни всего общества его времени был поэтом гораздо более современного и находил высшее наслаждение во всем, соприкасавшемся с поэзией, а следовательно и с страстью – охотой. Ее он особенно идеализировал и ставил

на пьедестал, недоступный для совмещения потребностей опоэтизированной страсти с будничными прозаическими условиями жизни. Такой охотник, поэт в душе, был понятен и близок окружающим, даже не охотникам»[15]. Тесный контакт старых охотников с народом автор объяснил характером эпохи, его породившей и воспитавшей. «Это время процветания поэзии, появления блестящих произведений Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Аксакова, по которым даже иностранцы судили о нравственной стороне русского общества»[16]. К сожалению, констатировал автор, в современном мире предана забвению «эстетическая сторона жизни, и микроскопическому кружку охотников удержать свои верования и идеалы куда как трудно»[17]. Для старых охотников в приоритете были святое чувство братства и равенства на охоте. Нынешние охотники подчиняются моде, ссорятся «из-за житейских расчетов». Свою задачу автор видел в том, чтобы «сблизиться в одну родственную семью, которая с незапамятных времен служила твердым оплотом от полного уничтожения ее членов, при разрозненности в неравной борьбе»[18]. Так, апеллируя к именам авторитетных писателей-охотников, Озеров воспитывал в своей аудитории способность замечать красоту в природе, находить в ней источник эстетического удовольствия.

В редакционной статье владелец издания поднимал вопрос о статусе охоты в России. Он постоянно проводил параллель между русскими и заграничными традициями, на которые ориентируются наши «модные» охотники. «Для нас охота, – писал Озеров, – есть общение с природой, которое влияет на развитие всех лучших человеческих чувств», чему удивляется Запад, который всякое благо давно оценил рублем. «Там многое продажно, что мы, к счастью, еще не выучились продавать <...> Охота для нас – это благо, дающее возможность и богатому и бедному, и интеллигенту, – забыться, отдохнуть душой, отдаться чистым наслаждениям. Для истинного охотника охота никогда не может быть предметом роскоши, она всегда останется потребностью душевной»[19]. Поднятая тема была продолжена в последующих номерах. Несмотря на критику подражателей иностранной охотничьей моды, Озеров считал разумным перенимать европейский опыт, который может идти нам на пользу, особенно если объединить охоту-удовольствие и охоту-науку. Только так можно вывести нашу охотничью литературу из того прозябания, в котором она сейчас находится. Только при таких условиях мы сможем избавиться от западной опеки и от

таких охотничьих изданий, которые стоят «в полной зависимости от присылаемого им хлама»[20]. Благосостояние издателя не должно строиться на нечестной работе сотрудников. «Издание не должно быть доведено до порочного отступничества от своих принципов и целей»[21].

В конце XIX в. остро встал вопрос о статусе охоты: забава это или страсть? Дискуссия в печати по сути вопроса началась со статьи последователя Л. Н. Толстого В. Г. Черткова «Злая забава»[22] и предисловия к ней, составленного именитым автором[23]. Толстой редактировал эту статью и дал ей название. В прошлом охотник, сейчас он критиковал это занятие и уверял своих соотечественников, что статья произведет несомненное действие на всех, кто ее прочтет. Чертков выступил против охоты, осудил ее за жестокость. Антиохотничья позиция самого Л. Н. Толстого, проявившаяся в его статьях «Первая ступень» (1891), «Путь жизни» (1910), оказалась близка его современникам и нашла отклик в произведениях Н. С. Лескова «Зверь» (1883), С. Н. Терпигорева «Первая охота» (1888), В. М. Гаршина «Медведи» (1883), А. П. Чехова «На волчьей садке» (1882) и др., опубликованных еще в 1880-е гг. Специализированная печать не могла обойти эту непростую тему. Сотрудники охотничьих изданий находили аргументы в защиту действий охотников и русской охоты. В передовой статье «Забава ли охота» (1901)[24] автор К. Быховецкий не согласился с негативной оценкой охоты. «В наше время едва ли можно утверждать, что охота не есть врожденное стремление, присущее, наряду с другими существами, и человеку. Охота, как и всякое сильное увлечение предметом, уничтожает возможность служения того же предмета забавой»[25].

Забавой он называет действие, не дающее глубокого впечатления, не вызывающее сильных эмоций. Автор передовицы на примере гоголевского Петрушки, который считал книгу забавной вещью, демонстрирует значение данного слов: «Мне кажется, что людям, смотрящим на охоту как на забаву, охота должна казаться тем, что книга для Петрушки. У таких охотников и ружье есть и ягдташ есть, собачка за ногами болтается, но кроме моциона, связанного с сильным аппетитом, ничего они в охоте не найдут»[26].

В 1902 г. общее собрание членов Императорского общества правильной охоты в количестве 20 человек постановило лишить журнал «Псовая и ружейная охота» права именоваться органом Императорского общества охоты в связи с закреплением этого права за журналом «Природа и охота» и «Охотничьей газетой».

В передовой статье С. В. Озеров комментирует решение собрания, апеллируя к концепции своего издания и общим требованиям, предъявляемым к печатному слову. Руководитель пояснил, что в статьях критиковал не само Общество, а лиц, стоящих в администрации Общества и тесно с ним связанных по роду деятельности. Автор убежден, что печать должна служить не отдельным лицам, а охотничьему делу.

Подводя итоги уходящего подписного 1902 г., С. В. Озеров отметил, что ни конкуренция двухрублевых журналов, ни изветы многочисленных врагов и недоброжелателей, ни подпольные интриги обличенных в противоохотничьих поступках лиц – ничто не могло поколебать доверия к журналу истинных охотников и отразиться на нравственном подъеме издания. Редакция поблагодарила сотрудников, читателей и объявила о премии в виде пяти картин большого формата с изображением Государя Императора в охотничьей обстановке всем своим годовым подписчикам на 1903 г. В целях привлечения как можно большего числа читателей редакция анонсировала еще дополнительно пять картин всем, кто оформит подписку на следующий год. Издатель обещал увеличить количество иллюстраций в журнале и разнообразить их содержание сценами из русской охотничьей жизни.

Можно заключить, что передовые статьи журнала соответствовали требованиям жанра: они освещали актуальные проблемы отрасли, ориентировались на поддержку единомышленников, отличались твердостью позиций, конструктивностью, дискуссионностью, патриотичностью. Редакция пропагандировала идеи правильной охоты, излагая их доступным языком. Помимо того, в статьях раскрывалась личность самого С. В. Озерова как знатока родного края, защитника интересов русских охотников, честного, принципиального в вопросах издательской политики человека, с добрым и отзывчивым сердцем.

Информационные жанры представлены заметкой, известиями, отчетом, вопросом–ответом, некрологом.

В *известиях* и *заметках* охотники из разных уголков России сообщали о нарушении охотничьих законов и о злоупотреблениях на охоте, о количестве дичи, о способах и технике охоты, извещали о предстоящих выставках собак и публиковали условия участия. В событийных заметках, основу которых составляет «фактологическое описание» (Тертычный, 2017: 63), авторы рассказывали случаи на охоте, давали комментарии событиям, оценивали их.

Так, например, Н. Фокин в «заметке охотника» «Утиное царство»[27] сообщал читателям об охоте в болоте, в местах, «совершенно непроходимых», вызывая эффект присутствия, интригуя и заманивая своего собрата-охотника в эти дикие заросли. Автор использовал лексику с положительным оценочным значением, так как охота не может не вызывать восторженных чувств («я люблю», «мне нравится»), описывая поведение птиц и состояние природы («грациозная водяная курочка», «увертливые, быстрые, как мысли, утки», «немилосердно шуршащий камыш» и др.). От личных впечатлений он переходит к рассказу о способах охоты, о технике стрельбы, обращаясь прежде всего к начинающим охотникам.

Авторы рассуждали о том, что такое правильная охота, какие правила необходимо соблюдать, извещали о процессе отлова лосей, об истреблении волков и т. п. В событийных заметках щедро использовались образные выражения: «камыш, тихо ведущий несмолкаемые разговоры между собой», «ночные светила, играющие своими переливами в ночной темноте наподобие алмазов», что свидетельствует о художественной одаренности корреспондентов.

Распространенным жанром охотничьей периодики являлся и *некролог*, в котором сообщалось о смерти члена охотничьего сообщества, его жизни и профессиональной деятельности. На основании опубликованных в журнале некрологов можно судить об отношении издания к своим единомышленникам. Некрологи и другие очерки мемориального характера (например, ко дню памяти) можно разделить на две группы: первая – это посвящения друзьям, другая – учителям, наставникам.

Так, помещая некрологи о своих товарищах (например, о Ф. А. Свечине, Э. А. Новицком, А. А. Черкасове и др.), редактор сообщал об их жизни и деятельности на благо русской охоты.

Редакция охарактеризовала Свечина как честного труженика в должности тульского губернского предводителя дворянства и земского начальника и как литератора, автора ряда увлекательных рассказов. Редакция отметила умение покойного «живо изобразить картины природы, точно передать охотничьи ощущения, описать нравы, обычаи охотников»[28]. Завершается некролог традиционными для жанра словами благодарности в адрес покойного и уверением в сохранении о нем памяти: «Эта память всегда останется живою как неразрывная связь между добрым старым време-

нем и теми, которые, в этой славной связи, видят нашу опору, силу и мощь на служение Царю и отечеству»[29].

Памяти друга Ф. А. Свечина и брата В. Н. Бибикова посвящен мемориальный очерк Н. Н. Бибикова[30], акцентирующий внимание на внутреннем мире героя, социально-психологической мотивации его поступков, индивидуальном и типическом в характере. Как отметил А. А. Тертычный, «для автора очень важно обнаружить такой «участок» на жизненном пути героя, который содержит некие неординарные трудности. Именно здесь можно обнаружить конкретные проявления характера героя, его таланта, упорства, трудолюбия и других значимых, с точки зрения достижения цели, качеств» (2017: 255). Автор очерка вспомнил нестандартный случай, произошедший с ними на охоте. Василий Николаевич один затравил волка, проявив мужество и испытав азарт от встречи с матерым зверем, а Свечин, увидев следы крови на своем спутнике, не растерялся и быстро сообщил об опасности Н. Н. Бибикову. Автор подчеркнул лучшие качества близких ему людей, но типичные для настоящих охотников: смелость и отвагу Бибикова, готовность прийти на помощь Свечина.

Прощаясь со своими друзьями, авторы нередко использовали эмоционально-образные средства. В некрологах об охотниках часты обращения к природной образности. Вспоминая Н. Г. Бунина, С. В. Озеров сравнил умершего товарища, прекрасного литератора, своего «брата», с «мощным раскидистым деревом», которое смиряется перед общим законом бытия.

Некролог иногда становился поводом для актуализации важных для охотника вопросов. Например, М. Фоминский в некрологе о Э. А. Новицком не только представил его заслуги в развитии собаководства, но и отметил тяжелое положение отрасли в России. Автор упрекнул соотечественников в небрежном отношении «к статусу собакозаводчика в Отечестве»[31].

Глубоким сочувствием и грустью исполнены некрологи и другие публикации, напечатанные в журнале в связи со смертью учителей и наставников.

«В память незабвенного учителя» – так назван мемориальный очерк Озерова о Н. П. Ермолове, посвященный пятилетней годовщине со дня смерти авторитетного охотника, собакозаводчика, создателя «псовой литературы»: «Его советы – без лицемерия, его помощь – без задней мысли, его отзывчивость не покупная,

его расположение – до конца дней»[32]. При характеристике наставников нередко использовалась высокая лексика: «светоч», «маяк», «певец», которая позволяет рассматривать охотников-деятелей как носителей высоких идей истины и просвещения.

В 1903 г. не стало С. В. Озерова. Целый номер был посвящен ему, «страстному борцу за интересы охотников, бескорыстно и самоотверженно служившему делу благородной страсти и объединившему всех в одну семью на страницах своего издания»[33]. Таким образом, можно заключить, что мемориальные очерки имели цель не только раскрыть личность покойного, вспомнить его положительные качества, но и популяризовать его взгляды на развитие охотничьего дела, актуализировать важные вопросы отрасли. На примере своих товарищей и учителей сотрудники журнала воспитывали в начинающих охотниках уважение к национальным природным богатствам и охотничьим традициям. Многие мемориальные тексты являются единственным источником информации об этих людях и поэтому представляют культурную и историческую ценность.

Вопрос–ответ – популярный жанр в издании. Читателей интересовали вопросы ветеринарии, приобретения качественного охотничьего оружия, дрессировки собак, ухода за питомцами и др. Иногда встречались подзаголовки «ответы на ответы», «ответ на статью», «мысли по поводу статьи», когда редакция комментировала, дополняла, уточняла, опровергала ответы своих корреспондентов, пытаясь выстроить диалог с собеседником.

В блок информационных жанров органично включены рекомендательная библиография и информация о подписке.

В отделе «Библиография» сотрудники извещали о книжных новинках в сфере охоты с указанием необходимых для аннотированной библиографии параметров, чтобы сориентировать читателей. Так, например, А. П. Ивашенцов аннотировал книги по оружию, специалист по гончим Н. П. Кишенский представлял книги по собаководству. Собиратель и издатель охотничьей литературы Н. Ю. Анофриев давал рекомендации по составлению охотничьих библиотек. Он справедливо утверждал, что столичному коллекционеру проще найти нужную книгу в букинистическом магазине, чем провинциальному охотнику. Но и тому, и другому, прежде чем приступить к составлению библиотеки, необходимо определить цель и вооружиться списком необходимых книг с краткими их характеристиками[34].

Из аналитических жанров в журнале преобладали *научно-популярная статья* и *обозрение*.

Аналитические статьи освещали вопросы охоты и смежные с ней темы. Авторами статей были профессионалы, компетентные в своей области люди, предоставлявшие информацию доступным для читателя языком, так как журнал Озерова предназначался для широкой аудитории с разным уровнем знаний и подготовки к охотничьей деятельности.

Научно-популярные статьи не содержали сложных синтаксических конструкций с вводными словами, однородными членами, деепричастными и причастными оборотами. Стилистической особенностью является их экспрессивность. Художественные средства выполняли роль коммуникатора и обеспечивали плавный переход от авторской идеи к готовому произведению, не нарушая при этом принцип доступности и наглядности научно-популярного стиля. Используя доступные средства, авторы статей популяризировали научное знание, вели разговор с читателем на равных.

Например, С. В. Озеров в статье «Наши гончие» поднял вопрос о сохранении породы гончих, улучшении их полевых качеств. С этой целью автор предложил проводить полевые испытания и поделился с товарищами разработанными правилами. Статья структурирована: во введении поставлена проблема, в основной части предложены пути ее решения, заключение содержит предложение обсудить правила и внедрить в практику.

В статье содержатся специальные термины, которые поясняются: «Послушание гончих должно быть испытываемо и при набросе, т. е. разомкнутые гончие должны стоять под островом и не бросаться без приказания»[35].

В статье «Происхождение слова “браконьер” и кое-что о них во Франции» автор Де-Рюэ в популярной форме рассказал историю слова, его значение в современном мире. Однако главная задача статьи – привлечь внимание к острой проблеме браконьерства, описать опыт борьбы с нарушителями закона во Франции в XVI в. Автор привел примеры действий судей, статистику преступлений против законов охоты во Франции, рассказал о методах перевоспитания браконьеров[36].

В разделе «Орнитология» опубликована статья «Утка серая», в которой автор, Н. А. Оглоблин, доступным языком описал внешний вид водоплавающей птицы, специфику питания, места обитания, характер пребывания, гнездовой ареал[37]. Охотнику важно

не только познакомить читателя с одним из видов семейства утиных, но и выступить с пропагандой правильных способов ловли дичи.

Редакция уделяла внимание *обозрению* как одному из жанров аналитической журналистики, в котором объединены объективность изображения и субъективность, эмоциональность оценки. В издании представлен обзор охотничьей жизни за рубежом. Предметом наблюдения стали организации выставок собак, система разведения собак, вопросы дрессировки, статуса охотничьей литературы, развития охотничьей периодики и другие. Обозреватель представляет информацию и комментирует ее, эмоционально излагая свою позицию, что объясняется желанием поддержать отечественную охоту в целом, продемонстрировать читателям некоторые преимущества национальной охоты перед организацией охотничьих хозяйств на Западе. Таким образом, материалы, представленные в аналитических жанрах, познавательны, поучительны, информативны, практико-ориентированны. В них объединены теоретические положения и практические советы, что позволяло на научной основе внедрять в сознание рядового охотника правила поведения на охоте в целях сохранения природных ресурсов.

В журналах С. В. Озерова хорошо представлены художественно-публицистические жанры. В беллетристическом отделе публиковали произведения А. И. Вышеславцев, Д. А. Вилинский, Н. А. Вербицкий, сам издатель. Описания приключений охотников сочетались с лирическими зарисовками, фактический материал перемежался образно-поэтическими картинами.

Фельетон в журнале занимал достойное место, так как отражал актуальные для отрасли проблемы в зеркале сатиры. Он был оформлен в виде полного подвала с отбивкой сверху, отделенного от других материалов сплошной линейкой, который размещался на 2–3 страницах. Фельетоны развивали темы передовых статей: в них высмеивалась сомнительная компетентность некоторых собаководчиков, экспертов на выставках собак, критиковалась издательская деятельность журналов-конкурентов.

Благодаря беллетристическому отделу и фельетону журнал представлял интерес для широкой аудитории, предпочитающей занимательное, увлекательное чтение.

Проекты С. В. Озерова после смерти руководителя

После смерти Озерова в 1903 г. журнал «Псовая и ружейная охота» перешел в собственность Московского общества охоты имени Александра II и переехал в Москву, где на Малой Дмитровке, 14, в доме Вострякова разместилась редакция во главе с К. В. Мошниным (1861–1921), секретарем Общества, авторитетным в охотничьей среде собаководом-заводчиком, общественным деятелем, знающим обстановку российской жизни. Программа журнала и подписная цена не были изменены[38]. Журнал под названием «Псовая и ружейная охота» выпускался до 1907 г.

В 1908–1914 гг. журнал издавался под названием «Семья охотников»[39]. Он выходил два раза в месяц объемом 25 страниц. Ведущие отделы: орнитология, собаководство, охотничье оружие, псовая охота, рассказы и очерки, хроника, вопросы и ответы, объявления, библиография (с номера 2. – *А.Л.*). Первым его издателем-редактором был бывший помощник Озерова – А. А. Торсков. Для оформления журнала продолжали использоваться клише, изготовленные художником А. Н. Комаровым еще по заказу Озерова. Издатели старались придерживаться прежней концепции: приглашали известных авторов, выпускали отдельные книги по охотничьей тематике, дарили премии подписчикам. С журналом сотрудничали С. А. Бутурлин, Н. А. Вербицкий, А. И. Вышеславцев, Л. К. Гешель, В. В. Де-Коннор, Н. П. Кишенский, С. А. Кареев, К. В. Мошнин и другие специалисты в сфере охоты. В качестве бесплатных премий и приложений подписчикам предлагали рассказы и стихи Н. А. Вербицкого объемом 120 страниц, избранные рассказы и статьи по псовой охоте (объемом 150 страниц) Н. П. Ермолова, псового охотника и собакозаводчика, три оригинальных рисунка Комарова, изображающих типичные головы трех пород охотничьих собак – борзой, гончей и сеттера. В качестве дополнительной премии можно было получить художественно выполненную картинку охоты с гончими за 1 руб. 50 коп.

Журнал создавался для широкого круга охотников с целью обсуждения основных вопросов охоты и смежных с ней областей. Авторы исключили из программы издания освещение политических вопросов и выражали готовность публиковать «критические статьи, всякое новое и смелое слово по охотничьему вопросу»[40].

Передовицы издатель планировал посвятить обсуждению охотничьих законов, вопросов о мерах и формах наказания за несо-

блюдение правил поведения на охоте. Редакторы рассматривали охоту не как развлечение, забаву и форму досуга, а как дело, нелегкий труд, результатом которого станет урегулирование действий охотников, установление для них правил на законных основаниях. Задача журнала – стать трибуной, с высоты которой можно «призвать охотников к планомерному труду, к устроению нашей охоты»[41]. Печатался журнал «Семья охотников» в Туле в типографии Е. И. Дружининой. Редакция и контора находились в Москве по адресу 4-я Мещанская, 3-й Троицкий пер., дом № 5, тел. 62–51. Подписная цена на год составляла 3 руб. 50 коп., для заграницы – 6 руб. В каждом номере было опубликовано тринадцать–пятнадцать материалов небольшого объема.

В 1909 г. издателем-редактором стал С. Т. Павлов – владелец оружейного магазина в Москве. Позднее журнал несколько раз менял собственника, пока в 1913–1914 гг. не стал печатным органом Специального отделения псовой охоты при Московском обществе охоты имени Императора Александра II[42]. С началом Первой мировой войны издание журнала прекратилось.

Журнал «Охота» взял в свои руки присяжный поверенный И. К. Оппоков, помогавший вдове С. В. Озерова в оформлении прав на наследство. Новый владелец сохранил периодичность – 24 номера в год, объем – 16–18 страниц, низкую стоимость подписки – 2 руб.; заявил тираж первого номера за 1904 г. в 20 000 экземпляров и пообещал всем подписчикам разослать его бесплатно. Появилась новая рубрика, знакомящая читателей с сотрудниками «Охоты», которые делятся с ними своими знаниями. На иллюстрациях изображались сцены русской охоты, а не экзотические животные. Однако, несмотря на активные действия издателя, журнал прекратил свое существование в 1907 г. без предварительных объявлений.

Заключение

Таким образом, анализ программы, содержания, жанрово-тематической палитры и других типологических параметров журнала «Псовая и ружейная охота» дает все основания считать его образцом «народного» издания. Подготовленное интеллектуалами, оно ориентировалось в первую очередь на рядовых охотников, мало знакомых с охотничьим делом.

Его отличительной особенностью стала установка на диалог, о чем свидетельствуют рубрики «Вопросы–Ответы», «Корреспонденции», подзаголовки материалов: «Ответы», «Ответ на ответ», «Возражения» и др. Аналитические статьи помогали начинающим охотникам разобраться в сложных вопросах проведения охоты, а художественно-публицистические произведения увлекали подписчиков острыми сюжетами, захватывающими сценами, пейзажными зарисовками и поэтическими откровениями.

Доверие к журналу и другим проектам внушала личность самого С. В. Озерова, опытного охотника, честного, принципиального в вопросах издательской и финансовой политики человека, и высокая оценка его деятельности членами охотничьего сообщества. Журнал был публично признан органом многих крупных охотничьих обществ России, а его руководитель являлся почетным членом большинства из них. Кроме того, журнал привлекал читателей дешевой подпиской, премиями, возможностью рассрочки платежа, цветными репродукциями картин на охотничьи темы и др. Журнал сочетал высокое качество материала и доступные формы его подачи – словесные и наглядные.

Издательские проекты С. В. Озерова стали связующим звеном между провинцией и центром, теоретиками и практиками, интеллектуалами и массовой аудиторией, что способствовало решению многих отраслевых задач, в первую очередь – по спасению псовой охоты. Недорогой «тонкий» провинциальный журнал занял лидирующую позицию в популяризации идей правильной охоты среди малообразованного населения империи, живущего далеко от столичных городов.

Примечания

[1] РГИА. Ф. 776. Дп. 12. Д. 35: Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. По ходатайству Озерова и Курдюмова о разрешении издавать в селе Свиридове журнал «Псовая и ружейная охота». 1894 г.

[2] *Соколов Ю.* Народная литература // ФЭБ. Режим доступа: https://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4741.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения 30.01.2024).

[3] *Озеров С. В.* От редакции // Псовая и ружейная охота. 1894. № 1. С. 5.

[4] *Озеров С. В.* От редакции // Псовая и ружейная охота. 1894. № 4. С. 53.

[5] *Громова Т. А.* Архив С. А. Бутурлина. Анализ корреспонденции дореволюционного периода// Бутурлинский сборник: мат. I Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной памяти С. А. Бутурлина (19–22 сентября 2002). Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2003. С 113–122.

[6] Письма С. В. Озерова С. А. Бутурлину. Режим доступа: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1593&Itemid=45 (дата обращения 07.09.2023).

[7] Там же.

[8] От редакции. 1 ноября // Псовая и ружейная охота. 1894. № 5. С. 68–69.

[9] Письма С. В. Озерова С. А. Бутурлину. Режим доступа: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1593&Itemid=45 (дата обращения 07.09.2023) .

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] От редакции// Псовая и ружейная охота. 1894. № 2. С. 20.

[13] Там же.

[14] От редакции// Псовая и ружейная охота. 1894. № 3. С. 36.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] От редакции// Псовая и ружейная охота. 1895. № 13. С. 282.

[20] От редакции// Псовая и ружейная охота. 1895. № 17. С. 389.

[21] Там же. С. 390.

[22] *Чертков В. Г.* Злая забава// Новое время. 1890. № 5284 от 13 ноября // Толстой Л. Н. ПСС. В 30 т. М. : Терра, 1992. Т. 27. С. 711.

[23] *Толстой Л. Н.* Предисловие к статье В. Черткова «Злая забава» // Чертков В. Злая забава (мысли об охоте). Издание «Посредник», 1890. С. 3-4.

[24] *Быховецкий К.* Забава ли охота // Псовая и ружейная охота. 1901. № 2. С. 14.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] *Фокин Н.* Утиное царство // Псовая и ружейная охота. 1895. № 13. С. 298.

[28] Ред. Некролог // Псовая и ружейная охота. 1894. № 1. С. 6–7.

[29] Там же.

[30] *Бибиков Н. Н.* Памяти друга и брата // Псовая и ружейная охота. 1894. № 4. С. 57–58.

[31] *Фоминский М.* Эмерик Александрович Новицкий // Псовая и ружейная охота. 1894. № 4. С. 52.

[32] *Озеров С. В.* Николай Петрович Ермолов. В память незабвенного учителя // Псовая и ружейная охота. 1895. № 18. С. 425-427.

[33] *Писарев А.* Сергей Владимирович Озеров. Некролог // Псовая и ружейная охота. 1904. № 47–48. С. 620.

[34] *Анофриев Н.* О составлении охотничьих библиотек // Псовая и ружейная охота. 1904. № 31. С. 504–505.

[35] *Озеров С. В.* Наши гончие // Псовая и ружейная охота. 1894. № 5. С. 77.

[36] *Де-Рюэ* Происхождение слова «браконьер» и кое-что о них во Франции// Псовая и ружейная охота. 1894. № 6. С. 96–98.

[37] *Оглоблин Н. А.* Утка серая // Семья охотников. 1908. № 1. С. 3.

[38] От редакции // Псовая и ружейная охота. 1904. № 47–48. С. 624.

[39] РГИА. Ф. 776. Оп. 16 Ч. 1 (1906–1908). Д. 1528: Об издании в Москве журнала «Семья охотников»; РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2 (1909–1910). Д. 594: Об издании в Москве журнала «Семья охотников».

[40] От редакции // Семья охотников. 1908. № 1. С. 1.

[41] *Разевиг В. А.* На пороге к делу // Семья охотников. 1908. № 1. С. 3.

[42] Семья охотников// ФЭБ. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb3/bb3-2101.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 30.01.2024).

Библиография

Акопов А. И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория, практика. Ростов-на-Дону: Терра, 2002.

Алексеев К. А. Спортивная пресса России XIX – начала XX вв.: историко-типологический анализ: дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2008.

Балашова Ю. Б. Типология научно-популярной прессы начала XX века // Учен. зап. Казанск. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, № 3. С. 680–690.

Войтик Е. А. Спортивный медиатекст: закономерности становления и парадигма развития: дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016.

Кубышко О. В. Кинологическая тематика в специализированной прессе: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2017.

Ляпина А. В. Возникновении и развитие охотничьей периодики в дореволюционной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 4. С. 85–113.

Махель Д.А. Журнал «Псовая и ружейная охота», основанный в Веневе в 1894 году // Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. мат. VII Междунар. науч.-практ. конф. Тула, 2020. С. 348–351.

Оболенский А. А. Старый холостяк // Антология русской охоты. М: Аквариум-Принт, 2004. С. 179–212.

Овсепян Р. П. Периодическая печать России. Система, типология. М: Акад. изд-во МЭГУ, 1995.

Поддубный М. «Барышей нам от издания не нужно». Письма С. В. Озерова С. А. Бутурлину // Охотничьи просторы. 2003. № 35. С. 202–230.

Слюсаренко Е. А. Специализированные журналы о спорте: типологические и профильные характеристики: дисс... канд. филол. наук. М., 2003.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2017.

Типология периодической печати: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. *М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской*. М.: Аспект Пресс, 2009.

Тулупов В.В. Теоретический и практический аспекты типологии периодических изданий // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2007. № 3–4 (66–67). С. 36–44.

Notes

Anofriev N. (1904) O sostavlenii okhotnich`ikh bibliotek [On the Compilation of Hunting Libraries]. *Psovaya i ruzheynaya okhota* 31: 504–505.

Bibikov N. N. (1894) Pamyati druga i brata [In Memory of a Friend and Brother]. *Psovaya i ruzheynaya okhota* 4: 57–58.

Bykhovetskiy K. Zabava li okhota [Is Hunting Fun?] (1901) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 2: 14.

Chertkov V. G. (1890) Zlaya zabava [Evil Fun] *Novoe vremya* 5284.

De-Ryue` (1894) Proiskhozhdenie slova «brakon'er» i koe-chto o nikh vo Frantsii [The Origin of the Word "Poacher" and Some Information About Them in France]. *Psovaya i ruzheynaya okhota* 6: 96–98.

FEB: Sem`ya okhotnikov [A Family of Hunters]. Available at: http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb3/bb3-2101.htm?cmd=0&istext=1 (accessed: 07.09.2023) (In Russian)

Fokin N. (1895) Utinoe tsarstvo [Duck Kingdom]. *Psovaya i ruzheynaya okhota* 13: 298.

Fominskiy M. (1894) Emerik Aleksandrovich Novitskiy [Emerik Aleksandrovich Novitsky]. *Psovaya i ruzheynaya okhota* 4: 52.

Gusev N.N., Pestova V.D. (1992) Kommentarii [Comments]. In Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy v tridtsati tomah* [Collected Works in 3 Volumes]. Moscow: Terra V. 27. P. 711.

Gromova T. A. (2003) Arkhiv S.A. Buturlina. Analiz korrespondentsii dorevolyutsionnogo perioda [Archive of S.A. Buturlin. Analysis of Correspondence of the Pre-Revolutionary Period]. In *Buturlinskiy sbornik* [Buturlinsky Collection: Proceedings of the Research-to-Practice Conference]. Ulyanovsk. Pp. 113–122.

Ogloblin N. A. (1908) Utka seraya [Grey Duck]. *Sem`ya okhotnikov* 1: 3.

Ot red. [Editorial Note] (1908*) Sem`ya okhotnikov* 1: 1.

Ot redaktsii [Editorial Note] (1894) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 3.

Ot redaktsii [Editorial Note] (1895) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 13.

Ot redaktsii [Editorial Note] (1895) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 17.

Ot redaktsii [Editorial Note] (1904) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 47–48.

Ot redaktsii [Editorial Note] (1904) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 47–48: 624.

Ot redaktsii. 1 noyabrya [Editorial Note] (1894) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 5: 68–69.

Ozerov S. V. (1894) Nashi gonchie [Our Hounds]. *Psovaya i ruzheynaya okhota* 5: 77.)

Ozerov S. V. (1895) Nikolay Petrovich Ermolov. V pamyat` nezabvennogo uchitelya [Nikolay Petrovich Ermolov. In Remembrance of the Unforgettable Teacher]. *Psovaya i ruzheynaya okhota* 18: 425–427.

Ozerov S. V. Ot redaktsii [Editorial Note] (1894) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 1: 5.

Ozerov S. V. Ot redaktsii [Editorial Note] (1894) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 4: 53.

Pis`ma S. V. Ozerova S. A. Buturlinu [Letters of S. V. Ozerov to S. A. Buturlin]. Available at: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1593&Itemid=45 (accessed: 07.09.2023).

Pisarev A. (1904) Sergey Vladimirovich Ozerov. Nekrolog [Sergey Vladimirovich Ozerov. Obituary]. *Psovaya i ruzheynaya okhota* 47–48: 620.

Razevig V. A. (1908) Na poroge k delu [On the threshold to work]. *Sem`ya okhotnikov* 1: 3.

Red. Nekrolog [Obituary] (1894) *Psovaya i ruzheynaya okhota* 1: 6–7.

RGIA. F. 776 Op. 16 Ch. 1 (1906–1908). D. 1528 [Russian State Historical Archive. Fund 776. Inv. 16. Part 1 (1906–1908). d. 1528].

RGIA. F. 776. Op. 12. D 35 [Russian State Historical Archive. Fund 776. Inv. 12. D. 35].

Sokolov Yu. *Narodnaya literatura* [Folk Literature]. FEB: Available at: https://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4741.htm?cmd=0&istext=1 (accessed: 30.01. 2024)

Tolstoy L.N. (1890) Predislovie k stat`e V. Chertkova «Zlaya zabava» [Preface to the Article by V. Chertkov «Evil Fun»]. In Chertkov V. *Zlaya zabava (my`sli ob okhote*) [Evil Fun (Thoughts About Hunting)]. Pp. 3–4.

References

Akopov A. I. (2002) *Nekotorye voprosy zhurnalistiki: istoriya, teoriya,* praktika [Some Issues of Journalism: History, Theory, Practice]. Rostov-on-Don: Terra Publ. (In Russian)

Alekseev K. A. (2008) *Sportivnaya pressa Rossii XIX – nachala XX vv.: istoriko-tipologicheskiy analiz*: diss. ... kand. filol. nauk [The Sports Press of Russia in the 19th Century to the Early 20th Century: Historical and Typological Analysis. PhD thesis]. St.Petersburg. (In Russian)

Voytik E. A. (2016) *Sportivnyy mediatekst: zakonomernosti stanovleniya i paradigma razvitiya* diss. ... d-ra filol. nauk [Sports Media Text: Patterns of Formation and Paradigm of Development: Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg. (In Russian)

Balashova Yu. B. (2017) Tipologiya nauchno-populyarnoy pressy nachala XX veka [Typology of the Popular Scientific Press of the Early 20th Century]. *Uchen. zap. Kazansk. un-ta. Ser.: Gumanitarnyye nauki* 3 (159): 680–690. (In Russian)

Kubyshko O. V. (2017) *Kinologicheskaya tematika v spetsializirovannoy presse*: diss. ... kand. filol. nauk [Cynological Subject in the Special Interest Press. PhD thesis]. Rostov-on-Don. (In Russian)

Lyapina A. V. (2021) Vozniknovenie i razvitie okhotnich'ey periodiki v dorevolyucionnoy Rossii [Emergence and Development of Hunting Periodicals in Pre-Revolutionary Russia]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 4: 85–113. (In Russian)

Mahel D. A. (2020) Zhurnal Psovaya i ruzheynaya okhota, osnovanny v Venyove v 1894 godu [The Magazine Hound and Gun Hunting, Founded in Venev in 1894] In *Mir oruzhiya: istoriya, geroi, kollektsii. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The World of Weapons: History, Heroes, Collections. International Research-to-Practice Conference]. Tula. Pp. 348–351. (In Russian)

Obolenskiy A. A. (2004) Staryy holostyak [The Old Bachelor] In *Antologiya russkoy okhoty* [An Anthology of Russian Hunting]. Moscow: Aquarium-Print Publ. Pp. 179–212. (In Russian)

Ovsepyan R. P. (1995) *Periodicheskaya pechat' Rossii. Sistema, tipologiya* [Periodical Press of Russia. System, Typology]. Moscow: Acad. MAGU Publ. (In Russian)

Poddubnyy M. (2003) Pis'ma S. V. Ozerova S. A. Buturlinu [Letters from S. V. Ozerov to S. A. Buturlin]. *Ohotnich'i prostory* 35: 202–230. (In Russian)

Slyusarenko E. A. (2003) *Spetsializirovannye zhurnaly o sporte: tipologicheskie i profil'nye kharakteristiki*: diss. ... kand. filol. nauk. [Special Interest Magazines About Sport: Typological and Profile Characteristics. PhD thesis]. Moscow. (In Russian)

Tertychnyi A. A. (2017) *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of the Periodical Press]. Moscow: AspektPress Publ. (In Russian).

Tulupov V. V. (2007) Teoreticheskiy i prakticheskiy aspekty tipologii periodicheskikh izdaniy [Theoretical and Practical Aspects of the Typology of Periodicals]. *Aktsenty. Novoe v massovoy kommunikatsii* 3–4 (66–67): 36–44. (In Russian)

Shkondin M. V., Resnyanskaya L. L. (eds.) (2009) *Tipologiya periodicheskoy pechati: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Typology of Periodicals: a Study Guide for University Students]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
30.09.2023

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ромакина Мария Александровна, старший преподаватель кафедры фотожурналистики и технологий СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: romakina@mail.ru, ORCID 0009-0009-3695-3878

ФОТОЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СССР В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

В статье изучаются образовательные программы 1920 – начала 1930-х гг., нацеленные на подготовку фотожурналистов в СССР. Понятие «программа» толкуется расширительно: это не только специализированные курсы и циклы лекций, но и фотоконкурсы, фотовыставки, обучающие публикации и циклы публикаций СМИ, которые, ввиду отсутствия системной подготовки фотожурналистов в изучаемый период, служили своего рода профессиональной школой и позиционировались организаторами как образовательная инициатива. В работе собраны сведения об истории создания и функционирования программ, реализуемых различными учреждениями: общественными организациями (Ассоциация фоторепортеров, ОДСК), вузом (ГИЖ), фотоагентством («Пресс-клише» ТАСС), СМИ (редакции журналов «Огонек», «Советское фото»), проводится сравнительный анализ их структуры, тематических и методологических особенностей.

***Ключевые слова**: фотожурналистика, фотообразование, фотоагентство, Ассоциация фоторепортеров, ГИЖ, «Огонек», ОДСК, «Советское фото», «Пресс-клише» ТАСС.*

Как цитировать: *Ромакина М. А.* Фотожурналистское образование в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2024. № 2. С. 139–167. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.139167

Maria A. Romakina, Senior Lecturer at the Chair of Photojournalism and Media Technologies, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: romakina@mail.ru, ORCID 0009-0009-3695-3878

PHOTOJOURNALISM EDUCATION IN THE USSR IN THE 1920S – EARLY 1930S

The article educes, systematizes and analyzes data about educational programs of the 1920s – early 1930s aimed at training photojournalists in the USSR. The concept of "program" is interpreted broadly: it includes not only profession-oriented courses and lecture series but also educational publications and series of publications, which, due to the lack of systematic training of photojournalists in

the period under study, served as a kind of professional school for existing and future press employees. Information about the history of the creation and functioning of programs implemented by various institutions – public organizations (Association of Photo Reporters, ODSK), a university (GIZH), a photo agency (TASS Press-cliché), the media (magazines "Ogonyok", "Sovetskoe Foto") was reconstructed. A comparative analysis of their structure, thematic and methodological aspects was also conducted. A special feature of the first stage of the development of photojournalism education in the USSR (1920s – early 1930s) is the multipolarity of learning initiatives. The combination of face-to-face and extramural courses made it possible to involve both Moscow-based and regional educators. Practicing photojournalists were involved in teaching – the workshop method of training, which was the main one in the field of photography in pre-revolutionary Russia and was justified due to the practical orientation of the craft, was preserved and raised to a new level: from training in a narrow circle of colleagues in a photo studio – to seminars and lectures in courses where the number of students was already in the dozens. A feature of the period under study is the hyper-active participation of the media in the training of photojournalists, which helped establish this profession by the early 1930s relatively mass.

***Key words**: photojournalism, photo education, photo agency, Association of Photo Reporters, GIZH, "Ogonyok", ODSK, "Sovetskoe Foto", TASS Press-cliché.*

To cite this article: Romakina M. A. (2024) Fotozhurnalistskoe obrazovanie v SSSR v 1920-e – nachale 1930-kh gg. [Photojournalism Education in the USSR in the 1920s – Early 1930s.]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 139–167. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.139167

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.139167

Введение

В 1920-е гг. фотография постепенно начала вытеснять графическую иллюстрацию со страниц газет и журналов: «В каждом рисунке есть элементы личного творчества художника, его воображения, фантазии. В фотографии ничего подобного быть не может, фото-снимок – это действительность, схваченная машиной, и потому за фотографией – бесспорное превосходство над рисунком»[1]. Профессия фотожурналиста становилась все более массовой: не только центральные, но и региональные издания начинали сотрудничать со снимающими на регулярной основе. Правда, в регионах большей частью работали фотографы-любители: профессиональных кадров не хватало. Традиции подготовки специалистов еще не были сформированы. Одни приходили в фотожурналистику из портретных фотоателье, сменив павильонные

камеры на «моментальные». Другие получали художественное или операторское образование, а фотографии доучивались самостоятельно или в кружках. Высший институт фотографии и фототехники, учрежденный в Петрограде декретом СНК от 9 сентября 1918 г., пресс-фотографов не готовил. Как не готовила их и созданная в 1921 г. Государственная академия художественных искусств (ГАХН). При участии Русского фотографического общества здесь проходили занятия по фотографии, однако они были нацелены на создание произведений искусства. Пресс-фотографию, как и фотографию вообще, на тот момент еще не включали ни в одну из групп «карты наук» – техническую, социальную или искусствоведческую (Сомов, 1927).

Фотоискусство и павильонная фотография сущностно отличались от журналистских снимков. Так, у портретистов была популярна съемка групп, что для газетного фоторепортера не считалось интересным сюжетом: «Поезжайте в любой праздничный денек куда-нибудь на Воробьевы Горы: вы всюду увидите эти чинно усевшиеся группы, завороженные открывшимся зрачком об'ектива, напряженно подобравшие губы, чтобы не засмеяться, вытаращившие глаза, чтобы не мигнуть. Сниматься у нас любят. Но <...> как деревянно выходят все эти группы <...> Нужно научить <...> схватывать злободневные, острые моменты из жизни завода и деревни по-газетному»[2]. Популярные в дореволюционной печати «буржуазные» сцены (аристократические свадьбы, изображение трехголового теленка или курящей обезьяны, самой красивой женщины или самого крупного мужчины) сходят со страниц прессы, уступая место показу жизни рабочих. Утвердился и окреп фоторепортаж, а он требовал от снимающего квалификации, и довольно высокой: «Не каждый старый, всю жизнь проведший в ателье и в лаборатории, профессионал-фотограф может сразу сделаться фото-журналистом»[3]. Пресс-фотограф – это не только специалист с особыми навыками съемки (умение фиксировать события, движение), но и «политически грамотный» человек: советская власть позиционировала печать как «могучее орудие» пропаганды и агитации. Для усиления ее политического влияния надлежало укреплять редакции и преподавательский состав коммунистическими работниками – эти директивы закреплялись в партийных документах: в резолюции «О партийной и советской печати» (1919), циркуляре «О периодической печати» (1922), постановлении «Главнейшие задачи партии в области печати» (1924)[4] и др.

Чтобы восполнить нехватку кадров, в середине 1920-х гг. было инициировано масштабное рабселькоровское движение. К началу 1930-х от рабселькоров ожидали, что они, участвуя, как и ранее, в борьбе за трудовой план, дисциплину, соцсоревнование, станут более дифференцированно подходить к освещению развития различных отраслей промышленности (угольной, металлургической и др.) и сельского хозяйства, что, конечно, требовало более серьезной экономической и профессиональной подготовки[5]. И для рабкоров, и для штатных сотрудников редакций газет, ТАСС, ОГИЗ, Радиоцентра обучение рекомендовали сделать систематическим[6]. В рамках рабселькоровского сформировалось в виде самостоятельного ответвления фотокоровское движение: любителей, освоивших фотографию, было решено привлекать к общественной работе, к сотрудничеству с фабрично-заводскими, сельскими и красноармейскими газетами. Не только низовой, но и «большой» прессе следовало обратить внимание на их снимки. Фотографию мыслили как благороднейший и ценнейший вид технического искусства, лучший способ зрительного запечатления и ожидали, что фотографирование будет становиться все более и более массовым: «<...> как каждый передовой товарищ должен иметь часы, так он должен уметь владеть фотографической камерой. И это со временем будет. В СССР будет как всеобщая грамотность вообще, так и фотографическая грамотность в частности»[7].

Начиная с середины 1920-х гг. редакции СМИ и специализированные учреждения предпринимали попытки обучать пресс-фотографов как фотографов особой категории. Первые образовательные опыты следует связывать прежде всего с деятельностью следующих организаций:

1) журнал «Огонек» (издатель – «Мосполиграф» в 1923–1926, АО «Огонек» в 1926–1931, «Жургаз» с 1931);

2) Ассоциация фоторепортеров при Доме печати (Москва);

3) журнал «Советское фото» (издатель – АО «Огонек» в 1926–1931, «Жургаз» с 1931);

4) Общество друзей советской кинематографии (ОДСК)[8];

5) Государственный институт журналистики (ГИЖ);

6) «Пресс-клише» ТАСС.

Образовательные программы, которые были инициированы данными организациями, различались целеполаганием, структурой, методикой обучения и аудиторией.

Обзор академической литературы и методика исследования

Советская фотография 1920 – начала 1930-х гг. к настоящему моменту изучена достаточно подробно, в том числе пресс-фотография (Стигнеев, 2018; Melot-Henry, 2012), однако проблема становления фотожурналистского образования все еще остается *terra incognita*. При этом обучение пишущих журналистов и редакторов, т. е. коллег по цеху, попадало в фокус внимания исследователей (Фатеева, 2008). Фотографическое же образование если и изучали, то без специализации на пресс-фотографии: как основную деятельность первого советского фотографического вуза (Гусак, Варначева, 2020; Захарова, 2016), как часть системы медиаобразования (Горбаткова, 2014), как инициативу отдельных фотографов, в частности С. Прокудина-Горского (Станулевич, 2018). Перечисленные работы представляют несомненный интерес для понимания исторического контекста, в котором появились первые образовательные инициативы в области фотожурналистики. Важными оказываются и публикации, посвященные советской печати анализируемого периода (Максимов, 1964).

Хронологическую рамку исследования (1920-е – начало 1930-х гг.) задала логика исторического процесса: в 1931 г. было основано фотоагентство «Союзфото» и запущен процесс централизации фотографической индустрии, к 1931–1932 гг. большая часть рассматриваемых образовательных инициатив прекратила свое существование, в частности в связи в перестройкой общественных организаций. Изучаемый нами период А. С. Вартанов выделяет как второй в истории развития фотопублицистики – ранний советский период, когда обозначилась общественная миссия фотожурналиста (2008).

Исследование проводилось в два этапа. На первом мы выявили источники, содержащие сведения о фотожурналистском образовании в СССР 1920 – начала 1930-х гг., на втором систематизировали и проанализировали их. Все обнаруженные источники можно разделить на три группы: архивные документы, публикации в СМИ, методические материалы (книги, брошюры).

Архивный поиск к настоящему моменту не дал обширных данных. Были обнаружены сведения по истории издания журнала «Советское фото» в довоенный период (ГАРФ. Ф. А-299), однако по большей части они затрагивают организационные вопросы, но не образовательную миссию журнала. Были выявлены документы по истории «Пресс-клише» ТАСС (ГАРФ. Ф. Р-4459), но в них

также крайне скудны упоминания об образовательных инициативах фотоагентства. В весьма обширном корпусе документов из истории ГИЖ к настоящему моменту не удалось отыскать информации о том, как дискутировался вопрос включения дисциплин по фотожурналистике в общую программу и как шло их преподавание на практике.

В отличие от архивных документов, корпус публикаций в СМИ по исследуемой теме оказался насыщен данными. Мы изучили подшивки номеров специализированных изданий о журналистике («Журналист», «Рабоче-крестьянский корреспондент») и о фотографии («Советское фото», «Фотограф»), а также журнала «Огонек», ведущего советского иллюстрированного издания того времени, методом сплошной выборки, выявляя все публикации, которые так или иначе затрагивают вопросы фотожурналистского образования. Исследованный массив текстов включает новостные заметки и статьи, а также методические материалы, адресованные обучающимся фотографии в целом и пресс-фотографии в частности, руководителям фотокружков.

Особенно ценной представляется третья группа источников – брошюры и книги, которые служили учебно-методическими материалами и рассылались по почте. Часть из них содержит информацию о структуре образовательных программ[9], часть является методическими разработками по конкретным темам (Болтянский, 1930; Бунимович, 1928; Вострогин, 1930; Домарадский, 1930; Межеричер, Яштолд-Говорко, 1930).

Работая с корпусом источников, мы столкнулись с рядом сложностей. Во-первых, обнаруженные данные неоднородны: не во всех случаях найдена информация об аудитории, структуре конкретной программы, учебные планы и т. д. Во-вторых, отсутствует архивная поддержка статистических данных СМИ, верифицировать их не представляется возможным. Поэтому мы исходим из изначального допущения, что они «относительно достоверны» и что приводимые в них статистические и иные сведения могут содержать неточности, однако вряд ли возможен тотальный масштаб неточностей (скажем, курсы Ассоциации фоторепортеров в действительности не были проведены, хотя о них подробно писали на страницах «Советского фото»).

Представляя результаты исследования, мы расположили программы в хронологическом порядке их появления.

Цикл инструктивно-методических публикаций журнала «Огонек» (1925)

Журнал «Огонек» был одним из ведущих иллюстрированных изданий с 1923 г. При журнале сформировалась группа активно снимающих фотожурналистов[10], для иллюстрирования зарубежной хроники кадры получали от иностранных агентов. Рост популярности «Огонька» (тираж в 1923 г. – 42 тыс. экз., в 1928 – 425 тыс. экз.) был обусловлен в том числе большим количеством фотографической информации: она была доступна малограмотным слоям населения, расширяла кругозор, показывая жизнь молодой страны Советов: «Сила фото-иллюстрации заключается с одной стороны в ее документальности, несомненной правдивости (об'ектив фиксирует только действительность) и с другой – в доступности восприятия фотоснимка для самых широких масс, включая... даже неграмотных»[11].

Редакция была заинтересована в развитии собственной сети фотокорреспондентов в регионах. С этой целью в 1925 г. на страницах журнала был опубликован цикл из шести очерков, подготовленный сотрудником иллюстрационного отдела В. Микулиным под общим названием «Как фотографировать для "Огонька"». В них последовательно рассказывалось, кто может стать автором фотопубликаций, как выбрать фотоаппарат, что и как снимать, как готовить снимок к печати. Публикации имели инструктивно-рекомендательный характер. Строго говоря, приводимые в них советы и указания могли относиться к снимающим для любого иллюстрированного издания или фотоагентства того времени, т. е. имели общепрофессиональный характер. В совокупности они представляют собой своеобразное учебно-методическое пособие для фотожурналистов, актуальное для середины 1920-х гг., написанное общедоступным языком без подробных технических выкладок и позиционирующее пресс-фотографию как особую разновидность фотографии.

Обобщая содержание цикла публикаций, можно сформулировать шесть базовых требований к пресс-фотографии:

1) техническое совершенство;

2) повествовательность («фото-иллюстрация должна не только протоколировать и не только показывать чисто механически: она должна говорить, рассказывать о событии»);

3) понятность («легко доходить до сознания зрителя, быть понятной читающим газеты без разъясняющей подписи, по одному лишь краткому заголовку»);

4) интересность («скучный, пресный снимок не нужен читателю. Фотография должна быть содержательна, должна иметь настроение и передавать его зрителю, должна заинтересовывать»);

5) динамичность («передавать движение и, по возможности, давать сюжет и участвующих лиц в действии»);

6) злободневность («снимок, иллюстрирующий старое событие – годится в большинстве случаев только в редакционную корзину. Пригодность снимка иногда исчисляется часами»)[12].

Чтобы удовлетворять им, фотожурналистам рекомендовали регулярно отслеживать публикуемые в прессе анонсы о предстоящих событиях официального характера: съездах, шествиях, празднествах, выставках, демонстрациях, приездах иностранных и отъездах советских дипломатов и т. д. Автор должен был вырезать и наклеивать в тетрадь те заметки, которые посчитал заслуживающими внимания и потенциально интересными читателю, – так формировалось календарное расписание предстоящих съемок. Однако увлекаться «парадными» съемками, которые в большинстве своем скучны и перегружают прессу, а также подменять событийные съемки портретами не рекомендовалось.

Советовали изучать подшивки «Огонька» и других журналов, составляя попутно своего рода индивидуальные методические пособия для съемки: «Выберите из всех иллюстрированных журналов последних 2 лет лучшие снимки, наклейте в альбом или тетрадь, просматривайте их время от времени и учитесь по ним»[13]. Отдельное внимание следовало уделять изучению обложечных фотографий «Огонька», а также регулярно сравнивать свои кадры с кадрами коллег, снимавших те же события.

Приводился примерный перечень тем, интересных для съемки. В него вошли как темы общего характера, для которых фотожурналист мог самостоятельно найти более конкретное решение (достижения советского хозяйства и строительства, сегодняшний быт города и деревни, быт Красной армии и флота, этнографическая съемка народностей СССР и др.), так и более детализированные (авиация, наводнение, делегация английских профсоюзов, маневры Балтфлота и др.), вплоть до готовых к проработке в серийном формате («Работница в производстве», «Председьсовет», «Дере-

венский учитель», «По Москве», «Крестьянский заем в Сибири», «Из города на лоно природы» и др.), в том числе научно-популярных («Советская лампочка», «Как делаются книги», «Откуда берется бумага»). Когда тема выбрана и сюжет снимка найден, мало навести аппарат и нажать спуск затвора – следует еще интересно скомпоновать кадр.

Своеобразным итогом фотографической активности редакции журнала в 1920-е гг. стала фотовыставка 1930 г. Представленные на ней работы П. Горохова, Е. Микулиной, С. Фридлянда, А. Шайхета и других авторов журнала были сгруппированы в тематические блоки: «Наша смена – пионеры – дети», «Работа рук», «Быт и отдых рабочего», «Деревня», «Красная армия и флот», «Формальные искания», «Зоопарк», «Нацменьшинства» и т. д. Выставляемые снимки отбирали исходя из их социальной актуальности, «действенного динамичного оформления», высокого технического уровня. Выставка сначала была показана в Москве, затем в Лондоне, потом в течение двух лет путешествовала по городам Великобритании.

Лекции, выставки и курсы Ассоциации фоторепортеров (1926–1932)

Ассоциация фоторепортеров (также – Ассоциация фоторепортеров при Доме печати), созданная сотрудниками московских СМИ в феврале 1926 г., была уникальным для 1920-х гг. сообществом, организованным по признаку принадлежности к цеху пресс-фотографов. Обязательным условием для вступления в Ассоциацию было «близкое отношение к фото-репортажу» и одновременно членство в Доме печати. Традицией стало зачитывание на встречах докладов «на актуальные темы фото-репортажной работы». 7 марта 1926 г. М. Левидов выступил с докладом «Фоторепортаж с точки зрения редактора», 20 марта П. Гроховский – «Динамика в фотографии». Семь представителей приняли участие в 1-й Московской конференции работников газетной информации. Проработку «производственно-технических вопросов» фоторепортажа Ассоциация считала одной из важнейших своих задач, что должно было способствовать повышению квалификации практикующих специалистов.

С 22 апреля по 3 мая 1926 г. Ассоциацией была организована выставка фоторепортажа. Среди авторов экспонированных работ

были и начинающие фотокоры, и опытные фотожурналисты – М. Альперт, Л. Леонидов, В. Савельев, А. Шайхет и др. Еще одна выставка под названием «Хроника и быт наших дней» была приурочена к 9-й годовщине Октября (прошла с 9 по 25 ноября 1926 г.). Совокупно в них участвовало более 60 авторов, было выставлено более 1600 снимков. Таким образом, в первый год Ассоциация сочетала лекционно-дискуссионный и выставочный форматы деятельности, по-разному нацеленные на повышение квалификации как членов Ассоциации, так и широкой аудитории.

С 19 января 1931 г. при московском Доме печати (Москва, Никитский бульвар, 8а) работали курсы фотокоров, организованные при непосредственном участии Ассоциации. Их основной целью была подготовка организованного, политически и технически грамотного фотокора фабрично-заводских газет. Курсы были рассчитаны на 50 человек. Своих фотокоров прислали обучаться аффинажный завод, завод «Машиностроитель», «Электрозавод», комбинат «Правда», типография «Крестьянской газеты» и др. Обучение было бесплатным. Более того, слушатели бесплатно получали литературу, канцелярские принадлежности и даже проездные трамвайные билеты. Основная форма подачи материала – лекционная (рис. 1). Планировали провести 98 часов занятий, из которых 32, т. е. почти треть времени, отдавали политциклу (лектор – т. Красносельский). «Фоторепортаж и фотокорство» читал Л. Межеричер, «Фотоочерк и фотозаметка в журнале» – т. Хандрос[14], «Фотоматериаловедение» и «Фотографическая химия» – В. А. Яштолд-Говорко, курсы «Оптика» и «Тематика, фотокомпозиция кадра» – П. Гроховский. Газетную практику проводили сотрудники «Рабоче-крестьянского корреспондента». Были запланированы экскурсии в типографию, в агентство «Унион-Фото». Также в качестве практических заданий курсанты выпустили два номера фотографической стенгазеты «Фотокор на учебе».

Рисунок 1. Курсы Ассоциации фоторепортеров, 1931 г.

Источник: «Советское фото» (№ 8, 1931 г.)

Слушатели иронизировали, что на курсы следовало бы отправить половину действующих фоторепортеров, что свидетельствует о весьма высоком уровне обучения. Впрочем, критические отзывы об отдельных частях программы тоже были: «Целый день мы на работе. Затем – общественная работа и курсы. Довольно трудно. Трудна оптика, особенно теоретическая часть. Нам надо больше показа, больше практики, учебных схем, диаграмм, диапозитивов и всего, что поможет усвоить теоретическую часть. Композиция кадра в теоретической подаче – совершенно недостаточна. Для преподавания построения кадра надо выйти из аудитории и снимать вместе с лекторами, под их непосредственным руководством. На живом кадре лектор должен указывать нам наши недостатки. Политцикл преподается несколько тяжеловато <...>»[15]. Публикация, в которой зафиксированы данные пожелания, вышла в апрельском номере «Советского фото», и, вероятно, с ее учетом планировалось организовать коллективные выезды обучающихся на съемки, которые позволили бы потренировать «быстроту восприятия момента». Одной из главных трудностей было то, что большинство слушателей не имело собственных фотоаппаратов.

Пользовались аппаратурой фотографических кружков, в которых состояли, но она редко оказывалась подходящей для репортажной съемки.

В январе 1932 г. при Доме печати вновь были открыты пятимесячные курсы фотокоров. Причастность членов Ассоциации к этому набору вполне вероятна, хотя точных сведений в анонсе нет[16]. Это умолчание может быть связано с тем, что с начала 1932 г. на фоне идеологических споров о дальнейших путях развития советской фотографии деятельность Ассоциации начинает постепенно угасать, а в июне 1932 г. сообщается о ее роспуске и возможной перестройке. Важно отметить, что Ассоциация способствовала повышению профессионального мастерства уже действующих фоторепортеров, сотрудничавших со СМИ, выстраиванию горизонтальных профессиональных связей. Проводимые мероприятия раннего этапа ее деятельности были направлены на взаимообучение (дискуссии, выставки), тогда как курсы 1931 г. представляли собой традиционный образовательный вариант по системе «преподаватель – обучающиеся», их посещали уже не только сотрудники центральных и московских СМИ, но и фотокорреспонденты фабрично-заводских изданий.

Публикации и конкурсы журнала «Советское фото» (1926–1931)[17]

Журнал «Советское фото» издавался с апреля 1926 г. прежде всего с целью развивать массовое фотодвижение. Поэтому закономерным образом большая часть публикаций носила обучающий характер: писали о технологиях получения фотографического изображения, о фотографическом оборудовании, разбирали читательские снимки, учили самостоятельно делать фотоаппараты, размещали экспозиционные таблицы, освещали юридические вопросы[18] и т. д. Печатали не только отдельные материалы, но и методические циклы. В первый год был опубликован цикл очерков «Шаг за шагом. Беседы с начинающими», который рассказывал о строении фотографического аппарата, светочувствительных пластинах и пленках, основах фотосъемки, проявлении негативов и печати позитивов. Он был призван познакомить с азами фотографии начинающих – тех, кто впервые или совсем недавно взял в руки фотокамеру. В 1927 г. вышли схожие по кругу тем «Фотографические беседы». В 1928 г. была размещена серия статей под

общим заголовком «Пути фото-культуры», посвященная рациональному построению фотографического снимка (композиции)[19]. Очерки сопровождались заданиями, которые помогали закрепить теоретические выкладки на практике (сфотографировать сюжеты, где тени передают объем снимаемых объектов; сделать снимок в четыре–пять тонов; построить изображение по линейной перспективе с боковыми точками схода и др.), их выполнение не было обязательным, оставлялось на усмотрение читателя. В 1928 г. также вышел цикл «Фотографирование для журналов и газет», который знакомил читателей со спецификой пресс-фотографии[20]. До и после него материалы по этой теме печатались в «Советском фото» как одиночные, не серийные. Помимо фотографирования и идеологического воспитания, учили составлять подписи: «Фотограф <...> должен на обратной стороне каждого снимка ясно и разборчиво написать, что именно изображает данная фотография, когда и где она сделана, и пометить свою фамилию и адрес. Писать можно чернилами или мягким карандашом, следя за тем, чтобы не продавить при этом отпечаток»[21].

Дважды, в 1927 и в 1928 гг., публиковались циклы методических разработок и программ для руководителей фотокружков. В обучении читателей также помогали книжные приложения, которые входили в стоимость расширенной подписки (Бунимович, 1928; Микулин (ред.), 1928–1930). Среди них было несколько брошюр, посвященных фотожурналистикой съемке (Вострогин, 1930).

Кроме того, редакция внедряла экспериментальные форматы обучения: так, начиная с 3 февраля 1929 г. «Советское фото» еженедельно передавало через радиостанцию имени Коминтерна на волне 1 450 м лекции по фотографии. Их транслировали по воскресеньям в рамках цикла «Популярная энциклопедия»[22].

Образовательную функцию, по заявлению редакции, выполняли и проводимые на регулярной основе фотоконкурсы: «В фотографии надо совершенствоваться не только в области техники снимка, но и в умении выбрать сюжет, скомпановать[23] снимок, осветить выбранную тему одним снимком, одним выхваченным из жизни интересным моментом дать представление о событии, нравах, образе жизни, производстве, научном достижении и т. д. Ничто так не воспитывает и не учит этому, как товарищеское соревнование в конкурсах, где лучшее технически, лучшее по замыслу и выполнению находит оценку компетентного жюри»[24]. Тематика конкурсов была разной. Первый назывался «За работой», от его участников ожида-

ли выразительных зарисовок с производств: «Всякая работа оставляет отпечаток на работнике, вырабатывает тип. Выберите наиболее типичного представителя, выберите характернейший момент работы, в чем бы эта работа ни заключалась, момент, по которому зритель сразу перенесется в другую среду <...>»[25]. В состав жюри были приглашены представители Русского фотографического общества, Ассоциации фоторепортеров, самого журнала «Советское фото», а также редакций массовых иллюстрированных журналов. Победителям были обещаны три премии (40, 25 и 15 руб.), денежные вознаграждения по желанию могли быть заменены фотоматериалами. Тема второго фотоконкурса – «Физкультура на воде», ее анонсировали в летний сезон: «Тема для фотографов – благодарная, а по времени года и – легкая <...> Как разнообразны способы водных развлечений, методов физкультуры на берегу реки, озера, на морском пляже! Фотографу есть что выбрать. Но и к этой теме надо подойти вдумчиво, надо, чтобы зритель, глядящий на кадр, был заинтересован сюжетом и его выражением в снимке, надо, чтобы он увлекся, надо перенести зной солнца, прохладу воды в его сознание, в душный город. Зритель должен быть увлечен и обрадован»[26]. Во время проведения конкурса на страницах журнала опубликовали статью о съемке физкультуры, что должно было усиливать обучающий эффект[27]. Тематика последующих конкурсов была разнообразна: «Жизнь и быт народов СССР», «Зима», «Портрет», «Октябрьский фотоконкурс» и т. д. Отдельные конкурсы проводили в сотрудничестве с другими СМИ (Автодорожный фотографический конкурс – совместно с редакцией журнала «За рулем») и издательствами (постоянный Фотоконкурс по охране труда – совместно с издательством «Вопросы труда» и Центральным музеем охраны труда).

Заочные курсы ОДСК (1928–1930)

Добровольная общественная организация «Общество друзей советской кинематографии» (ОДСК) была создана в 1925 г. Фотокинолюбительская секция при Центральном совете действовала с июля 1926 г., руководителем ее был Г. М. Болтянский (1926–1931). Развитие массового фотодвижения было одной из приоритетных задач ОДСК, для чего при промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и учебных заведениях повсеместно создавали фотокружки. По соглашению с ТАСС лучшие фотосъемки мест-

ных ячеек общества использовались в центральных и региональных газетах и иллюстрированных изданиях[28].

Квалификации кружководов, как правило, не хватало для решения всех образовательных задач. Поэтому на заочных курсах, организованных при Центральной секции ОДСК, в 1928 г. в дополнение к отделениям киносценаристов и киномехаников-передвижников было открыто фотоотделение[29]. Запрос на заочное обучение поступал ранее со стороны фотографической общественности: в частности, в 1927 г. в рубрике «Голоса читателей» журнала «Советское фото» было помещено письмо Н. Николаева, который считал заочные курсы наиболее удобной формой обучения для фотографов, «оторванных от центра»[30].

Заочные курсы находились в ведении Главпрофобра – центрального органа управления профессиональным образованием в СССР в 1920-е гг.[31] Их программа утверждалась Главпрофобром и ГУСом Наркомпроса[32]. Стоимость обучения на фотоотделении в 1928–1930 гг. составляла 15 руб., допускалась рассрочка. Стать слушателями могли все граждане не моложе 16 лет, «умеющие читать, писать, знающие 4 арифметические действия с целыми числами, а также имеющие понятия о дробных величинах»[33], т. е. потенциальная аудитория была весьма обширной, специальные знания не требовались. Окончивший курсы мог стать организатором и руководителем фотокружка при ячейке ОДСК, на заводе, в клубе и т. д., мог организовать производство фотоснимков при предприятии либо стать фоторабкором/фотоселькором и сотрудничать с прессой.

Обучение продолжалось 8 месяцев, за это время слушателям рассылали 36 уроков. Кроме практических заданий, с 1929 г. рассылка включала 13 печатных лекций, которые выпускали в виде брошюр при содействии издательства «Теакинопечать» (Домарадский, 1930; Межеричер, Яштолд-Говорко, 1930; Болтянский, 1930). В среднем отправка лекций проходила раз в две недели. Если в лекциях не получалось разобраться самостоятельно, учащийся мог обратиться в педагогический совет отделения за разъяснениями. По окончании курса проходили заочные испытания, после чего выдавалось свидетельство о прохождении курсов.

В 1928 г. в ОДСК была разработана и затем утверждена Главпрофобром подробная программа фотоотделения, которая в последующие годы незначительно корректировалась (рис. 2). Она включала материалы из различных предметных областей, необходимые

действующему фотографу того времени: оптика, устройство фотокамер и фотолабораторий, фотосъемка, фотохимические процессы, а также применение фотографии в прессе, науке, технике и хозяйстве. В 1930 г. из тринадцати лекций четыре (вводная, о фотолабораториях, о применении фотографии, а также «Фотография и общественность») рассказывали о разных этапах производства пресс-фотографии.

Рисунок 2. Титульный лист Проспекта Заочных курсов ЦС ОДСК, 1930 г.

В 1930 г. курсы перешли из системы издательства «Теакинопечать» в ведение отдела кадров «Союзкино», была запланирована их реорганизация. Основное внимание планировалось уделять обучению фотокружководов.

Важно отметить, что отделения ОДСК на местах проявляли инициативу, организуя образовательные программы, адресованных региональной аудитории. В частности, в Вологде в 1931 г. функционировали трехмесячные курсы по подготовке руководителей фотокружков и фоторепортеров из рабселькоров. Они были рассчитаны на 40 человек. Их создание совпало с открытием Вологодским отделением фотолаборатории[34].

Курс ГИЖа по фоторепортажу (1927–1928)[35]

В ГИЖе (Государственном институте журналистики) специального отделения по подготовке фоторепортеров не было, однако во второй половине 1920-х гг. пресс-фотографию здесь преподавали сначала в рамках «Основ газетного дела» (Муравейский, 1926), а с января 1927 г. – как самостоятельную дисциплину. Короткую заметку, анонсирующую ее открытие, поместили в журнале «Советское фото» в конце 1926 г.: «В Государственном Институте Журналистики с января 1927 г. вводится в учебную программу I курса преподавание фото-репортажа, в программу нового предмета входит ознакомление с фотографическими процессами и организация фото-репортажа в газете»[36]. В 1928 г. курс состоял из 12 лекций, назывался «Газетно-журнальная фотография», преподавал его П. Гроховский. Автор позиционировал курс как теоретический[37], хотя в действительности большую его часть составляла практика. Так, пятая, шестая и седьмая лекции, посвященные съемке и позитивным процессам, сопровождались практическими показами в фотолаборатории. Двенадцатая лекция «Иллюстрационные отделы в издательствах» дополнялась двумя экскурсиями – в иллюстрационный отдел «Рабочей газеты» (тема «Работа иллюстратора») и в типографию на ночной выпуск (тема «Работа цинкографии и выпускающего по верстке иллюстрации»). В качестве вспомогательных материалов автор предлагал пособия А. К. Ержемского (1916), Ю. К. Лауберта (1927), А. М. Донде (1919), а также опубликованные в периодических изданиях о фотографии циклы статей (К. В. Чибисова по сенситометрии и цветопередаче фотографической пластинки в журнале «Фотограф» и статья самого

Гроховского о динамичности фотокадра в «Советском фото»). Для желающих изучить практическую фотографию дополнительно были запланированы лабораторные и студийные занятия в «кружковом» формате. Программа курса «Газетно-журнальная фотография» была создана на базе той, которую П. И. Гроховский преподавал в фотокружке Московского «Дома Печати» в 1925–1926 гг.[38] Примечательно, что она даже была представлена широкой публике в качестве экспоната на выставке «Советская фотография за десять лет»[39].

Курсы «Пресс-клише» ТАСС (1931)

«Пресс-клише» ТАСС (сокращенно – «Пресс-клише») было создано в 1926 г. Основной его задачей было освещение актуальных событий и последующее архивирование собранной фотохроники. К концу 1920 – началу 1930-х гг. фотоагентство имело сеть фотокорреспондентов в разных регионах СССР, которым ежемесячно рассылались т*е*мники[40], а в отдельных случаях еще и индивидуальные задания. Кроме того, «Пресс-клише» сотрудничало с фотокорреспондентами – рабочими московских фабрик и заводов. С целью повышения их квалификации в 1931 г. «в виде опыта» были организованы курсы: «Наряду с использованием лучших фоторепортеров-специалистов, нам надо создать фоторепортеров из пролетарской среды. Отсюда будут черпаться и кадры фоторедакторов и будущих технических специалистов по фото»[41]. Курсы посещало около 30 человек, откомандированных с заводов, фабрик, а также из вузов и других учреждений столицы. Были прочитаны лекции о задачах и сущности советского фоторепортажа, несколько бесед было посвящено технике съемки. Лекции стенографировались, в дальнейшем их планировалось разослать фотокорреспондентам других городов. Основной сложностью для многих обучающихся было отсутствие собственной аппаратуры. Образовательное направление планировалось развивать, соответствующие положения вносились в проектные планы «Пресс-клише»: «Продолжить работу по повышению политической и технической квалификации работников редакции, ее отделений и фото-корреспондентов, путем организации фото-занятий: изучение экономической географии, ознакомление с наилучшими достижениями по фото-технике, путем организации курсов, лекций,

семинаров, рассылки конспектов лекций и т. д. Усилить посылку регулярных конструктивных писем, касающихся содержания и технического качества присылаемого фото-материала. Наряду с этим ответственным работникам редакции, с целью налаживания руководства работой отделений и фотокоров, практиковать выезды на места, с таким расчетом, чтобы каждый работник не менее одного раза в год выезжал на места»[42]. Курсы по повышению квалификации фотокоров собирались организовать в шести отделениях «Пресс-клише» – в Ленинграде, Минске, Новосибирске, Ташкенте, Тифлисе, Харькове. Не всем этим планам было суждено осуществиться, т. к. в 1931 г. было учреждено новое фотоагентство «Союзфото»: «Пресс-клише» ТАСС вошло в его структуру и перестало существовать как самостоятельная организация (Ромакина, 2023).

Сравнительный анализ образовательных программ по фотожурналистике

Таким образом, к 1931 г., к моменту создания «Союзфото» и началу процесса централизации фотодела в СССР, был накоплен разнообразный опыт по подготовке фотожурналистов. Образовательные программы инициировали организации различного статуса, решая каждый раз практические задачи, диктуемые производственной необходимостью. В таблице 1 приведен обобщающий сравнительный анализ наиболее авторитетных программ с учетом институционального статуса организатора, формата и структуры программы, аудиторной направленности, реализуемых целей и т. д.

Таблица 1

Сравнительный анализ образовательных программ, нацеленных на подготовку фотожурналистов в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг.

Организация/ параметр сравнения	1. Редакция журнала «Огонек» (АО «Огонек»)	2. Ассоциация фоторепортеров	3. ЦС ОДСК	4. Редакция журнала «Советское фото» (АО «Огонек»)	5. ГИЖ	6. «Пресс-клише» ТАСС
Институциональный статус организатора	СМИ	Общественная организация	Общественная организация	СМИ	ВУЗ	Фотоагентство
Формат образовательной программы	Цикл публикаций	1. Цикл лекций 2. Фотовыставки 3. Курсы	Заочные курсы (Отделение фотографии)	1. Публикации и циклы публикаций 2. Лекции по радио 3. Фотоконкурсы	Курс лекций в рамках программы подготовки журналистов	Курсы профессиональной подготовки
Цель программы	Подготовка кадров для развития собственной сети фотокорреспондентов	Повышение квалификации действующих сотрудников СМИ	Подготовка пресс-фотографов, руководителей фотокружков, обучение фотолюбителей	Развитие массового фотодвижения, подготовка пресс-фотографов	Знакомство сотрудников СМИ с основами фотожурналистики	Подготовка пресс-фотографов, развитие корреспондентской сети
Территориальный охват	СССР	Москва	СССР	СССР	Москва	Москва
Контингент учащихся	Фотографы, знакомые с основами съемки и желающие сотрудничать с прессой	Профессиональные пресс-фотографы	Пресс-фотографы, руководители фотокружков, фотолюбители	Профессиональные пресс-фотографы, фотолюбители и все интересующиеся фотографией	Студенты, обучающиеся журналистике	Профессиональные пресс-фотографы

Окончание таблицы 1

Формат: очный/заочный/ заочный самостоятельный	Заочный самостоятельный	Очный	Заочный, с возможностью приезжать на практику в Москву	Заочный самостоятельный	Очный	Очный
Продолжительность обучения	Свободная	1, 2. Не определена, от случая к случаю. 3. 5 месяцев.	8 месяцев	1, 2, 3. Свободная	1 семестр (12 лекций)	Около 2-3 месяцев
Документ по окончании	-	-	Свидетельство о прохождении курсов	-	Диплом ГИЖ	Свидетельство о прохождении курсов (предположительно)
Система оценивания	Отсутствует	1, 3. Отсутствует 2. Конкурсная награда для победителей	Экзаменационно-зачетная система	1. Редакционные разборы снимков. 2. Отсутствует 3. Конкурсная награда для победителей	Экзаменационно-зачетная система	Экзаменационно-зачетная система
Методическое сопровождение	Сами публикации являются методическими разработками	н/д	Серия брошюр с текстами лекций и заданиями	Сами публикации являются методическими разработками. Книжные приложения	Брошюры с планами занятий. Рекомендации по чтению специализированной литературы	Стенограммы лекций

Заключение

Особенностью первого этапа развития фотожурналистского образования в СССР (1920-е – начало 1930-х гг.) является многополярность образовательных инициатив: программы учреждали организации, которые так или иначе были связаны с фотографией и/или выпуском массовой печатной продукции – общественные объединения (Ассоциация фоторепортеров, ОДСК), СМИ («Огонек», «Советское фото»), вуз (ГИЖ), фотоагентство («Пресс-клише» ТАСС). Формат их во многом диктовала специфика каждой из организаций: закономерным образом для СМИ это были публикации, для фотоагентства – курсы. Вариативность форматов – лекции, публикации, фотовыставки, фотоконкурсы, выездные практические занятия – свидетельствует об экспериментальном и пока еще неустойчивом характере этих инициатив. Сочетание очных и заочных форм обучения позволяло вовлечь как проживающих в Москве, так и региональных фотокорреспондентов. Итоговым результатом стало не только повышение профессионального уровня посетителей лекций, курсантов, читателей «Советского фото» и т. д., но и тиражные издания учебно-методических разработок, актуальные для своего времени, а сегодня представляющие ценность исторического характера. Преподавательский состав был весьма ограничен, лекции на разных курсах часто читали одни и те же специалисты (П. И. Гроховский, Л. П. Межеричер и др.), к ведению занятий привлекали фоторепортеров со стажем. Цеховой способ обучения, который был основным в области фотографии в дореволюционной России, был поднят на новый уровень: от обучения в узком кругу коллег в фотомастерской – к семинарским и лекционным занятиям на курсах, где количество слушателей уже исчислялось десятками. Особенностью исследуемого периода является сверхактивное участие СМИ в подготовке фотожурналистов, что помогло сделать эту профессию к началу 1930-х гг. относительно массовой.

Примечания

[1] *Микулин В.* Как фотографировать для «Огонька» // Огонек. 1925. № 28. С. 15.
[2] *Зуев А.* Фотография на службе у стенгазеты // Советское фото. 1926. № 1. С. 7.
[3] *Микулин В.* Как фотографировать для «Огонька» // Огонек. 1925. № 28. С. 15.
[4] КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во политической литературы, 1987.

[5] О перестройке рабселькоровского движения (Постановление ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1931 г.) // Партийное строительство. 1931. № 8. С. 56–57.

[6] О кадрах газетных работников (Постановление ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1930 г.) // Справочник партийного работника. Вып. 8. М.: Партийное издательство, 1934. С. 363–364.

[7] *Луначарский А. В.* Наша культура и фотография // Советское фото. 1926. № 1. С. 2.

[8] В июне 1931 г. переименовано в ОДСКФ (Общество друзей советского кино и фото), в сентябре 1931 г. реорганизовано в ОЗПКФ (Общество «За пролетарское кино и фото»).

[9] Проспект Фото-отделения заочных курсов ОДСК. М.: ЦС ОДСК, 1928.

[10] Братья Булла, Ж. Мартов, А. Тулес (вероятно, так именовали Соломона Тулеса), С. Фриндлянд, А. Шайхет и др. Регулярно публиковали снимки и В. Микулина, автора цикла публикаций «Как фотографировать для “Огонька”».

[11] Фотовыставка журнала «Огонек»: каталог. М.: Акц. Изд. Об-во «Огонек», 1930.

[12] Микулин В. Как фотографировать для «Огонька» // Огонек. 1925. № 28. С. 15.

[13] *Микулин В.* Как фотографировать для «Огонька». Очерк четвертый. Что снимать // Огонек. 1925. № 31. С. 14.

[14] Вероятно, В. А. Хандрос, автор книги «Творческая работа корреспондента» (1941), сюжетных листов к сериям диапозитивов «Мать» (по роману А. М. Горького), «Люди Сталинградского тракторного», «Лучший в мире метро» и др.

[15] *Богдан, Масляков, Шишкин* и др. Курсы фотокоров при московском Доме печати // Советское фото. 1931. № 8. С. 195.

[16] Курсы фотокоров при Доме печати // Фотокор. 1932. № 2 (12). С. 4.

[17] В 1931 г. журнал был переименован в «Пролетарское фото», курирующие функции были переданы вновь созданному фотоагентству «Союзфото».

[18] *П. А.* Авторское право на фотографические снимки // Советское фото. 1926. № 1. С. 27; П.-*К. А.* Юридический отдел // Советское фото. 1926. № 2. С. 61; Закон об авторском праве // Советское фото. 1926. № 3. С. 90–91; Пертцик А. Подоходное обложение фото-любителей и фото-репортеров // Советское фото. 1928. № 4. С. 186–188.

[19] *Трошин Н.* Пути фото-культуры. Очерк первый: Фотография и живопись // Советское фото. 1929. № 1. С. 10–13; *Трошин Н.* Пути фото-культуры. Очерк второй: Свет и фотография // Советское фото. 1929. № 2. С. 50–55; *Трошин Н.* Пути фото-культуры. Очерк третий: Тон и фотография // Советское фото. 1929. № 3. С. 104–107; *Трошин Н.* Пути фото-культуры. Очерк четвертый: Объем и фотография // Советское фото. 1929. № 4. С. 156–160; *Трошин Н.* Пути фото-культуры. Очерк пятый: Пространство и фотография // Советское фото. 1929. № 5. С. 203–207; *Трошин Н.* Пути фото-культуры. Очерк шестой: Композиция и фотография // Советское фото. 1929. № 8. С. 338–345.

[20] *Микулин В.* Фотографирование для журналов и газет: Кто может фотографировать для прессы // Советское фото. 1928. № 1. С. 17–20; *Микулин В.* Фотографирование для журналов и газет: Что снимать? Выбор аппарата для фото-репортажа // Советское фото. 1928. № 2. С. 62–69; *Микулин В.* Фотографирование для журналов и газет: Как снимать. Подготовка снимка к сдаче в журнал // Советское фото. 1928. № 3. С. 117–122; *Межеричер Л.* Фотографирование для журналов и газет: Что требуют от снимка редакции // Советское фото. 1928. № 6. С. 296–305; *Межеричер А.* Фотографирование для журналов и газет: Что требуют от снимка редакции // Советское фото. 1928. № 8. С. 370–372.

[21] *Микулин В.* Фотографирование для журналов и газет: Как снимать. Подготовка снимка к сдаче в журнал // Советское фото. 1928. № 3. С. 117–122. С. 122.

[22] Хроника фото-общественности. Наши лекции по радио // Советское фото. 1929. № 5. С. 158.

[23] Опечатка или старая норма написания.

[24] Наши конкурсы. Конкурс № 1: «За работой» // Советское фото. 1926. № 1. С. 12.

[25] Наши конкурсы. Конкурс № 1: «За работой» // Советское фото. 1926. № 1. С. 12.

[26] 10 августа – последний срок отправки снимков на наш конкурс № 2 «Физкультура на воде». Рекламный блок // Советское фото. 1926. № 4. С. 123.

[27] *Пиотрковский Е.* Фотография и физкультура // Советское фото. 1926. № 4. С. 99–103.

[28] Фото-общественность // Советское фото. 1927. № 4. С. 123.

[29] Согласно орфографии 1928 г. – фото-отделение.

[30] *Николаев Н.* Голоса читателей: Заочные фото-курсы // Советское фото. 1927. № 1. С. 28.

[31] В ведении Главного управления процессионального образования (Главпрофобра) находились вузы, техникумы, профессиональные курсы, ФЗУ (школы фабрично-заводского ученичества), курсы повышения квалификации.

[32] Государственный ученый совет (ГУС) – руководящий научно-методический орган Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР, ведавший осуществлением политики государства в области науки, искусства, образования и воспитания в 1919–1933 гг.

[33] Проспект Заочных фото и кино курсов Центрального совета ОДСК и Теакинопечати, утвержденных Главпрофобром. 3-е изд., испр. и доп. М.: Теакинопечать, 1930.

[34] Хроника // Советское фото. 1931. № 15–16. С. 384–386. С. 385.

[35] Сведений о преподаваний курса после 1928 г. обнаружено не было.

[36] Хроника // Советское фото. 1926. № 7. С. 204.

[37] Газетно-журнальная фотография: программа курса П. И. Гроховского. М.: Государственный институт журналистики, 1928.

[38] *Г. П.* Занятия в фото-кружке. Конспект 5-ой лекции. Заключение // Советское фото. 1927. № 9. С. 275.

[39] Советская фотография за десять лет: статьи, каталог, план, содержание и организация выставки. М.: Издание Комитета выставки, 1928.

[40] Темник – список тем, актуальных для съемки в определенный промежуток времени.

[41] *Фишман Б.* Готовим фотокадры. Курсы фотокоров «Пресс-Клише» // Советское фото. 1931. № 6. С. 138.

[42] ГАРФ. Р-4459. Оп. 11. Д. 448. Л. 21.

Библиография

Болтянский Г. М. Фотография и общественность / отв. ред. *Л. П. Межеричер* и *Я. А. Яковлев* / Заочные курсы Ц.С.О.Д.С.К. Отделение фотографии. Лекция 13. М.: Теакинопечать, 1930.

Бунимович Д. З. Фото-кружок и работа в нем / Библиотека журнала «Советское фото». Кн. 20. М.: Акц. Изд. Об-во «Огонек», 1928.

Вартанов А. С. Этапы развития фотопублицистики // Фотография: проблемы поэтики / сост. *В. Т. Стигнеев.* М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 224–240.

Вострогин М. Что и как фотографировать рабкору (Библиотека журнала «Советское фото». Кн. 10). М.: Акц. Изд. Об-во «Огонек», 1930.

Горбаткова О. И. Основные направления развития медиаобразования на материале фотографии в 1920-е годы в СССР // Медиаобразование. 2014. № 4. С. 15–23.

Гусак В. А., Варначева Л. В. Начало российского фотообразования. Высший институт фотографии и фототехники // Культура и гуманитарные науки в современном мире. 2020. Вып. 3. С. 15–29.

Домарадский М. М. Фотографическая съемка / Заочные курсы Ц.С.О.Д.С.К. Отделение фотографии. Лекция 7. М.: Теакинопечать, 1930.

Донде А. М. Фотографированіе въ путешествіи: Краткий справочник по фотографии для любителей светописи и фотографов-путешественников. 2-е изд., доп. и перераб. М.: [б. и.], 1919.

Ержемский А. К. Самоучитель фотографии на броможелатинной эмульсии и хлоросеребряных бумагах / сост. *А. К. Ержемский*; под ред. *М. А. Ризникова*. 5-е изд., доп. СПб.: А. А. Польман, 1916.

Захарова А. А. Научная деятельность высшего Института фотографии и фототехники 1918 – начала 1920-х гг. в архивных источниках // Фотография. Изображение. Документ. 2016. Вып. 7. С. 21–28.

Лауберт Ю. К. Фотографические рецепты и таблицы: сборник испытанных рецептов по всем фотографическим процессам. 5-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

Максимов А. А. Советская журналистика 20-х годов: Краткий очерк журнальной периодики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.

Межеричер Л. П., Яштолд-Іоворко В. А. Фотография в прессе, науке, технике и хозяйстве / Заочные курсы Ц.С.О.Д.С.К. Отделение фотографии. Лекция 12. М.: Теакинопечать, 1930.

Муравейский С. Подготовка работников печати // Газетный и книжный мир. Вып. 2 / под ред. *М. Браза и С. Ингулова*. М.: Двигатель, 1926. С. 97–109.

Ромакина М. А. Создание «Союзфото»: хроника событий // Меди@льманах. 2023. № 4. С. 48–56.

Советский фотографический альманах: Ежегодник / под ред. *В. П. Микулина*. Т. 1, 2, 3. М., Л.: Акц. Изд. Об-во «Огонек», 1928–1930.

Сомов Н. М. Карта знаний (новая классификация наук). М.: [б. и.], 1927.

Станулевич Н. А. Сергей Михайлович Прокудин-Горский и его вклад в развитие методов цветной фотографии.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.

Стигнеев Р. Формирование жанра фоторепортажа в советской фотографии 1920-х гг. // Художественная культура. 2018. № 2. С. 168–193.

Фатеева И. А. Журналистское образование в России: теория, история, современная практика: дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008.

Melot-Henry A. (2012) *La photographie soviétique de 1917–1945.* Nanterre: Presses universitaires de Paris-Ouest.

Notes

(1926) Nashi konkursy. Konkurs № 1: «Za rabotoj» [Our Competitions. Competition No. 1: "At Work"] *Sovetskoe foto* 1: 12.

(1926) Hronika [Chronicle] *Sovetskoe foto* 7: 204.

(1926) Zakon ob avtorskom prave [Copyright Law]. *Sovetskoe foto* 3: 90–91.

(1927) Foto-obshchestvennost' [Photo-Public] *Sovetskoe foto* 4: 123.

(1928) Gazetno-zhurnal'naya fotografiya: Programma kursa P. I. Grokhovskogo [Newspaper and Magazine Photography: Course Program by P. I. Grokhovsky]. Moscow: State Institute of Journalism Publ.

(1928) Prospekt Foto-otdeleniya zaochnykh kursov ODSK [Prospectus of the Photo Department of ODSC Correspondence Courses]. Moscow: TsS ODSK Publ.

(1928) Sovetskaya fotografiya za desyat› let: stat›i, katalog, plan, soderzhanie i organizatsiya vystavki [Soviet Photography over Ten Years: Articles, Catalogue, Plan, Content and Organization of the Exhibition]. Moscow: Izdanie Komiteta vystavki Publ.

(1929) Khronika foto-obshchestvennosti. Nashi lektsii po radio [Chronicle of the Photo Community. Our Lectures on the Radio]. *Sovetskoe foto* 5: 158.

(1930) Fotovystavka zhurnala «Ogonek»: Katalog [Photo Exhibition of the Magazine «Ogonyok»: Catalogue]. Moscow: Ogonek Publ.

(1930) Prospekt zaochnykh foto i kino kursov Tsentral'nogo soveta ODSK i Teakinopechati, utverzhdennykh Glavprofobrom. 3-e izd., ispr. i dop [Prospectus of Correspondence Photo and Film Courses of the Central Council of the Society of Friends of Soviet Cinema and Teakinopechat', approved by the General Directorate of Vocational Education. 3rd ed., revised]. Moscow: Teakinopechat' Publ.

(1931) Hronika [Chronicle] *Sovetskoe foto* 15–16: 384–386.

(1931) O perestroyke rabsel'korovskogo dvizheniya (Postanovlenie TsK VKP(b) ot 16 aprelya 1931 g.) [On the Restructuring of the Rabfak Movement (Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of April 16, 1931)]. *Partijnoe stroitel'stvo* 8: 56–57.

(1932) Kursy fotokorov pri Dome pechati [Courses for Photographers at the House of Printing]. *Photokor* 2 (12): 4.

Bogdan, Maslyakov, Shishkin i drugiye. (1931) Kursy fotokorov pri moskovskom Dome pechati [Bogdan, Maslyakov, Shishkin and Others. Photographic Courses at the Moscow Printing House] *Sovetskoe foto* 8: 195–196.

Fishman B. (1931) Gotovim fotokadry. Kursy fotokorov "Press-Klishe" [Preparing Photo Personnel. Courses for Photographers "Press-Cliché"]. *Sovetskoe foto* 6: 138.

GA RF. R-4459. Op. 11. D. 448. L. 21. [State Archive of Russian Federation. F. R-4459. Inv. 11. File 448. P. 15].

G.P. (1927) Zanyatiya v foto-kruzhke. Konspekt 5-oy lektsii. Zaklyuchenie [Photo Club Classes. Notes of the 5th Lecture. Conclusion]. *Sovetskoe foto* 9: 275.

KPSS o sredstvakh massovoy informatsii i propagandy. Izd. 2-e, dop [CPSU on the Media and Propaganda. 2nd ed., revised.]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. 1987.

Lunacharskiy A. V. (1926) Nasha kul'tura i fotografiya [Our Culture and Photography]. *Sovetskoe foto* 1: 2.

Mezhericher A. (1928) Fotografirovaniye dlya zhurnalov i gazet: Chto trebuyut ot snimka redaktsii [Photographing for Magazines and Newspapers: What Do Editors Require from a Photograph]. *Sovetskoe foto* 8: 370–372.

Mezhericher L. (1928) Fotografirovaniye dlya zhurnalov i gazet: Chto trebuyut ot snimka redaktsii [Photographing for Magazines and Newspapers: What Do Editors Require from a Photograph]. *Sovetskoe foto* 6: 296–305.

Mikulin V. (1925) Kak fotografirovat' dlya «Ogon'ka». [How to Take Photographs for "Ogonyok"]. *Ogonyok* 28: 15.

Mikulin V. (1925) Kak fotografirovat' dlya «Ogon'ka». Ocherk chetvertyj. Chto snimat [How to Take Photographs for "Ogonyok". Essay Four. What to Shoot]. *Ogonyok* 31: 14.

Mikulin V. (1928) Fotografirovaniye dlya zhurnalov i gazet: Kto mozhet fotografirovat' dlya pressy [Photographing for Magazines and Newspapers: Who Can Take Photographs for the Press]. *Sovetskoe foto* 1: 17–20.

Mikulin V. (1928) Fotografirovaniye dlya zhurnalov i gazet: Chto snimat'? Vybor apparata dlya foto-reportazha [Photographing for Magazines and Newspapers: What to Shoot? Choosing a Camera for Photo Reporting]. *Sovetskoe foto* 2: 62–69.

Mikulin V. (1928) Fotografirovaniye dlya zhurnalov i gazet: Kak snimat'. Podgotovka snimka k sdache v zhurnal [Photographing for Magazines and Newspapers: How to Shoot. Preparing a Photograph for Submission to a Magazine]. *Sovetskoe foto* 3: 117–122.

Nikolaev N. (1927) Golosa chitatelej: Zaochnye foto-kursy [Voices of Readers: Correspondence Photo Courses]. *Sovetskoe foto* 1: 28.

O kadrakh gazetnykh rabotnikov (Postanovlenie TsK VKP(b) ot 11 noyabrya 1930 g.) (1934) [On the Staffing of Newspaper Workers (Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of November 11, 1930)] // Spravochnik partiynogo rabotnika. Vyp. 8 [Party Worker's Directory. Issue 8]. Moscow: Partiynoe izdatel'stvo Publ. Pp. 363–364.

P. A. (1926) Avtorskoe pravo na fotograficheskie snimki [Copyright for Photographs]. *Sovetskoe foto* 1: 27.

PC. A. (1926) Yuridicheskij otdel [Legal Department]. *Sovetskoe foto* 2: 61.

Pertzik A. (1928) Podohodnoe oblozhenie foto-lyubitelej i foto-reporterov [Income Taxation of Amateur Photographers and Photo Reporters]. *Sovetskoe foto* 4: 186–188.

Piotrkowski E. (1926) Fotografiya i fizkul'tura [Photography and Physical Education]. *Sovetskoe foto* 4: 99–103.

Troshin N. (1929) Puti foto-kul'tury. Ocherk pervyj: Fotografiya i zhivopis' [Ways of Photo Culture. Essay One: Photography and Painting]. *Sovetskoe foto* 1: 10–13.

Troshin N. (1929) Puti foto-kul'tury. Ocherk vtoroj: Svet i fotografiya [Ways of Photo Culture. Essay Two: Light and Photography]. *Sovetskoe foto* 2: 50–55.

Troshin N. (1929) Puti foto-kul'tury. Ocherk tretij: Ton i fotografiya [Ways of Photo Culture. Essay Three: Tone and Photography]. *Sovetskoe foto* 3: 104–107.

Troshin N. (1929) Puti foto-kul'tury. Ocherk chetvertyj: Ob"em i fotografiya [Ways of Photo Culture. Essay Four: Volume and Photography]. *Sovetskoe foto* 4: 156–160.

Troshin N. (1929) Puti foto-kul'tury. Ocherk pyatyj: Prostranstvo i fotografiya [Ways of Photo Culture. Essay Five: Space and Photography]. *Sovetskoe foto* 5: 203–207.

Troshin N. (1929) Puti foto-kul'tury. Ocherk shestoj: Kompoziciya i fotografiya [Ways of Photo Culture. Essay Six: Composition and Photography]. *Sovetskoe foto* 8: 338–345.

Zuev A. (1926) Fotografiya na sluzhbe u stengazety [Photography in the Service of a Wall Newspaper]. *Sovetskoe foto* 1: 7.

References

Boltyanskiy G. M. (1930) Fotografiya i obshchestvennost' [Photography and the Public]. In L. P. Mezhericher, Ya. A. Yakovlev (eds.) *Zaochnye kursy Ts.S. O.D.S.K. Otdelenie fotografii. Lektsiya 13.* [Correspondence Courses of the Main Board of the Society of Friends of Soviet Cinema Photography Department. Lecture 13]. Moscow: Teakinopechat' Publ. (In Russian)

Bunimovich D. Z. Foto-kruzhok i rabota v nem [Photo-Coterie at Work]. *Biblioteka zhurnala «Sovetskoe foto». Kn. 20* [Library of the Magazine Sovetskoe foto. Book 20]. Moscow: Ogonek Publ., 1928. (In Russian)

Gorbatkova O. I. (2014) Osnovnye napravleniya razvitiya mediaobrazovaniya na materiale fotografii v 1920-e gody v SSSR [The Main Directions of Development of Media Education Based on Photography in the 1920s in the USSR]. *Mediaobrazovanie* 4: 15–23. (In Russian)

Gusak V. A., Varnacheva L. V. (2020) Nachalo rossiyskogo fotoobrazovaniya. Vysshiy institut fotografii i fototekhniki [The Beginning of Russian Photography Education: Higher Institute of Photography and Photographic Technology]. *Kul'tura i gumanitarnye nauki v sovremennom mire* 3: 15–29. (In Russian)

Domaradskiy M. M. (1930) Fotograficheskaya s"emka [Photography]. *Zaochnye kursy Ts.S.O.D.S.K. Otdelenie fotografii. Lektsiya 7* [Correspondence Courses Ts.S.O.D.S.K. Photography Department. Lecture 7]. Moscow: Teakinopechat', 1930. (In Russian)

Donde A. M. (1919) *Fotografirovanie v" puteshestvii: Kratkiy spravochnik po fotografii dlya lyubiteley svetopisi i fotografov-puteshestvennikov. 2-e izd., dop. i pererab* [Photography While Traveling: A Short Guide to Photography for Photography Enthusiasts and Travel Photographers. 2nd ed., revised]. Moscow. (In Russian)

Erzhemskiy A. K. (1916) *Samouchitel› fotografii na bromozhelatinnoy emul›sii i khloroserebryanykh bumagakh. 5 izd.* [Photography Tutorial on Gelatin Bromide Emulsion and Silver Chloride Papers. 5th ed.]. St. Petersburg: A. A. Pol'man Publ. (In Russian)

Fateeva I. A. (2008) *Zhurnalistskoe obrazovanie v Rossii: teoriya, istoriya, sovremennaya praktika. Diss... doktora filologicheskikh nauk* [Journalism Education in Russia: Theory, History, Modern Practice. Diss... Doctor of Philology]. Ekaterinburg. (In Russian)

Laubert Yu.K. (1927) *Fotograficheskie retsepty i tablitsy: Sbornik ispytannykh retseptov po vsem fotograficheskim protsessam. 5-e izd* [Photographic Reci-

pes and Tables: A Collection of Tried and Tested Recipes for All Photographic Processes. 5th ed.]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo Publ. (In Russian)

Maksimov A. A. (1964) *Sovetskaya zhurnalistika 20-kh godov: Kratkiy ocherk zhurnal'noy periodiki* [Soviet Journalism of the 20s: A Brief Essay on Magazine Periodicals]. Leningrad: Leningrad State Univ Publ. (In Russian)

Melot-Henry A. (2012) La photographie soviétique de 1917–1945 [Soviet Photography from 1917 to 1945]. Nanterre: Presses universitaires de Paris-Ouest. (In French)

Mezhericher L. P., Yashtold-Govorko V. A. (1930) Fotografiya v presse, nauke, tekhnike i khozyaystve [Photography in the Press, Science, Technology and Economy]. *Zaochnye kursy Ts.S.O.D.S.K. Otdelenie fotografii. Lektsiya 12* [Correspondence Courses Ts.S.O.D.S.K. Photography Department. Lecture 12] Moscow: Teakinopechat'. (In Russian)

Muraveyskiy S. (1926) Podgotovka rabotnikov pechati [Training of Printing Industry Workers]. *Gazetnyy i knizhnyy mir. Vyp. 2* [Newspaper and Book World. Volume 2]. Moscow: Dvigatel' Publ. Pp. 97–109. (In Russian)

Romakina M. A. (2024) Sozdanie «Soyuzfoto»: khronika sobytiy [Creation of "Soyuzfoto": Chronicle of Events]. *Mediaal'manakh* 4: 48–56. (In Russian)

Somov N. M. (1927) *Karta znaniy (novaya klassifikatsiya nauk)* [Map of Knowledge: New Classification of Sciences]. Moscow. (In Russian)

Sovetskiy fotograficheskiy al'manakh: Ezhegodnik / pod red. V. P. Mikulina. T. 1, 2, 3 [Soviet Photographic Almanac: Yearbook / ed. by V. P. Mikulin. V. 1, 2, 3]. Moscow, Leningrad.: Ogonek Publ., 1928–1930.

Stanulevich N. A. (2018) *Sergey Mikhaylovich Prokudin-Gorskiy i ego vklad v razvitie metodov tsvetnoy fotografii. Diss... kandidata istoricheskikh nauk* [Sergei Mikhailovich Prokudin-Gorsky and His Contribution to the Development of Color Photography Methods. PhD]. St. Petersburg. (In Russian)

Stigneev R. (2018) Formirovanie zhanra fotoreportazha v sovetskoy fotografii 1920-kh gg. [Formation of the Photo Reportage Genre in Soviet Photography of the 1920s]. *Khudozhestvennaya kul'tura* [Art Culture] 2: 168–193. (In Russian)

Vartanov A. (2008) Etapy razvitiya fotopublitsistiki [Stages of Development of Photojournalism]. In V.T. Stigneev (ed.) *Fotografiya: problemy poetiki* [Photography: Problems of Poetics]. Moscow: LKI Publ. Pp. 224–240. (In Russian)

Vostrogin M. (1930) *Chto i kak fotografirovat' rabkoru / Biblioteka zhurnala Sovetskoe foto. Kn. 10* [What and How a Worker Correspondent Should Photograph / Library of the Magazine Soviet Photo. Book 10]. Moscow: Ogonek Publ. (In Russian)

Zakharova A. A. (2016) Nauchnaya deyatel'nost' vysshego Instituta fotografii i fototekhniki 1918 – nachala 1920-kh gg. v arkhivnykh istochnikakh [Scientific Activities of the Higher Institute of Photography and Photographic Technology in 1918 – Early 1920s in Archival Sources]. *Fotografiya. Izobrazhenie. Dokument* 7: 21–28. (In Russian)

Поступила в редакцию
24.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес).

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде концевых сносок (если есть). Через концевые сноски также оформляются библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Библиография) у всех статей – в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть внутритекстовые библиографические ссылки.

Ссылки в тексте приводят в круглых скобках – в них указывается фамилия автора, год издания произведения и номер страницы, который отделяется от года двоеточием. Например: (Иванов, 1998: 125). При повторном цитировании: (там же: 128) для русскоязычных источников или (Ibid: 123) для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы;
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов;
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов;
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов;
- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме;
- борется с плагиатом всеми доступными способами;
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.